

Министерство образования и науки Российской Федерации
Вологодский государственный университет

**20 ЛЕТ УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.
ИТОГИ ПРИМЕНЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

*Материалы Всероссийской
научно-практической конференции
(г. Вологда, 10 июня 2016 года)*

Вологда
2016

УДК 343
ББК 67.408
Д22

Рекомендовано к печати редакционно-издательским советом
Вологодского государственного университета

Ответственный редактор:
В. П. Силкин, кандидат юридических наук,
Вологодский государственный университет

Д22 **20 лет** Уголовному кодексу Российской Федерации. Итоги применения и перспективы развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Вологда, 10 июня 2016 года) / М-во образования и науки РФ; Вологодский гос. ун-т; [отв. ред. В. П. Силкин]. – Вологда: ВоГУ, 2016. – 154 с.

ISBN 978-5-906850-14-0

Сборник научных статей посвящен 20-летию со дня принятия Уголовного кодекса Российской Федерации, включает статьи по различным актуальным аспектам уголовного права как Общей, так и Особенной части.

Рассмотрены вопросы криминализации и декриминализации деяний, дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности, уголовного наказания, теории и практики применения норм об ответственности за должностные, экологические, дорожно-транспортные и иные преступления. Содержатся критические замечания по поводу содержания и предложения о совершенствовании уголовного закона.

Авторами статей являются преподаватели высших учебных заведений России и практикующие юристы.

Материалы конференции предназначены для преподавателей, аспирантов и студентов юридических высших учебных заведений, научных работников, практикующих юристов, а также лиц, интересующихся проблемами уголовного права и путями их решения.

Материалы публикуются в авторской редакции.

УДК 343
ББК 67.408

ISBN 978-5-906850-14-0

© ФГБОУ ВО «Вологодский
государственный университет», 2016
© Оформление. ООО «Издательство
«Сад-огород», 2016

О проступке в уголовном праве

*Авдеенко Нелли Андреевна, аспирант
кафедры уголовного права, криминологии
и уголовно-исполнительного права
Санкт-Петербургского юридического
института (филиала) Академии
Генеральной прокуратуры
Российской Федерации,
г. Санкт-Петербург*

Понятие «уголовный проступок» нередко встречается в научной литературе. Однако действующим уголовным законом проступок не регламентирован. Ученые зачастую используют данный термин в различных значениях, что затрудняет его понимание.

Так, С. И Иванова высказала мнение о необходимости разделить уклонение от отбывания наказания на два вида: преступление и уголовный проступок. Под последним понимается злостное уклонение от отбывания наказаний, не связанных с изоляцией от общества¹.

Аналогичного мнения придерживается Е.В. Лошенкова, которая полагает, что для уголовного права характерно два вида правонарушений: преступления и уголовные проступки. Уголовным проступком предлагается признать «умышленное деяние лица, совершившего преступление, препятствующее реализации уголовной ответственности за данное преступление, запрещенное Уголовным кодексом РФ под угрозой уголовного взыскания или наказания».²

Большинство ученых, апеллируя к истории, не поддерживают указанные точки зрения.

Необходимо отметить, что понятие проступка действительно известно истории уголовного законодательства. Считается, что термин был заимствован в

¹ Иванова С. И. Уклонение от отбывания уголовного наказания: автореф. дис. канд. юрид. наук: 12.00.08: защищена 2004. С. 61.

² Лошенкова Е. В. Ответственность в уголовном праве: автореф. дис. канд. юрид. наук: 12.00.08: защищена 2007. С. 10.

законодательстве европейских стран и впервые появился в статье 2 тома XV Свода законов Российской империи 1832 года. Непосредственно как элемент Общей части уголовного закона проступок можно обнаружить в статье 2 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года¹.

В указанных нормативных актах проступок (в отличие от преступления) понимался как менее опасный вид преступного деяния.

Свод законов Российской империи устанавливал различие между преступлением и проступком исходя только из тяжести наказания.

Уложение определяло преступление и проступок таким образом, что преступлением характеризовалось посягательство на благо, защищаемое законом, а проступком – нарушение норм, охраняющих те или иные ценности².

Еще одним важным нормативным актом, регламентирующим уголовные проступки, являлся Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 года. Согласно данному закону, к проступкам, например, относились такие деяния как засорение рек, каналов; рыбная ловля в запрещенное время; охота без разрешения; проживание в столицах без паспорта, открытие без разрешения театральные представления. За указанные деяния могло быть назначено наказание в виде выговора, замечания, внушения, денежного взыскания до 300 рублей, ареста до 3 месяцев, заключения в тюрьму до 1 года³.

Представляется верным, что уголовные проступки и непосредственно Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 года оказали значительное влияние на формирование законодательства об административных правонарушениях, становлению и развитию которого предшествовал продолжительный период генезиса⁴. Устав даже называют «прообразом» КоАП РФ⁵.

¹ Логецкий А. А. Преступление и проступок в уголовном праве XIX - начала XX века: автореф. дис. канд. юрид. наук: 12.00.01: защищена 2003. С. 140.

Рогова Е.В. Уголовный проступок в дореволюционном законодательстве России // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2011. № 5 (79) С. 146.

² Логецкий А. А. Преступление и проступок в уголовном праве XIX - начала XX века: автореф. дис. канд. юрид. наук: 12.00.01: защищена 2003. С. 95.

³ Михеев А.В. Институт мировых судей в уголовном судопроизводстве дореволюционной России // История государства и права. 2007. № 7. С. 31.

⁴ Административное право: учебник /под ред. А.Б. Агапова. 5-е – изд., перераб. и доп. М., 2006. С. 56.

⁵ Есаков Г.А. От административных правонарушений к уголовным проступкам, или о существовании уголовного права в «широком» смысле //Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 1(6). С. 41.

Следующим нормативным актом, содержащим проступки, является Уголовное уложение 1903 года. В нем преступные деяния (в зависимости от наказаний) подразделялись на тяжкие преступления, преступления и проступки. За проступки назначалось самое мягкое наказание¹. После проступков исчез из уголовного законодательства.

Вместе с тем ряд специалистов давали высокую оценку нормам о классификации преступлений Уложения 1903 г. и даже предлагали восстановить это традиционное деление всех преступлений на три категории, подчеркивая значимость той классификации, ее роль, социальное и правовое значение².

Таким образом, ранее под уголовным проступком понимались преступные деяния, обладающие, по сравнению с иными преступлениями, наименьшей степенью общественной опасности, за которые устанавливалось нестрогое наказание.

В настоящее время в связи с участвовавшими случаями декриминализации и криминализации деяний, перевода деяний из Уголовного кодекса РФ в сферу административного законодательства, введением в Уголовный кодекс РФ составов преступлений с административной преюдицией исследователями активно осуществляется поиск ответа на вопрос: каким образом разграничивать преступления и административные правонарушения?

Ряд ученых видят выход в возвращении к опыту использования в законе уголовных проступков, обладающих особым статусом и призванных служить «буфером» между преступлениями и административными правонарушениями.

В вопросах содержания уголовного проступка научное общество разделилось на два лагеря: тех, кто полагает, что под уголовным проступком должно пониматься преступное деяние и тех, кто считает, что к уголовным проступкам необходимо относить деяния, за которое не наступает уголовная ответственность.

¹ Российское законодательство в X-XX веков в 9 т. /под ред. И.О. Чистякова. М., 1994. Т. 9. С. 275.

² Хайруллина Г.А. История становления института классификации преступлений в России // История государства и права. 2013. № 16. С. 15.

В.И. Курляндский предложил исключить из Уголовного кодекса РФ ответственность за преступления небольшой тяжести, назвать такие деяния проступками и создать кодекс проступков, за совершение которых применялись бы «меры административного или общественного воздействия»¹

О.А. Михаль и Ю.А. Власов предлагают признать случаи, предусмотренные ч. 2 ст. 14 УК РФ (об освобождении от уголовной ответственности в связи с малозначительностью деяния), уголовным проступком и при освобождении виновного от уголовной ответственности привлекать его к административной².

Не соглашаясь с указанными мнениями, Т. А Манина, как и Н.Ф. Кузнецова, утверждает, что «с позиций права термин «уголовный проступок» удачно подчеркнул бы специфику таких деяний, которые, оставаясь нарушениями уголовного закона, то есть преступлениями, вместе с тем располагались бы на границе преступлений и проступков. Слово «уголовный» означает, что речь идет о преступном деянии, а «проступок», что эти деяния близки к антиобщественным проступкам – дисциплинарным, административным»³

Е.В. Рогова, как и П.Ю. Константинов, утверждает, что уголовным проступком могут стать административные правонарушения, имеющие судебную юрисдикцию и не являющиеся административными по своей сути (не касающиеся порядка управления, например, мелкое хулиганство, мелкое хищение и т.д.) или строго наказуемые⁴.

Н.В. Генрих предлагает признать, что «уголовный проступок - особый вид уголовных правонарушений, отличающийся как от административных проступков, так и от собственно преступлений. Его специфика состоит в относительно невысоком уровне общественной опасности, которая обуславливает необходимость определения особого режима ответственности (сокращенные

¹ Курляндский В.И. Неотвратимость наказания и борьба с преступностью // Советское государство и право. 1972. № 9. С. 84.

² Михаль О.А., Власов Ю.А. Об уголовном проступке в российском уголовном праве // Современное право. 2014. № 3. С. 110 - 115.

³ Манина Т. А. Нравственные элементы в уголовном наказании: автореф. дис. канд. юрид. наук: 12.00.08: защищена 2005. С. 51-52.

⁴ Рогова Е.В. Уголовный проступок в системе категоризации преступлений // Российский следователь. 2011. № 16. С. 26 – 29; Константинов П.Ю. Взаимосвязь административных правонарушений и преступлений: проблемы теории и практики / П.Ю. Константинов, А.К. Соловьева, А.П. Стуканов // Правоведение. 2005. № 3. С. 69.

сроки давности, применение не всех видов наказания, сокращение сроков наказания)»¹.

Таким образом, очевидно, что споры о целесообразности существования уголовных проступков тесно связаны, прежде всего, с проблемами определения характера и степени общественной опасности деяний и непосредственно определении способности некоторых деяний быть общественно опасными.

На наш взгляд, введение уголовных проступков является обоснованным шагом для установления справедливой ответственности за совершение деяний, степень общественной опасности которых граничит между степенью общественной опасности административных правонарушений и преступлений. Вместе с тем, прежде представляется необходимым разработать критерии определения характера и степени общественной опасности деяния, конкретизировать в законе понятия «деяние, формально содержащее признаки преступления» и «малозначительное деяние».

¹ Генрих Н.В. К совершенствованию механизма уголовно-правового регулирования: проблемы и зарубежный опыт // Международное уголовное право и международная юстиция. 2009. № 4. С. 3 - 6.

Проблемы разграничения мотивов в преступлениях экстремистской направленности

*Азимов Эльдар Мехтиярович,
преподаватель кафедры уголовного права
и процесса юридического факультета
Петрозаводского государственного
университета, г. Петрозаводск*

Квалификация преступлений экстремистской направленности является важнейшим и, вместе с тем, сложнейшим вопросом как практической, так и научной деятельности в сфере противодействия экстремизму. Неправомерное применение антиэкстремистского законодательства, принятие спорных решений по данной категории дел, вызванное сложностью составов, может способствовать нарастанию социального напряжения в обществе. Во многих моментах вопрос о квалификации преступлений, связанных с экстремизмом, остается открытым.

На данный момент понятие преступлений экстремистской направленности дается в Примечании 2 к ст. 282.1 УК РФ, где под ними понимаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части и пунктом "е" части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации. Таким образом, мы можем говорить о том, что круг деяний, подпадающих под дефиницию «преступления экстремистской направленности» крайне широк, более того, ввиду применения п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ – он практически не ограничен.

Можно согласиться с мнением П.С. Яни¹ о том, что под преступлениями экстремистской направленности понимаются два связанных между собой, но различающихся видов преступлений: экстремистские преступления первого ви-

¹ Яни П.С. Квалификация преступлений экстремистской направленности // Российская юстиция. 2011. № 10. С. 11–16.

да, где так называемый экстремистский мотив или мотив ненависти и вражды прямо указывается законодателем в составе конкретного запрещенного Уголовным кодексом деяния, и экстремистские преступления второго вида, когда вышеназванный мотив не указывается законодателем непосредственно в норме Особенной части УК РФ, в этом случае правоприменитель учитывает мотив ненависти и вражды как отягчающее обстоятельство в соответствии с п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Вне всякого сомнения, мотив преступления уголовно-наказуемых деяний экстремистской направленности является одним из наиболее ярко-выраженных отличительных особенностей данной категории дел. По мнению С.М. Ибрагимова, термин «мотив» – это исключительно психологическая дефиниция, выработанная в рамках психологии и только потом уже перенесенная в уголовно-правовую сферу¹. Считаем, что допустимо употребление терминов «ненависть» и «вражда», как мотивационных факторов. Совершение преступлений экстремистского характера определяется мотивами политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Вместе с тем не всегда возможно разграничить мотивы, поскольку толкование одних в законе не дано, а другие толкуются слишком пространно. Так П.А. Кабанов, раскрывает понятие политической ненависти в преступлениях экстремистской направленности как побуждение к совершению преступления в отношении лиц, придерживающихся иных политических взглядов, в целях борьбы за власть. Политическая вражда, по его мнению, включает в себя совершение каких-либо демонстративных действий, выражающих неприязнь к иным политическим оппонентам, основанную на особых политических убеждениях.²

Идеологическая мотивация представляет собой категорическое непринятие идей и убеждений, которые имеются у определённого лица. Необходимо отметить, что разделить эти два вида мотива крайне сложно, фактически мы говорим о смеж-

¹ Ибрагимов С.М. Уголовно-правовая и криминологическая характеристики низменных мотивов в преступлениях против личности: дис. канд. юрид. наук. СПб., 2007. С. 36.

² Кабанов П.А. Политическая ненависть или вражда как один из мотивов преступлений экстремистской направленности // Следователь. 2008. № 2. С. 57.

ных, если не тождественных понятиях, потому что любая политическая деятельность или политическая позиция, в той или иной мере, основана на идеологии.

Также крайне схожи мотивы расовой и национальной ненависти или вражды, так как, как правило, зачастую эти два мотива являются дополнением друг к другу. Вместе с тем отмечаем, что наличие только мотива ненависти на национальной, этнической почве возможно. Проблемой является необходимость разграничения терминов «нация», «национальность» и «этническая принадлежность». Зачастую они понимаются как синонимы, хотя дефиниция «нация» подразумевает историческую, социально-экономическую, культурно-политическую и духовную общность людей, в рамках государства. Ввиду этого уместно согласиться с точкой зрения А.Г. Здравомыслова о существовании полиэтничной (многонародной) или моноэтнической нации¹.

Главной особенностью такого признака, как религиозная ненависть, является то, что лицо придерживается определенного вероисповедания, которое воспринимается экстремистом как враждебная, либо не принадлежит ни к какой конфессии, либо отправляет религиозные обряды религии не так, как лицо виновное считает нужным. Мы считаем, что катализатором религиозной ненависти является зачастую неверная трактовка религиозных текстов. Дополнительным фактором напряжённости являлась и возможность всех федеральных судов запрещать те или иные тексты, воспринимаемые последователями религий, как священные. Вне всякого сомнения, религиозные священные тексты должны быть ограждены от возможности запрещения, либо изыскания в них экстремистских призывов лицами без специальных знаний. В связи с этим обоснованным нам кажется введённый Федеральным Законом «О внесении изменения в Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» №314-ФЗ от 23.11.2015 г. запрет на признание экстремистскими материалами содержания и цитат из Библии, Корана, Танаха и Ганджура. Однако, в то же время, данный нормативный акт ставит под сомнение наличие в Российской Федерации равенства всех религиозных объеди-

¹ Здравомыслов А. Г. Социология российского кризиса. Наука 1999, ISBN 978-5-02-008338-7, С. 145

нений, которое объявляется ст. 4 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ.

Мотив ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы является еще одним из мотивов преступлений экстремистской направленности. Основная проблема в таком случае заключается в определении признаков социальной группы, которые, отсутствуют в отечественном законодательстве. Само определение социальной группы в законе как «какой-либо» позволяет нам высказать предположение о том, что и сам законодатель не устанавливает четких рамок использования данного термина. Более того, не существует единого определения и в рамках научной доктрины не только уголовного права, но и собственно социологии. Все вышеназванное затрудняет квалификацию экстремистских деяний, связанных с мотивом ненависти или вражды к какой-либо социальной группе и, вместе с тем, открывает возможность неправомерного применения антиэкстремистского законодательства и использование его в политических и репрессивных целях.

По нашему мнению, некоторые преступления экстремистской направленности могут быть совершены из корыстных побуждений, то есть в надежде на получение вознаграждения за совершение деяния, подпадающего под определение преступления экстремистской направленности. Ввиду этого считаем важным разъяснение Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 11 от 28.06.2011 г., где в качестве примера преступлений экстремистской направленности перечислены преступления, не предусматривающие мотива ненависти в качестве обязательного признака состава преступления, к примеру, публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ), возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ), создание экстремистского сообщества и участие в нем (ст. 282.1 УК РФ), организация деятельности экстремистской организации и участие в такой организации (ст. 282.2 УК РФ), и рассматривать данные мотивы как обязательный признак состава преступления, в этом случае, по нашему мнению, не верно.

Сложность использования норм антиэкстремистского законодательства обуславливается, помимо всего прочего, и нечеткостью прочего многих определений и расплывчатостью рамок использования уголовных норм. Фактически, на данный момент, под понятие экстремизма может попасть и просто публичное несогласие с политическим курсом.

Уголовный кодекс нуждается в усовершенствовании

Андреева Людмила Аркадьевна, канд. юрид. наук, доцент, заслуженный юрист России, почетный работник прокуратуры России, г. Санкт-Петербург

Овчинникова Галина Вячеславовна, канд. юрид. наук, доцент, заслуженный юрист России, почетный работник прокуратуры России, г. Санкт-Петербург

Уголовный кодекс Российской Федерации – это основа уголовного законодательства, база для научной разработки уголовно-правовых проблем и определенный итог воплощения достижений научно-правовой мысли и правоприменительной деятельности.

УК это, конечно, не застывшая конструкция, он неизбежно должен подвергаться изменениям в соответствии с изменениями социальной жизни общества, его потребностями. Но то, что происходит с действующим УК в настоящее время, вызывает удивление.

Общая часть УК, основанная на «выстраданных» веками юридической мыслью и практикой постулатах, более стабильна, т.к. меньше зависит от социально-экономических изменений в общественной жизни, от государственного устройства, а вот особенная часть УК более подвижна. Но несомненно, что каждое изменение должно вписываться в единую систему УК. Разумное соотношение общих и частных норм – это один из признаков зрелости, теоретической обоснованности Уголовного кодекса.

Современное законотворчество нередко вносит дисбаланс в структуру действующего УК РФ. Сложилась контрпродуктивная законодательная практика: возникают какие-то новые общественно вредные проявления, не оговоренные конкретно в действующем уголовном законодательстве, парламент реагирует на них новым законом. Иногда это без достаточной криминологической проработки, с игнорированием принципов соотношения общих и частных уголовно-правовых

норм, подчас без учета положений Общей части УК. Ярким примером может быть ст. 159 УК РФ, которая обросла новыми пунктами о проявлениях обманных, мошеннических действий, хотя все они охватываются общей нормой – ст. 159 УК РФ (мошенничество).

Действующий УК содержит 7 статей (159-159.6), предусматривающих уголовную ответственность за мошенничество. В каждой из статей частично повторяются отягчающие обстоятельства совершения конкретного преступления. Как появлялись эти статьи известно. Возникли конкретные дела в сфере предпринимательской деятельности или в сфере страхования, и соответственно появились в УК статьи 159.4, 159.6. А то, что состав преступления, определенный в статье 159 УК, охватывает все эти манипуляции по незаконному изъятию чужого имущества, игнорируется. Таким способом УК может распухать до бесконечности. Ведет ли это к стабилизации практики, к совершенствованию борьбы с такого рода преступлениями. Нет. Наоборот: вновь изобретаемые мошеннические способы завладения чужим имуществом, не предусмотренные частными нормами, как бы остаются ненаказуемыми.

Предлагаемые в настоящее время изменения в УК и административное законодательство по автотранспортным преступлениям, по нашему мнению, в определенной степени вызваны тем, что как законодателями, так и практиками совершенно не учитывается наличие в законе понятия косвенного умысла, его признаков, теоретического смысла. Сам вопрос об изменении закона, в частности об усилении наказания за автотранспортные преступления со смертельным исходом, вызвано тем, что к последствиям в автотранспортных преступлениях психологическое отношение может быть различным.

Так, опытный водитель может нарушить Правила сознательно: превысить скорость, совершить обгон, где это недопустимо, проехать под запрещающий знак, управлять автотранспортом в состоянии умеренного опьянения. Совершая такие действия, водитель предвидит возможность опасных последствий своих действий, однако без достаточных оснований, легкомысленно надеется их предот-

вратить, но последствия наступают. Это по закону (ч. 2 ст. 26 УК) неосторожное преступление, и ответственность следует по ст. 264 УК РФ.

Но бывают ситуации, когда водитель управляет автотранспортом в состоянии крайне высокой степени опьянения, что уже свидетельствует о его безразличном отношении к возможным последствиям. Так, по ряду дел при задержании водители в силу опьянения даже выпадали из кабины. Аналогичными являются и ситуации с так называемым «опасным вождением». Под влиянием азарта, «драйва», водитель злостно, демонстративно нарушает Правила дорожного движения. Так, например, управляя высокоскоростным автотранспортом, развивает скорость 200 км и более в час на городским улицах с напряженным движением, намеренно меняет полосу движения (игра в шашки) и т.д.

В приведенных ситуациях имеет место не неосторожная вина к последствиям, а косвенный умысел. Судя по характеру езды и состоянию водителя, он может рассчитывать только на «авось», фактически предвидит возможность наступления любых последствий, безразлично относясь к их наступлению, сознательно допуская их.

Таким образом, совершается не автотранспортное преступление, а умышленное преступление против личности, причем нередко из хулиганских побуждений, что и должно быть отражено в квалификации и мере наказания. Аксиомой является то, что любое изменение уголовного законодательства должно быть научно обоснованно, криминологически прогнозируемо. Языковое выражение запрета требует четкости, он должен быть понятным не только законодателю, но и правоприменителю, а также гражданам, к которым обращен.

Состав хулиганства рождался в процессе научных дискуссий, обобщения практики применения ранее действующих норм о запрете мелкого и уголовно наказуемого - обычного и квалифицированного хулиганства. В последствии, с каждым изменением нормы об ответственности за хулиганство, а за ним и за другие преступления (насилие, уничтожение имущества, совершенные из хулиганских побуждений), применение ее становилось все проблемнее. Появились

заверения, что хулиганство почти исчезло из публичных мест: парков, улиц, стадионов, а переместилось в квартиры.

Особенностью ныне действующего состава хулиганства является то, что на хулиганский мотив в диспозиции ст. 213 УК РФ прямо не указывается, но именно этот мотив имманентно присущ объективной стороне этого состава, т.е. действию: грубое нарушение общественного порядка, сопряженное с явным неуважением к обществу. Преступление вызывается и сопровождается хулиганскими и никакими другими побуждениями.

Эта хулиганская мотивация рождается из свойств личности, ее эгоизма, неудовлетворенности асоциальных потребностей, злобы «на весь мир»; у молодежи – из несформированности, незрелости личности, проявлений ее неадекватного, общественно опасного «озорства». Идеологические, политические, националистические, антирелигиозные мотивы свойственны не хулиганству, а другим составам преступлений (ст. 282, ст. 148 УК РФ и др.). Включение их в состав хулиганства ограничивает применение этой нормы, оставляя вне правового поля его многочисленные проявления. Это можно проследить на примере резонансных уголовных дел группы «Pussy Riot» и участников «Гринпис».

Действия «Pussy Riot» до пляски в Соборе: эпизоды с обнажением в общественных местах, совершение половых актов в зале музея, ничто иное как циничное хулиганство. Они были оставлены без правового реагирования, т.к. ни по ст. 20.1 КоАП (мелкое хулиганство), ни по п. «а» или «б» ст. 213 УК РФ их привлечь было невозможно. Что касается пляски в храме, вряд ли эти действия можно считать антирелигиозными, тем более политически мотивированными. Это хулиганство, но при нынешней его трактовке квалификация по п. «а» ч. 1 ст. 213 К РФ была дана с большой натяжкой.

Данное утверждение косвенно подтверждено внесением изменений в ст. 148 УК РФ 28 июня 2013 года (ФЗ-№ 136), которые были приняты по следам уголовного дела группы «Pussy Riot». Однако существование в УК РФ в новой редакции ст. 148 УК, при наличии ст. 282, п. «б», ст. 213 УК РФ, создает непонятную конкуренцию и затрудняет правильное правоприменение этих статей.

Действия участников группы «Гринпис», сначала квалифицированные как пиратство, а затем тоже с натяжкой переквалифицированные на хулиганство по признакам применения оружия организованной группой, вероятно, с сопротивлением представителям органов власти.

Многие из этих признаков действительно есть в действиях группы «Гринпис»: и организованная группа и сопротивление представителям органов власти и, возможно, (нам не известно) применение оружия, но нет хулиганства, т.к. отсутствует хулиганская мотивация.

Важнейшая особенность хулиганства заключается в бесконечном многообразии форм его проявления, поэтому нецелесообразно ограничивать это многообразие указанием в законе на конкретные хулиганские действия.

9 ноября 2013 года в региональное подразделение МЧС Тюмени сообщили, что получено радио об аварийной посадке на полуострове Ямал самолета АН-26 с пассажирами на борту. После 12-часового лыжного перехода в 90 км, отряд МЧС убедился, что в указанном месте аварии никого нет. Сообщение оказалось ложным. Ни рейса, ни такого борта не существует, а сообщение было «шуткой».

Почти аналогичный случай имел место в Санкт-Петербурге в начале декабря 2013 года, когда дежурному порту сообщили, что в море терпит бедствие оторвавшаяся от причала баржа. В шторм в море вышли спасательные катера, подняли вертолет, который несколько раз облетал зону бедствия. Однако это тоже было розыгрышем.

Оба эпизода типичное дерзкое хулиганство, но по ст. 213 УК РФ в нынешней редакции квалифицировать их нельзя. Не подпадают они и под признаки мелкого хулиганства – ст. 20.1 КоАП, следовательно, порождают уверенность в безнаказанности подобных действий.

Таким образом, жизнь подсказывает, что состав хулиганства требует коренного изменения.

Считаем необходимым коснуться и антикоррупционных мер, которые нередко бьют мимо цели. Конфискация имущества за корыстное преступление – это справедливая и эффективная мера наказания. Конфискация должна касаться

не только предметов преступления или предметов, изъятых из оборота, и имущества, добытого преступным путем, а имущества обвиняемого вообще с неприкосновенностью лишь того, что следует считать предметом необходимости для проживания и существования семьи виновного. Это не изъятие только роскоши, а мера наказания за преступную корысть. При этом следует предусмотреть и учитывать методы увода имущества от конфискации.

Последнее время в противодействие коррупции и для предоставления суду альтернативы выбора при назначении наказания, в виде общей либерализации уголовно-правовой репрессии введены штрафы в 2/3 составов преступлений по УК РФ. Практика применения штрафа показывает, что богатый, которому назначен штраф, особого ущерба, лишений и страданий не испытывает, а отделяется легким испугом. Штраф в виде 10-кратной суммы взятки в крупном размере – это вообще либерализация ответственности за коррупцию, т.к. взыскать суммы в сотни миллионов практически не реально. Штраф, даже огромный – это как бы виртуальное наказание, о котором объявлено, но практически исполнить его невозможно (фактически взыскивается 10% от определенных судами сумм штрафа).

Вызывает тревогу и неэффективное применение действующего уголовного закона правоприменителями. При обсуждении в парламенте тех или иных фактов резонансных преступлений возникают предложения ужесточить закон. Часто это происходит в связи с игнорированием Общей части УК РФ, действующие постулаты которой должны работать при применении любой статьи Особенной части.

Работа над проектом нового УК РФ требует создания высококвалифицированной комиссии, в которую должны войти юристы – опытные практики и научные работники. В обсуждении проекта необходимо широкое участие юридических научных учреждений, учебных заведений и общественности.

К вопросу о конструировании норм, предусмотренных статьями 285 и 286 Уголовного кодекса Российской Федерации

*Боровиков Сергей Андреевич, доцент
кафедры уголовного права и
криминологии Вологодского института
права и экономики ФСИН России,
канд. юрид. наук, доцент, г. Вологда*

Анализ судебной и следственной практики указывает на существующие проблемы квалификации составов преступлений, предусмотренных ст. 285 и ст.286 УК РФ. Вопросы квалификации данных составов преступлений неоднократно рассматривались судебными инстанциями различного уровня, например, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 №19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»¹. Казалось бы, практика обобщения рассмотренных уголовных дел направлена на унификацию оценок, но в силу различных причин как субъективного, так и объективного характера результат оставляет желать лучшего. Попытаемся разобраться, что мешает этому в законе.

Сравнительный анализ санкций статей 285 УК РФ и 286 УК РФ в отношении назначения наиболее строго наказания – лишения свободы показывает, что – глобальных различий практически нет. Максимум наказания у обоих составов в первой части – до 4 лет, во второй – до 7 лет с возможностью лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет. Обратим внимание, что квалифицирующие признаки в частях вторых статей идентичные - совершенное лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно главой органа местного самоуправления.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 №19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 12.

Единственное отличие в санкциях находим только в третьих частях статей: в превышении должностных полномочий появляется минимум наказания в виде лишения свободы – от 3 лет. Для обеих статей равные максимумы наказания - до 10 лет с дополнительным наказанием - лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

Таким образом, замечаем – единственное отличие для наказания в виде лишения свободы – появление минимума наказания в ч.3 ст.286 УК РФ. Максимумы наказаний идентичные. Других отличий для этого вида наказания нет. Наблюдается равномерное усиление санкций – на 3 года по отношению к предыдущей части, с последующим включением дополнительных наказаний (диспозитивно для ч. 2 и императивно для ч. 3).

Оставив за пределами данной статьи детальный анализ подхода законодателя к определению пределов наказания в злоупотреблении должностными полномочиями и превышении должностных полномочий, можно утверждать, что формально по характеру и степени общественной опасности они относятся к одной и той же категории преступления.

Позволяют ли эти итоги утверждать, что в условиях, ужесточения требований к регламенту деятельности должностных лиц, нет отличий между общественной опасностью данных составов преступлений и, как следствие, к определению содержания санкций? Полагаем, они должны быть.

Если мы продолжим сравнение, но уже элементов данных составов преступлений, то увидим, что наиболее значимые признаки объекта и субъекта преступлений практически однотипны. Так С.В. Смелова исходит из того, что «родовой объект должностных преступлений составляет совокупность общественных отношений, складывающихся по поводу реализации публичной власти»¹. Дополнительный объект, исходя из диспозиции статьи, можно определить как совокупность прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства. В качестве субъекта пре-

¹ Смелова С.В. Уголовная ответственность за превышение должностных полномочий: Монография. Вологда, 2012. С. 43.

ступлений, предусмотренных ст. 285 и ст. 286 УК РФ, выступают должностные лица (содержание данного термина определено в примечании 1 к ст. 285 УК РФ и здесь не анализируется). Много общего имеют и признаки объективной и субъективной стороны, однако здесь имеются отличия. Ключевыми признаками для этих элементов составов преступлений, оказывающими влияние на опасность преступлений, по нашему мнению, являются характер совершаемых деяний и мотивы, которыми руководствуется это лицо, совершая посягательства.

Так, в характеристике деяния, в одном случае лицо находится в пределах своих полномочий (ст. 285 УК РФ), а в другом, совершая действия, выходит за пределы предоставленных полномочий (ст. 286 УК РФ). Логично предположить, что выход за пределы предоставленных должностному лицу полномочий – есть отклонение от установленной нормы поведения для этого лица.

Однако не маловажным для оценки опасности является характеристика мотива в ст. 285 УК РФ: лицо использует полномочия вопреки интересам службы, наоборот указывается на личный (в том числе корыстный) интерес. Таким образом, действия, которые формально совершаются в пределах полномочий, также являются отклонением от установленной для должностного лица нормы поведения при наличии определенного мотива. Полагаем, что в этом – отклонении от нормы поведения должностного лица – (помимо названных признаков) заключается определенное сходство этих составов преступлений. Более того, некоторые авторы считают, что состав преступления, содержащийся в ст. 285 УК РФ является частным случаем превышения полномочий¹. Встречаются и другие точки зрения на их соотношение.

Имеются ли отличия у этих отклонений в должном поведении? Да, полагаем есть. Если в составе превышения должностных полномочий – это всегда действия, являющиеся внешним проявлением преступления, то следует признать, что именно в этом проявляется суть такого поведения. Данные действия довольно часто становятся очевидными для значительного круга лиц, которые непо-

¹ Яни П.С. Должностное злоупотребление - частный случай превышения полномочий // Законность. 2011. №12. С. 15.

средственно так или иначе участвуют в них либо подвергаются их негативному воздействию, как минимум - должностных лиц, осуществляющих надзорные функции. Внешнее проявление негативного характера деяния выражено здесь более явно.

Несколько иная ситуация с оценкой мотива – представляя собой внутреннее осознанное побуждение, такое отклонение в поведении, как правило, не проявляется так очевидно, как при выходе за пределы полномочий. Более того, следует признать, что такое преступление в определенной мере легче скрыть или завуалировать. Отметим, что личные (корыстные) побуждения, которыми руководствуется должностное лицо, известны гораздо меньшему кругу лиц. Сокрыть их гораздо легче, в сравнении с предыдущим составом.

Обратив внимание на другие пары смежных составов преступлений, увидим, что степень общественной опасности, например, кражи, как скрытого проявления хищения ниже, чем у грабежа. Аналогичное сравнение с нашей ситуацией больше подходит для мошенничества и грабежа, так как мошенничество предполагает, что субъект использует оказанное ему доверие, как и в нашем случае. Поэтому, оценка степени общественной опасности превышения должностными полномочиями, казалось бы, должна быть выше, чем у злоупотребления должностными полномочиями. Но это только одна «сторона медали». При оценке общественной опасности нельзя игнорировать побуждения, которыми руководствовалось должностное лицо, совершая то или иное действие или бездействие. В составе злоупотребления должностными полномочиями мотив описан в виде личной заинтересованности (в том числе корыстной) и закреплён как конститутивный признак. Безусловно, характеристика деяния не может быть равноценна тем побуждениям, которыми руководствовалось лицо, совершая деяние. Это разнопорядковые признаки, значимость которых сравнивать не просто. Отсутствие мотива личной заинтересованности в ст. 285 УК РФ, а равно отсутствие действий, явно выходящих за пределы полномочий, в ст. 286 УК РФ позволяют однозначно утверждать об отсутствии преступного в одном и другом случае даже при наступлении обозначенных в статьях общественно опасных последствий.

Бесспорно, что поведение человека определяется мыслительными процессами, где побуждения играют важную роль. Вместе с тем, интеллектуальная деятельность человека является сложной, часто полимотивированной и не всегда влечет безусловное следование за тем или иным побудительным стимулом, в том числе личной (корыстной) заинтересованностью. Вследствие этого при оценке преступности деяния всегда следует исходить из факта наличия действия или бездействия, в противном случае отсутствует сам предмет квалификации. Поэтому поведение человека, выраженное в том или ином общественно-опасном деянии, следует признать приоритетным, однако в ряде случаев при оценке деяния как преступного этого недостаточно, не менее важен мотив посягательства.

При существующей в ст. 285 УК РФ и ст. 286 УК РФ схожести санкций (как следствие и номинально общественной опасности деяний) и значении анализируемых признаков (мотива и характеристики деяния) на итоги квалификации в своих составах преступлений, спрашиваем: могут ли эти признаки оказывать принципиальное влияние на оценку совершаемого для каждого из смежных составов? Если мы говорим о выходе за пределы полномочий, то применительно к ст. 285 УК РФ это полностью меняет квалификацию на смежный состав преступления – на ст. 286 УК РФ. В том же случае, когда мы проецируем личный (корыстный) мотив на ст. 286 УК РФ, то квалификация, по сути, остается прежней. Имеющиеся в ст. 286 УК РФ квалифицирующие признаки не позволяют изменить оценку. Хотя, как показывает проанализированный материал, данный признак, является значимым и требует дополнительной оценки.

Таким образом, проанализированное позволяет утверждать следующее:

- нормы ст. 285 УК РФ и ст. 286 в УК РФ расположены в верной последовательности. Состав превышения должностными полномочиями по степени общественной опасности должен быть несколько выше, чем состав злоупотребления должностными полномочиями;

- пределы наказания для основного и квалифицированных составов превышения должностных полномочий следует сконструировать несколько строже, чем для злоупотребления должностными полномочиями;

- состав преступления, предусмотренный ст. 285 УК РФ можно условно определить в качестве некой базовой нормы, с которой допустимо сопоставление других норм, предполагающих отклоняющееся поведение должностных лиц в гл. 30 УК РФ. В ст. 286 УК РФ содержится смежный состав преступления, в которой отклоняющееся поведение не требует специфического мотива личной (корыстной) заинтересованности, но в тоже время предполагает явный выход за пределы предоставленных полномочий;

- мотив в виде личной заинтересованности (в том числе корыстной), как значимый криминализирующий признак, остался не учтенным при конструировании квалифицирующих признаков в ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий). Включение этого признака устранит определенные противоречия при конкуренции различных форм отклоняющегося поведения.

Особенности учета смягчающих и отягчающих обстоятельств при различных комбинациях: теория и судебная практика

*Донец Сергей Петрович, доцент
Вологодского государственного
университета, канд. юрид. наук, доцент,
г. Вологда*

В современной судебной практике при наличии разных смягчающих и отягчающих обстоятельств зачастую возникают два или более оснований для понижения либо повышения, либо повышения и понижения назначаемого наказания одновременно.

Но ни в действующем Уголовном кодексе РФ за его двадцатилетнюю историю, ни в теории отечественного уголовного права эти вопросы до сих пор кардинально так и не решены. Не разработано в науке и не закреплено в законе общее правило назначения наказания при наличии «особых» (не путать с квалифицирующими и привилегирующими признаками) обстоятельств с разной направленностью и степенью влияния на уровень общественной опасности преступления и личности. Вместо этого практика и теория дают разъяснения лишь применительно к отдельным ситуациям. Например, наличие двух и более оснований для понижения наказания возникает при любом сочетании вердикта присяжных заседателей о снисхождении, неоконченного преступления и несовершеннолетия субъекта преступления.

В п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ №58 от 22 декабря 2015 г. «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» дано разъяснение по некоторым вариантам исчисления наказания при наличии особых (главных) обстоятельств в случае применения особого порядка судебного разбирательства, установленного главой 40 УПК РФ, при наличии оснований, предусмотренных статьями 62, 64, 66, 68 и 69 УК РФ, а именно:

1) при наличии оснований, предусмотренных частью 1 статьи 62 УК РФ, - вначале применяются положения части 5 статьи 62 УК РФ, затем - части 1 статьи 62 УК РФ;

2) при применении положений части 1 статьи 62 УК РФ две трети исчисляются от максимального срока или размера наказания, которое может быть назначено с учетом положений части 5 этой статьи;

3) при наличии оснований, предусмотренных статьей 64 УК РФ, - закон не предусматривает каких-либо ограничений применения этой нормы по делам, рассмотренным в порядке, установленном главой 40 УПК РФ;

4) при наличии оснований, предусмотренных статьей 66 УК РФ, - вначале применяются положения статьи 66 УК РФ, затем - части 5 статьи 62 УК РФ. При применении положений части 5 статьи 62 УК РФ две трети исчисляются от максимального срока или размера наказания, которое может быть назначено с учетом положений статьи 66 УК РФ;

5) при наличии оснований, предусмотренных как частью 1 статьи 62 УК РФ, так и статьей 66 УК РФ, - вначале применяются положения статьи 66 УК РФ, затем - части 5 статьи 62 УК РФ, после этого - части 1 статьи 62 УК РФ;

6) при применении положений части 1 статьи 62 УК РФ две трети исчисляются от максимального срока или размера наказания, которое может быть назначено с учетом последовательного применения положений статьи 66 и части 5 статьи 62 УК РФ;

7) при наличии оснований, предусмотренных статьей 68 УК РФ, - одна треть исчисляется от максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного санкцией соответствующей статьи Особенной части УК РФ, при назначении наказания за оконченное преступление либо от максимального срока наиболее строгого вида наказания, которое может быть назначено с учетом положений статьи 66 УК РФ за неоконченное преступление;

8) при наличии оснований, предусмотренных статьей 69 УК РФ, - вначале следует с учетом требований части 5 статьи 62 УК РФ определить максимальный срок или размер наказания, которое может быть назначено в связи с рассмотре-

нием дела в особом порядке за каждое из совершенных преступлений, затем назначить окончательное наказание, размер которого определяется исходя из срока или размера наказания за наиболее тяжкое из совершенных преступлений без учета положений части 5 статьи 62 УК РФ, а равно положений части 1 статьи 62 УК РФ. При назначении окончательного наказания судам необходимо иметь в виду, что за каждое из совершенных преступлений наказание назначено с применением правил статьи 62 УК РФ;

9) если лицо совершило несколько неоконченных преступлений, то за каждое из них назначается наказание в соответствии со статьей 66 и частью 5 статьи 62 УК РФ. Наказание по совокупности преступлений при этом не может превышать более чем наполовину максимальный срок или размер наказания, которое может быть назначено за наиболее тяжкое из совершенных неоконченных преступлений по правилам статьи 66 УК РФ¹.

В п. 42 Постановления Пленума Верховного Суда РФ №58 от 22 декабря 2015 г. «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» указано: по смыслу закона, с учетом особенностей признания подсудимого заслуживающим снисхождения наличие вердикта присяжных заседателей о снисхождении, а также смягчающих наказание обстоятельств, предусмотренных пунктами "и" и (или) "к" части 1 статьи 61 УК РФ, и отсутствие обстоятельств, отягчающих наказание, не влечет за собой последовательного применения положений части 1 статьи 62 и части 1 статьи 65 УК РФ. Применению подлежит часть 1 статьи 65 УК РФ. Вместе с тем в таких случаях судья вправе применить правила назначения наказания, предусмотренные не только статьей 65 УК РФ, но и (с учетом обстоятельств, указанных в пунктах "и" и "к" части 1 статьи 61 УК РФ) статьей 64 УК РФ (часть 2 статьи 349 УПК РФ)².

Согласно п. 43 Постановления Пленума Верховного Суда №58 при назначении наказания за неоконченное преступление надлежит соблюдать сроки и размеры наказания, которые, в соответствии с частями 2 и 3 статьи 66 УК РФ,

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ №58 от 22 декабря 2015 г. «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932/ (Дата обращения 06.05.2016 г.).

² Там же.

исчисляются от максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за оконченное преступление. При этом пожизненное лишение свободы за приготовление к преступлению и покушение на преступление не назначается (часть 4 статьи 66 УК РФ)¹.

По нашему мнению, приведенные разъяснения Пленума Верховного Суда оправданы лишь тем, что направлены в «благоприятную для виновного сторону»², хотя и спорны с точки зрения уголовного закона. Ведь в той же ст. 66 УК речь идет о наказании, предусмотренном соответствующей статьей Особенной части УК. По этому поводу в теории уголовного права справедливо подчеркивается: «исчисление срока наказания несовершеннолетнему, осуществившему покушение на особо тяжкое преступление, должно производиться исходя из максимального срока лишения свободы, предусмотренного санкцией...»³.

На практике мыслимы основные сочетания смягчающих и отягчающих обстоятельств: 1) рецидив и неоконченное преступление; 2) рецидив и совокупность преступлений; 3) рецидив и совокупность приговоров; 4) неоконченное преступление и применение требований ст. 62 УК; 5) совокупность неоконченных преступлений; 6) совокупность неоконченных преступлений, совершенных в несовершеннолетнем возрасте; 7) при вердикте присяжных заседателей о снисхождении в случае совершения несовершеннолетним неоконченного преступления. Встречается и такое сочетание обстоятельств, которое не допускает применение специальных правил (например, рецидив и исключительные обстоятельства), на что прямо указано в уголовном законе (ч. 3 ст. 68 УК). При наличии исключительных обстоятельств, предусмотренных ст. 64 УК, наказание при любом виде рецидива, по смыслу ч. 3 ст. 68 УК, назначается без учета правил, предусмотренных ч. 2 ст. 68 УК, то есть срок наказания может быть назначен менее одной третьей части максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за данное преступление с выходом за нижший предел санкции, и даже может быть назначен более мягкий вид наказания. Данные правила, установлен-

¹ Там же.

² См.: Благов Е.В. Назначение наказания (теория и практика). Ярославль: ЯрГУ, 2002. С. 145.

³ Кругликов Л.Л. Проблемы теории уголовного права. Ярославль: ЯрГУ, 2000. С. 138

ные законодателем, не оставляют никакой двусмысленности и могут считаться образцовыми для подобных случаев¹.

В отношении правил назначения наказания при совмещении признаков рецидива и неоконченного преступления наука уголовного права² и судебная практика в настоящее время придерживаются единого мнения о том, что максимальный размер наказания в этом случае следует исчислять сначала с учетом предписаний ст. 66, а затем – ст. 68 УК.

В случае совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, частями третьей и четвертой статьи 206, частью четвертой статьи 211, статьями 277, 278, 279, 353, 356, 357, 358 и 360 настоящего кодекса, при частичном или полном сложении сроков лишения свободы при назначении наказаний по совокупности преступлений максимальный срок лишения свободы не может быть более тридцати лет, а по совокупности приговоров - более тридцати пяти лет ст. 56 УК РФ в редакции Федерального закона от 5 мая 2014 г. №130 ФЗ).

При совокупности неоконченных преступлений, совершенных в несовершеннолетнем возрасте, сначала наказание назначается за каждое неоконченное преступление. Окончательное наказание в виде лишения свободы, назначенное по правилам ст. 69 УК, с учетом общего направления смягчения уголовной ответственности несовершеннолетних, совершивших преступление в возрасте до шестнадцати лет, не должно превышать шести лет. Этой же категории несовершеннолетних, совершивших особо тяжкие преступления, а также остальным несовершеннолетним - десяти лет. В случае совершения лицом нескольких преступлений, одни из которых были совершены в несовершеннолетнем возрасте, а другие – позже, суд должен при назначении наказания по совокупности преступлений сначала назначить наказание за преступления, совершенные в несовершеннолетнем возрасте, с учетом тре-

¹ Там же. С. 60.

² См.: Малков В., Тосакова Л. Назначение наказания при рецидиве преступлений // Российская юстиция. 1997. №9 С.35 – 37.

бований ст. 88 УК, а затем за преступления, совершенные позже, и окончательное наказание назначить по правилам ст. 69 УК¹.

При вердикте присяжных заседателей о снисхождении в случае совершения несовершеннолетним неоконченного преступления следует исходить из того, что наказание за приготовление к преступлению не должно превышать половины, а за покушение на преступление – трех четвертей сроков или размеров, установленных ст. 88 УК, с исчислением двух третей от выведенного таким образом наказания².

В качестве вывода заметим, что ни разъяснения Пленума Верховного Суда, ни наука уголовного права не дают ответа по всем возникающим в судебной практике вопросам и вряд ли возможно заранее предусмотреть все ситуации относительно комбинаций смягчающих и отягчающих обстоятельств. Но общие правила, учитывая главную тенденцию гуманизации наказания, возможно сформулировать.

Для различных видов совокупности «особых» смягчающих и отягчающих обстоятельств при назначении наказания, по нашему мнению, должны применяться единые подходы, основанные как на общеправовых принципах законности, справедливости и гуманизма, так и отраслевых принципах дифференциации и индивидуализации, целевого устремления и рационального применения мер уголовного наказания³. Основываясь на конституционном принципе толкования неустранимых сомнений в виновности лица в пользу обвиняемого⁴, общеправовых и отраслевых принципах, научных выводах⁵ и сложившейся судебной практике назначения судами уголовного наказания при сочетании различных специальных правил, сформулируем общее правило применения специальных начал: *«Цели наказания должны достигаться при максимальной экономии мер уголов-*

¹ Там же. С.77.

² См.: Благов Е.В. Назначение наказания (теория и практика). Указ. соч. С. 145.

³ См.: Уголовное право России. Часть Общая: Учебник для вузов // Отв. ред. Л.Л. Кругликов. – М., 1999. С. 399.

⁴ См.: Конституция Российской Федерации. – М., 2002. Ст. 49.

⁵ См.: Иногамова-Хегай Л. Неоднократность и конкуренция норм: некоторые спорные вопросы квалификации преступлений и назначения наказания // Уголовное право. 2002. №2. С. 30 – 33; См. также: Благов Е.В. Назначение наказания (теория и практика). С. 137 – 149; Ищенко А.В. Указ. соч. С. 59 – 62; Хамитов Р.Н. Указ. соч. С. 3 – 15.

но-правового характера, то есть минимально возможными средствами уголовного закона»¹.

На основе общего выведем частные правила применения специальных начал: 1). *«Для определения новых пределов избрания наказания при наличии нескольких «особых» смягчающих обстоятельств вначале подлежит применению уголовно-правовая норма, наиболее благоприятная для осуждаемого»*. Например, при наличии вердикта присяжных заседателей о снисхождении, исключительных обстоятельств (ст. 64 УК) и смягчающих обстоятельств (ст. 62 УК) – соответственно ст. 64 УК. В данном случае мы имеем дело с конкуренцией между исключительной (ст. 64 УК) и специальной (ст. 62 УК) коллизионными нормами. Исключительность нормы ст. 64 УК состоит в том, что она регулирует назначение наказания за пределами санкции статьи². Конкуренция специальной и исключительной норм всегда решается в пользу исключительной³.

В других случаях конкуренция норм исключается. Например, при совершении неоконченного преступления и наличии вердикта присяжных заседателей – соответственно ст. 66 УК, а затем уже ч. 1 ст. 65 УК. В подобной ситуации, по нашему мнению, речь идет не о конкуренции норм, как утверждают отдельные авторы⁴, а именно о приоритете последовательного применения норм в пользу наиболее благоприятной для виновного лица.

2). *«Для определения новых пределов избрания наказания при наличии нескольких «особых» отягчающих обстоятельств вначале подлежит применению уголовно-правовая норма, наиболее благоприятная для осуждаемого»*. Например, при наличии рецидива и совокупности преступлений – соответственно ч. 2 ст. 68, а затем уже ст. 69 УК. По нашему мнению, в данной ситуации речь идет о приоритете последовательного применения норм с отягчающими признаками в пользу менее отягчающих обстоятельств.

¹ См.: Розенберг Э.В. Необходимость целесообразного и экономного назначения меры наказания (призыв к коренной реформе уголовного права). – Караганда, 1998. С.6.

² Силкин В.П. в связи с этим разделяет санкцию статьи Особенной части УК РФ и санкцию уголовно-правовой нормы. См.: Силкин В.П. Уголовно-правовые санкции за преступления против собственности. Дисс... канд. юрид. наук. СПб., 2004 – С.8.

³ См.: Иногамова –Хегай Л.В. Конкуренция норм при назначении наказания в пределах санкции статьи Особенной части Уголовного кодекса // Государство и право. 1999. №8. С. 63.

⁴ См.: Иногамова –Хегай Л.В. Указ. соч. С. 68.

3). *«Для определения новых пределов избрания наказания при наличии нескольких разнонаправленных «особых» обстоятельств вначале подлежит применению уголовно-правовая норма, наиболее благоприятная для осуждаемого и предусматривающая смягчение наказания. При совершении преступления несовершеннолетним с учетом общего направления смягчения уголовной ответственности несовершеннолетних окончательное наказание не должно превышать десяти лет».*

Например, при совершении преступления лицом, не достигшим совершеннолетнего возраста, неоконченного преступления и наличии нескольких оснований для понижения и повышения уголовной ответственности – вначале применяются правила назначения наказания за неоконченное преступление (ст. 66 УК), а затем уже с учетом обстоятельств, указанных в ст. 65 или 68, 69 УК с применением положений ст. 88 УК. В данной ситуации мы имеем дело с приоритетом последовательного применения смягчающих и отягчающих обстоятельств согласно общему принципу экономии уголовно-правовых мер в пользу несовершеннолетних.

В судебной практике встречаются и более сложные ситуации, когда при назначении наказания у суда возникает необходимость в применении различных специальных правил, для подобных случаев уголовным законом не предусмотренных. Восполнение пробелов является правом законодателя, но для этого требуется значительное время. При таких обстоятельствах, когда признаки совершенного преступления в наличии, но не решены частные вопросы, следует исходить из принципа неотвратимости наказания. В подобной ситуации, по нашему мнению, суд должен быть наделен полномочиями - преодолевать пробел с помощью аналогии закона или аналогии права, не допуская нарушения прав и законных интересов личности, не расширяя сферу уголовной ответственности и соблюдая принцип целесообразного и экономного назначения меры наказания¹.

В литературе высказываются предложения (Л.Л. Кругликов, О.Ю. Климицева) изменить уголовный закон в целях легализации института аналогии (кото-

¹ См.: Розенберг Э.В. Указ. соч. С. 6.

рый в настоящее время в уголовном праве используется нелегально, - например, такое имело место при первоначальной редакции ч.2 и 3 ст. 69 УК, а также имеет место в настоящее время при распространении ч.2 ст. 67 УК на квалифицирующие и привилегирующие обстоятельства-признаки), «с установлением исключений из принципа законности применительно к ситуации, когда совершенное лицом деяние признается кодексом преступным, но не урегулированы отдельные вопросы, необходимые для решения дела по существу»¹. Сходной позиции придерживается ряд ученых: В.В. Лазарев, М.И. Бажанов, Ю.В. Баулин, П.С. Дагель и др.

М.И. Бажанов, констатируя, что аналогия «безусловно запрещена в нашем уголовном праве при криминализации отдельных деяний, прямо в Особенной части УК не предусмотренных», вместе с тем полагает, что «применение норм Общей части по аналогии для восполнения пробелов, в ней имеющих, вполне допустимо»². На этой основе мыслима уголовно-правовая норма в виде ч. 2 ст. 3 УК, допускающая применение аналогии в уголовном праве: *«Применение уголовного закона по аналогии не допускается, за исключением случаев, когда совершенное лицом деяние признается настоящим кодексом преступным и не урегулированы отдельные вопросы, необходимые для решения дела по существу, при безусловном соблюдении принципов справедливости, гуманизма и экономии мер уголовно-правового характера»*. По нашему мнению, подобная новелла в Уголовном кодексе, не нарушая принципов законности и справедливости уголовной ответственности, позволит решить ряд проблем при назначении наказания, в том числе и при совокупности разных по степени и направленности влияния смягчающих и отягчающих обстоятельств.

На базе изложенного сделаем некоторые выводы: 1. Ни в Уголовном кодексе, ни в теории уголовного права, ни в судебной практике кардинально не решены вопросы назначения наказания при наличии «особых» обстоятельств с

¹ Кругликов Л.Л., Климцева О.Ю. О пробелах и аналогии в уголовном праве // Нормотворческая и правоприменительная техника в уголовном и уголовно-процессуальном праве. – Ярославль, 2000. С. 17

² См.: Бажанов М.И. Множественность преступлений по уголовному праву Украины. Харьков: Право, 2000. С. 91.

разной направленностью и степенью влияния на уровень общественной опасности преступления и личности.

2. На основе конституционного принципа толкования сомнений в пользу обвиняемого, общеправовых и отраслевых принципов, научных выводов и сложившейся судебной практики назначения судами уголовного наказания при сочетании различных специальных правил, сформулировано общее правило применения специальных начал, имеющее концептуальное значение для смягчения и усиления ответственности: *«Цели наказания должны достигаться при максимальной экономии мер уголовно-правового характера, то есть минимально возможными средствами уголовного закона».*

3. Из общего выведены частные правила применения специальных начал: *«Для определения новых пределов избрания наказания при наличии нескольких «особых» смягчающих и отягчающих обстоятельств вначале подлежит применению уголовно-правовая норма, наиболее благоприятная для осуждаемого».*

Проблемы назначения и применения уголовного наказания лицам, страдающим наркоманией

*Ефремова Нина Михайловна,
преподаватель кафедры уголовного права
и криминологии Вологодского института
права и экономики ФСИН России,
г. Вологда*

Анализируя состояние наркотизма как явления в нашей современной жизни, учёные различных стран определяют его современную вариантность как форму наркоэпидемии: в обществе сформирована наркокультура, происходит обособление транснациональной организованной преступности и группировка её в межнациональные преступные сообщества. Согласно статистическим данным Управления Организации Объединённых Наций по наркотикам и преступности, в настоящее время в мире общее число лиц, злоупотребляющих наркотическими средствами, составляет около 250 млн. человек, или 5,7% всего населения планеты в возрасте от 15 до 64 лет. В Российской Федерации в 2015 году впервые за последнее десятилетие число лиц, злоупотребляющих наркотическими средствами, снизилось с *5 млн. человек до 7,3. Необходимо отметить, что Вологодская область входит по итогам года в число 6 регионов России, где напряженность наркоситуации значительно снизилась¹.

Данное обстоятельство объясняется прежде всего положительными результатами деятельности оперативных и следственных органов УФСКН России по Вологодской области. На её территории выявлено за этот год 126 преступных групп, занимающихся сбытом наркотиков, и пресечена их деятельность. В суд направлено 287 уголовных дел данной категории, изъята незаконная прибыль от наркобизнеса по которым составила 12 млн. руб. За этот же период было изъято 74 кг наркотиков, ликвидировано 38 наркопритонов, в системе Интернет закрыто 112 сайтов, распространяющих торговлю наркотиками.

¹См.: Отчёт начальника УФСКН России по Вологодской области за 2015 год. URL: [http:// www.harkotiki.ru5-76621htm](http://www.harkotiki.ru5-76621htm) (дата обращения 24. 03. 2016).

В то же время как на территории всех регионов России, так и нашей области, наблюдается ряд существенных проблем в вопросах организации противодействия наркотизму, связанных с системой применения мер наказания к лицам, осужденным за приобретение и сбыт наркотических средств, требующих законодательного разрешения.

Только за последний год судами Российской Федерации осуждено к лишению свободы свыше 100 тыс. лиц, осуществляющих приобретение и хранение наркотических средств без цели их сбыта, для личного потребления. В результате в настоящее время исправительные учреждения Российской Федерации переполнены осужденными-наркопотребителями. Лишь в исправительных учреждениях Вологодской области из 7,3 тыс. заключённых каждый четвёртый является именно таким лицом¹. А в целом по исправительным учреждениям Российской Федерации, с учётом наркосбытчиков, число лиц, осужденных за наркопреступления, составляет не менее 1/3 от общей массы заключённых, - 675 тыс. человек. Из них 90% лиц страдают различными заболеваниями, связанными с наркоманией и нуждаются в применении соответствующего лечения, которое им должны обеспечить исправительные учреждения по месту отбывания наказания.

Но способны ли учреждения Федеральной Службы Исполнения Наказаний России обеспечить полноценное лечение таких лиц и их соответствующую реабилитацию? Ответ отрицательный, так как рецидив заболевания наркоманией среди лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы и получавших лечение в исправительных учреждениях, составляет 95%². Прежде всего это объясняется тем, что для полноценного лечения осужденных наркоманов-мужчин в России имеется лишь 9 специализированных лечебных исправительных учреждений, в то же время для лечения осужденных к лишению свободы женщин и несовершеннолетних лиц таких учреждений в уголовно-исполнительной системе вообще не предусмотрено.

¹ См.: Там же.

² См.: Социология и статистика. Фонд «В защиту прав заключённых». URL: <http://zashita-zk/org/stats1430137630/htmi> (дата обращения 28. 03. 2016).

В результате основной причиной сложившегося неудовлетворительного состояния организации лечения наркомании контингента осужденных в местах лишения свободы является прежде всего многочисленность лиц данной категории, поступающих в исправительные учреждения. Данное обстоятельство вызвано прежде всего ужесточением действующего уголовно-правового законодательства Российской Федерации, предусматривающего ответственность за незаконный оборот наркотических средств. В настоящее время в связи с развитием наркоиндустрии во многих случаях даже разовая доза наркотиков превышает значительный размер в статьях 228 и 228.1 УК РФ, превращая его в крупный, что автоматически влечёт осуждение наркопотребителей (а большинство наркосбытчиков также являются и ими) за совершение тяжкого преступления к длительному сроку лишения свободы, другой вид наказания в санкциях частей 2 в данных статьях не предусмотрен. Для улучшения ситуации необходимо отрегулировать в санкциях указанных статей УК РФ крупный и значительный размеры наркотических средств, приблизив их к условиям реальности. В целях устранения данного разрыва Правительством Российской Федерации внесён в Государственную Думу Российской Федерации законопроект о введении в указанные статьи среднего размера наркотических средств и о соотношении всех размеров наркотических средств с суточными дозами наркоманов¹. Безусловно, данное изменение окажет положительный результат на состояние правоприменительной практики назначения наказаний за данные виды преступлений и поможет «разгрузить» исправительные учреждения России от большого числа наркопотребителей.

В документах обоснования законопроекта предполагается, что в таком случае, при наличии условного осуждения, большая часть таких лиц сможет получить в судах отсрочку от отбывания наказания. В соответствии со ст. 82.1 УК РФ в настоящее время лицу, впервые осужденному за преступления, предусмотренные ч. 1 статей 228, 231 и 233 УК РФ, к лишению свободы и

¹ См.: Паспорт проекта ФЗ № 01.05./10-15/0004604 «О внесении изменений в ст. 82.1 и 228 Уголовного кодекса Российской Федерации и ст. 398 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (дата создания 30. 12. 2015). Разработчик ФСКН России. URL: [http:// www. gdrf.ru](http://www.gdrf.ru) (дата обращения 04. 04. 2016).

признанному больным наркоманией, может быть назначена отсрочка отбывания наказания, если оно изъявило желание пройти курс лечения от наркомании и последующую медико-социальную реабилитацию. При соблюдении условий лечения и достижения ремиссии такое лицо в дальнейшем может быть освобождено от отбывания всего наказания или его части. Для достижения большего эффекта в этом же законопроекте Правительством Российской Федерации предложено законодательному органу России включить в число оснований для предоставления указанной отсрочки дополнительно и совершение лицом преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 228 УК РФ, а также распространить возможность её предоставления на все оговорённых диспозицией ст. 82.1 УК РФ виды преступления при повторном их совершении.

Но данное предложение является спорным в вопросах своей реализации. Даст ли оно желаемый эффект? По условиям предоставления этого вида отсрочки от отбывания наказания в виде лишения свободы, подсудимый должен принять на себя обязательство пройти и курс лечения, и курс последующей реабилитации добровольно и обеспечить их исполнение самостоятельно. Иной механизм действующим законом не оговаривается. Следовательно, подсудимый должен на момент вынесения приговора предоставить суду соответствующий договор с лечебно-реабилитационным центром о получении услуг по лечению и реабилитации. И те, и другие услуги являются платными. Так, согласно расценкам Вологодского лечебно-реабилитационного центра для лечения наркозависимых «Спасая жизни», больной наркоманией должен пройти за 240 дней 4 блока стационарного лечения (мотивационный, интеграционный, стабилизационный и адаптационный), внося ежемесячную плату за лечение по 35 тыс. руб. и отдельно оплачивать консультации врачей, процедуры по очищению организма, кодированию и другие значительные расходы¹.

Следовательно, изменение уголовно-правового законодательства в данном направлении приведёт к тому, что воспользоваться получением отсрочки, т.е. ре-

¹ См.: Лечебно-реабилитационный центр «Спасая жизни». Услуги и цены. URL: <http://vologda-rebcentr.ru/ceny/> (дата обращения 15. 04. 2016).

ально откупиться от получения наказания в виде лишения свободы смогут лишь лица, обладающие значительными денежными средствами – включённые в систему организованной преступности по наркобизнесу.

Отдельные исправительные учреждения, в том числе расположенные в Мурманской и Архангельской области, используют в качестве альтернативы бесплатные реабилитационные центры, работающие по Миннесотской системе «12 ступеней». Но данные центры, финансируемые католическими инвесторами из Польши, не отвечают требованиям российских медицинских организаций. Лечение в них основано на бесконечном чтении молитв, психологическим воздействием на сознание больных и т.д. В результате идут массовые отказы лечащихся от пребывания в таких центрах, похожих на секту с массовым изменением сознания¹.

5 апреля 2016 года Президентом Российской Федерации подписан Указ «О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции», в соответствии с которым произведено упразднение службы ФСКН России и передача её функций органам МВД Российской Федерации². Данное решение экспертами Института проблем правоприменения воспринято положительно. Как отмечается К. Титаевым и Е. Ходжаевой, существование двух силовых ведомств, занятых контролем над одним и тем же типом криминального поведения, приводило к дублированию работы и нездоровой конкуренции между этими службами. Один и тот же вид «палочной» отчётности о выявлении наркопреступлений мотивировал сотрудников этих служб выбирать наиболее легкие дела и наиболее слабых подозреваемых – наркопотребителей для привлечения к уголовной ответственности, обеспечивая их ежегодно возрастающий «наплыв» в места лишения свободы³. С данным мнением следует согласиться.

¹ См. Программа 12 шагов для лечения алкоголизма и наркомании. Форум. URL: <http://www.feniks63.irg.nasha-programma-12-shagov> (дата обращения 27. 04. 2016).

² См.: URL: <http://www.vedomosti.ru> (дата обращения 20. 04. 2016).

³ См.: К. Титаев, Е. Ходжаева Стоит ли присоединять ФСКН и ФМС к МВД? URL: <http://vedomosti.ru> (дата обращения 26. 04. 2016).

Не менее значимыми являются и проблемы, связанные с организацией лечения заболевания наркомании осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы. Недостаточность количества специализированных для этой цели исправительных учреждений приводит к тому, что в большинстве их наркоманы отбывают наказание вместе с другими осужденными. В большинстве случаев лечение наркоманов-осужденных к лишению свободы производится в медчасти самих учреждений, или при областной больнице одного из исправительных учреждений региона, а также в туберкулёзных больницах или в наркологических отделениях областных больниц, предназначенных для стационарного лечения этих осужденных. В таких условиях одной из острых проблем является совместное содержание наркоманов как прошедших лечение, так и не подвергнутых ему, а также здоровых осужденных и лиц, больных наркоманией, без обеспечения их надлежащей внутриобъектной изоляции. По мнению сотрудников уголовно-исполнительной системы и медперсонала исправительных учреждений, их содержание должно быть только раздельным. Иное влечёт ряд серьёзных негативных последствий. В среде осужденных наркотики являются важнейшим средством пополнения «общака», т.е. общей кассы, товаром, который можно обменять на любые другие ценности. Их используют не только в качестве средства подавить нервное состояние, скуку, но и в качестве платежа за карточные долги. Часто осужденных, не являющихся наркоманами, заставляют принимать их насильно, с целью подчинения и установления контроля за их поведением. Другой проблемой является усугубление заболеваний в среде лиц, склонных к приёму наркотиков: из-за периодического отсутствия необходимого вида наркотиков они начинают употреблять все их различные виды, которые смогут достать, вследствие чего становятся полинаркоманами¹.

Как правильно отмечает В.А. Дозоренко, распространение наркотиков среди осужденных носит характер «организованной преступной деятельности, за-

¹См.: Канибер Ю.Н. Наркоситуация в учреждениях системы исполнения наказаний. Харьков, 2002. С. 184.

ключающейся в осуществлении незаконных действий по их доставке, хранению, приобретению, изготовлению и сбыту»¹.

Об организованности системы наркотрафиков в исправительные учреждения России свидетельствуют и статистические данные. Согласно отчётности, за последние 12 лет количество изъятых сотрудниками службы исполнения наказаний наркотиков в местах лишения свободы возросло с 33 до 92 кг².

Все отмеченные негативные явления взаимосвязаны и взаимообусловлены в большей степени неудовлетворительной организацией лечения в исправительных учреждениях России лиц, страдающих заболеванием наркомании. Но сложившаяся ситуация свидетельствует и о том, что практически забота государства о данных лицах полностью переложена с органов Министерства здравоохранения Российской Федерации на исправительные учреждения Федеральной службы исполнения наказаний России – без сопровождения организации такого лечения соответствующими специализированными учреждениями, средствами, медицинскими работниками соответствующего профиля. Таким образом, проблемы назначения наказания и организации лечения наркозависимых осужденных в исправительных учреждениях России нуждаются в глубоком осмыслении, и особенно со стороны законодательных органов Российской Федерации, в плане совершенствования законодательной базы осуществления данных видов деятельности.

¹ В.А. Дозоренко Вопросы противодействия наркотической преступности в местах лишения свободы. // Вопросы современной науки и практики. 2013. № 1. С. 242.

² См.: Характеристика лиц, содержащихся в местах лишения свободы (статистика) URL: [http:// fsin.rf.ru](http://fsin.rf.ru) (дата обращения 26. 04. 2016).

Осознание причинной связи и форма вины в преступлениях против жизни: корреляционная зависимость

*Зимирева Людмила Александровна,
помощник Великоустюгского
межрайонного прокурора
Вологодской области, г. Великий Устюг*

Анализ причинно-следственной связи явлений является важным этапом разграничения смежных составов преступлений против личности.

В судебной практике имеют место случаи ошибочной юридической оценки жестокого избиения потерпевшего несколькими лицами с последующим закапыванием трупа¹ по ч. 4 ст. 111 УК РФ, или нанесение удара ножом (с длиной клинка 11 см) в шею и попытка нанесения второго удара – как причинение лёгкого вреда здоровью². Трудности установления субъективной стороны преступлений против жизни продиктованы скрытыми глубинными намерениями виновного лица.

Многие учёные сходятся на том, что только по конкретным действиям, обстановке совершения преступления в ряде случаев возможно судить о действительных намерениях и целях преступника³. «Полагаем – писал В. Н. Кудрявцев, – что умысел (а также неосторожность) наполняется специфическим содержанием в зависимости от всей совокупности объективных признаков содеянного. Отсюда следует, что классификация признаков субъективной стороны может иметь ценность только на основе системы объективных признаков и в связи с ней»⁴.

С. В. Бородин и В. Б. Малинин отмечали, что «анализ практики показывает, что действия лиц, совершивших убийство, различаясь между собой по фактическим обстоятельствам, имеют общие для всех них признаки, а именно:

1) направленность действий виновного на нарушение функций или анато-

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ, 1998, №11. С. 18.

² Бюллетень Верховного Суда РФ, 1998, №11. С. 18.

³ Корецкий Д., Стешич Е. Анализ причинно-следственной связи при разграничении неосторожности и косвенного умысла // Уголовное право. 2014. № 4. С. 37-38.

⁴ Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. М., 1963. С. 191.

мической целостности жизненно важного органа потерпевшего (обобщение судебной практики показывает, что при наличии умысла на убийство действия виновного чаще всего бывают направлены на нарушение анатомической целостности головы, шеи, левой стороны груди, печени, паха);

2) применение такого орудия или средства, которым может быть причинена смерть;

3) интенсивность действий виновного, достаточная для нарушения функции или анатомической целостности жизненно важного органа человека (интенсивность может характеризоваться как силой удара, так и количеством нанесённых телесных повреждений)»¹.

П. С. Дагель и Д. П. Котов указывали, что установление субъективной стороны преступления достигается посредством анализа: объективных признаков самого преступления и обстановки его совершения, характеристики обвиняемого, устных и письменных его высказываний о субъективной стороне преступления².

В то же время в ряде случаев судебная практика некритично оценивая показания обвиняемого о нежелании причинить смерть, расценивает как неосторожное убийство случаи длительного и жестокого избиения потерпевшего, так же как и удар в драке, после которого потерпевший ударяется головой о твёрдую поверхность мостовой и погибает³.

Представляется, что важным для юридической оценки деяния как умышленного или неосторожного преступления против жизни выступает протяжённость причинно-следственной цепи явлений в сознании виновного лица.

Как указывал В. Н. Кудрявцев: «Под термином «причинная связь» нередко кроется ряд взаимодействующих явлений, которые мы в отдельности не фиксируем, так как нас интересует только начало и конец соответствующей цепи, имеваемой нами причиной и следствием»⁴. В преступлениях против жизни удар выступает началом цепи причинно-следственных связей, которая завершается

¹ Бородин С. В., Малинин В. Б. Убийство – общая характеристика: монография. СПб.: МИЭП при МПА ЕврАзЭС, 2013. С. 166.

² Дагель П.С., Котов Д.П. Субъективная сторона преступления и её установление. Воронеж, 1974. С. 232.

³ Корецкий Д., Стешич Е. Анализ причинно-следственной связи при разграничении неосторожности и косвенного умысла. С. 39.

⁴ Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1960. С. 188.

смертельной травмой, полученной в результате падения, вызванного этим ударом. В большинстве случаев судебная практика обрывает цепь причинной связи на момент непосредственного получения физического вреда от соприкосновения руки сжатой в кулак (обутой ноги и т.п.) с телом потерпевшего в момент удара, так как применитель правовой нормы исходит из предположения, что причинитель вреда не предвидит возможности падения жертвы и получения им смертельной травмы.

Однако теория прямой и непосредственной причины достаточно давно подвергнута справедливой критике в научной литературе, как безосновательно ограничивающая уголовную ответственность. Основываясь лишь на последовательности явлений, невозможно объяснить наступление или не наступление последствий в случае посредственного причинения, обосновать ответственность второстепенных соучастников, привлечь к ответственности виновного использовавшего приводящие, вклинивающиеся в цепь причинности обстоятельства. «Непосредственная причинная связь бывает лишь в чрезвычайно редких случаях, так как между действием как начальным моментом причинности и общественно опасным последствием как конечным моментом всегда вклиниваются силы, завершающие развитие данного причинного отношения. Поэтому авторы, разделяющие данную теорию, больше исходят из потребностей практики и в меньшей мере – из фактов и логики»¹.

Убедительны доводы Д. Корецкого и Е. Стешич о том, что считать момент удара конечным моментом развития причинно-следственной связи можно лишь в случае, когда виновным приняты меры, исключающие дальнейшее развитие причинной цепи явлений «например, перед нанесением удара расстелил в месте предполагаемого падения жертвы спортивный мат или попросил товарищей поддержать потерпевшего» либо применил насилие исключающие причинение дополнительного вреда. Любое лицо, наносящее удар значительной силы, адекватно оценивает значимые для квалификации обстоятельства, отчётливо представляет возможные последствия своего удара, в том числе и последующее па-

¹ Малинин В.Б., Парфенов А.Ф. Объективная сторона преступления. СПб., 2004. С. 105-107.

дение потерпевшего и смертельное для него воздействие от удара головой о твёрдую поверхность или выступы на ней. В подобных обстоятельствах не усматривается ни один из видов неосторожности, поскольку виновный предвидит возможность наступления общественно опасных последствий своих действий в виде смерти потерпевшего (что подтверждает отсутствие преступной небрежности) и не имеет никаких оснований самонадеянно рассчитывать на их предотвращение (отсутствие преступного легкомыслия). Поэтому действия при-

чины-
теля вреда должны быть оценены как убийство с косвенным умыслом¹.

Отсюда следует определённое соотношение между причинно-следственной связью и различными формами виновности, которое находит своё отражение в квалификации деяния.

Так, по ст. 105 УК РФ квалифицируется деяние виновного, который осознает и предвидит неизбежность, реальную возможность (прямой умысел) либо сознательно допускает, относится безразлично (косвенный умысел) к причинной связи между его действиями и смертью потерпевшего. Правовая оценка деяния по ст. 109 УК РФ предполагает, что виновный предвидит абстрактную возможность причинно-следственной связи между его действиями и наступлением смерти потерпевшего (легкомысленно рассчитывает на её предотвращение при легкомыслии) или не предвидит причинную связь, но должен был и мог её предвидеть (небрежность).

Категория возможности осознания течения причинной связи проявляется через способ избранный виновным для достижения поставленной цели.

В то же время интенсивность осознанности течения причинной связи виновным позволяет установить форму вины, разграничить умысел и неосторожность. Зависимость сочетания интеллектуального и волевого признака психической деятельности человека, степени интенсивности и полноты осознания, отра-

¹ Корецкий Д., Стешич Е. Анализ причинно-следственной связи при разграничении неосторожности и косвенного умысла. С. 40.

жает отношение виновного к причинно-следственной связи и проявляется в законодательной конструкции формы вины.

Согласно ст. 25 УК РФ интеллектуальный момент прямого умысла предусматривает кроме возможности наступления общественно опасных последствий так же альтернативно и предвидение их неизбежности. Предвидение возможности или неизбежности наступления общественно опасных последствий означает и предвидение развития причинной связи между совершёнными действиями и их общественно опасными последствиями. Б. С. Никифоров указывает: «Предвидение – это по существу тоже сознание, включающее в себя представление об опасности действия и его причинной связи с наступившим вредом»¹. По мнению А. А. Пионтковского, «предвидение всех фактических обстоятельств, принадлежавших к объективным признакам состава данного преступления, когда речь идёт о так называемых материальных преступлениях, включает в себя ещё и предвидение развития причинной связи между совершёнными действиями и наступившим преступным результатом. Для наличия умысла достаточно, чтобы это предвидение развития причинной связи выражалось лишь в общих родовых чертах»².

Для умышленной формы вины характерны действия, направленные на причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни в момент причинения. Смерть в подобных случаях наступает, как правило, напрямую от действий виновного. В соответствии с разъяснениями, содержащимися в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 года «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» «при решении вопроса о направленности умысла виновного следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного и учитывать, в частности, способ и орудие преступления, количество, характер и локализацию телесных повреждений (например, ранения жизненно важных органов человека), а также предшествующее преступлению и последу-

¹ Никифоров Б.С. Субъективная сторона в формальных преступлениях // Советское государство и право. 1971. № 3. С. 118.

² Пионтковский А.А. Учение о преступлении. М., 1961. С. 340.

ющее поведение виновного и потерпевшего, их взаимоотношения»¹. А. Н. Попов обоснованно указывает, что «обстоятельствами, свидетельствующими о предвидении виновным неизбежности смерти потерпевшего, являются:

1) совершение действий, объективно опасных для жизни потерпевшего (поражение жизненно важных центров потерпевшего, столкновение с высоты, удерживание под водой и т. д.);

2) наличие фактической возможности причинить потерпевшему смерть (вооруженность, подходящая обстановка, наличие специальных познаний, умений, навыков и т. д.);

3) осознанный, не случайный характер действий (выражающийся в их направленности, силе, интенсивности, количестве ударов и т. д.)»².

Если преступник понимал и использовал привходящие силы и явления (будь то силы природы, действия третьих лиц или самого потерпевшего), данные факторы не прерывают причинную цепь событий. Виновный как первопричина, вызвавшая своими действиями последующую причину, непосредственно приведшую к результату, должен нести за него ответственность. Именно его первоначальным деянием совместно с привходящими явлениями было порождено последствие, вызвано с внутренней необходимостью (для уголовного права – это субъективное предвидение и осознание возможности наступления последствия в виде смерти). В случае, когда виновный, являясь первопричиной, не вызывал своими действиями и сознательно не использовал привходящие обстоятельства, выступившие главной причиной смерти, его действия не находятся в причинном отношении к наступлению конечного результата.

Так, действия Лаврененко были переквалифицированы с ч. 4 ст. 111 УК РФ на ч. 1 ст. 111 УК РФ. Судом было установлено, что виновный причинил потерпевшему черепно-мозговую травму, по заключению эксперта, тяжкий

¹Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (в ред. от 3.12.2009 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3.

²Попов А.Н. Разграничение преступлений против жизни со смежными составами по признакам вины // Криминалист. 2014 №. 2 (15). С.5.

вред здоровью. Однако затем течение черепно-мозговой травмы осложнилось сепсисом, который и является непосредственно причиной смерти. Развитию сепсиса способствовало «присоединение инфекции (инфекционного агента) на фоне имевшейся тяжелой черепно-мозговой травмы, протекавшей с утратой сознания, нарушением лёгочной вентиляции, двигательной активности, развитием пролежней. Поэтому развитие сепсиса у потерпевшего нельзя считать следствием черепно-мозговой травмы, так как сама травма без инфекционного начала не могла привести к развитию подобных осложнений и в данном случае явилась необходимым условием, при котором стало возможным действие причины (инфекции). Таким образом, между причинением черепно-мозговой травмы и наступлением смерти потерпевшего отсутствует прямая причинно-следственная связь. В данном случае – связь непрямая (опосредованная), так как обусловлена присоединением инфекции в поздние сроки течения травмы»¹.

Анализ интеллектуального момента вины действующего субъекта по отношению к предвидению причинно-следственной связи проявляется в том, что степень предвидения причинной связи по отношению к виновности падает, от прямого умысла к косвенному, от косвенного к легкомыслию и затем небрежности. И далее, уже за пределами виновного поведения находится казус, невиновное причинение вреда. Иными словами, возможность причинения смерти деянием уменьшается. Проявление подобные процессы, с точки зрения уголовного права, должны находить в сознании действующего субъекта. Чем реальнее в представлениях лица причинная связь между его действием и наступлением смерти, тем более строгому наказанию он подлежит.

¹Приговор Новоильинский р/с г. Новокузнецка (Кемеровская область) от 21.02.2014 (Дело №1-10/2014) [Электронный ресурс]. URL: <http://caselook.ru/document/#/filters/24983/documents/7541922> (дата обращения 23.01.2015)

Некоторые особенности практической реализации статьи 264¹ Уголовного кодекса Российской Федерации

*Кирюшин Валерий Васильевич,
доцент кафедры уголовного права
Вологодского государственного
университета, заслуженный юрист
России, г. Вологда*

Безопасность дорожного движения сегодня является одной из главных социально-экономических и демографических задач Российской Федерации. Аварийность на автомобильном транспорте наносит огромный материальный и моральный ущерб как обществу в целом, так и отдельным гражданам. На дорогах ежегодно гибнут тысячи человек, десятки тысяч получают различные травмы и многие из них остаются инвалидами. Одной из основных причин дорожно-транспортных происшествий в нашей стране является управление транспортными средствами в состоянии опьянения. Так, согласно официальной статистике ГИБДД, в 2015 году в дорожно-транспортных происшествиях с участием пьяных водителей погибли 4 тысячи человек, что на 16% больше, чем в 2014-м. В прошлом году каждое десятое дорожное происшествие совершено по вине пьяного водителя, а общее число таких происшествий превысило 15 тысяч¹.

Законодателем принимались и принимаются определенные меры по борьбе с пьянством за рулем. Ответственность за езду в пьяном виде за последние годы ужесточалась несколько раз. Особо следует выделить Федеральный закон от 31.12.2014 № 528-ФЗ, которым в Уголовный кодекс РФ введена статья 264.1.² Диспозицией данной статьи определена уголовная ответственность за управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения. Ответственность наступает при определенных условиях: либо ранее лицо было подвергнуто административному наказанию за управление транспортным сред-

¹Официальный сайт Госавтоинспекции. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gibdd.ru/>.

² Федеральный закон от 31.12.2014 № 528-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения». [Электронный ресурс] //Консультант-Плюс: справочно-правовая система.

ством в состоянии опьянения или за отказ от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения; либо лицо имеет судимость за совершение преступления, предусмотренного частями второй, четвертой или шестой статьи 264 либо статьей 264.1 Уголовного кодекса РФ. Санкция нововведенной статьи достаточно серьезная, поскольку кроме солидного штрафа, обязательных и принудительных работ предусматривает лишение свободы на срок до двух лет. Помимо основного наказания обязательно назначение дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет. Статья вступила в действие с 01 июля 2015 года.

Надо сказать, что уголовная ответственность за пьяную езду в истории России вводится не впервые. Так, статья 211.1 в УК РСФСР 1961 года устанавливала уголовную ответственность за управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, совершенное повторно в течение года, а также лицом, ранее судимым за аналогичное преступление. Среди основных наказаний, кроме штрафа и исправительных работ, предусматривалось лишение свободы на срок до трех лет, было также обязательное дополнительное наказание в виде лишения водителя права управления транспортными средствами на срок от трех до пяти лет¹. Как видим, санкции статьи были более жесткими по сравнению с ныне действующей нормой.

Несмотря на некоторую схожесть с нормой УК РСФСР 1961 года новая статья существенно отличается от нее, во - первых, по объективной стороне преступления, во - вторых и по субъекту уголовной ответственности. Неизменной осталась только форма вины - прямой умысел.

В связи с введением статьи 264.1 в УК РФ перед правоприменителями, да и не только перед ними, возникают вопросы по ее практической реализации. Одна из основных особенностей новой нормы в том, что при ее уголовно-правовом анализе необходимо учитывать положения, которые относятся как к уголовному,

¹Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. (УК РСФСР) Вступил в силу с 01.01.1961. [Электронный ресурс] //Гарант: справочно-правовая система.

так и к административному праву, поскольку в ст.264.1 УК РФ установлена административная преюдиция. В этой связи можно охарактеризовать установленное новой нормой деяние с объективной стороны по признаку повторности, т.е. лицо повторно совершило административное правонарушение. Повторные административные правонарушения несомненно должны влечь более строгие меры воздействия в области обеспечения безопасности дорожного движения.

Таким образом, статья 264.1 УК РФ содержит состав повторного совершения административного правонарушения, и такая повторность превращает это правонарушение в преступление, влекущее уголовную ответственность.

В то же время необходимо учитывать и субъективный признак, то есть необходимо, чтобы лицо первый раз к административной ответственности было привлечено правомерно и сроки давности административной ответственности не истекли.

При решении вопроса об уголовной ответственности по статье 264.1 УК РФ вопрос о сроках, в течение которого лицо считается привлеченным к административной ответственности, заслуживает особого внимания.

В соответствии со ст. 4.6 КоАП РФ лицо считается подвергнутым административному наказанию со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания и до истечения одного года со дня окончания исполнения постановления. Условия вступления постановления в законную силу предусмотрены ст. 31.1 КоАП РФ¹.

Таким образом, преступление будет считаться совершенным при наличии следующих обстоятельств: а) лицо ранее было привлечено к административной ответственности по ч. 1 ст. 12.8 или по ч. 1 ст. 12.26 КоАП РФ, в связи с чем подвергнуто штрафу и лишено права на управление транспортными средствами; б) в связи с истечением срока, на который лицо было лишено права на управление транспортными средствами, удостоверение водителя ему было возвращено, однако срок давности погашения административного наказания, равный одному

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 05.04.2016). [Электронный ресурс] //Консультант-Плюс: справочно-правовая система.

году, не истек (течение этого срока начинается с момента окончания срока, на который лицо было лишено права управления транспортными средствами).

За управление транспортными средствами в состоянии опьянения и за отказ от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения в КоАП РФ предусмотрено наказание в виде штрафа как основное, а наказание в виде лишения права управления транспортными средствами как дополнительное. В этой связи срок окончания исполнения решения об административном наказании должен исчисляться со дня исполнения всех назначенных наказаний - и основного, и дополнительного. В случае неисполнения решения об административном наказании или частичном его исполнении годичный срок погашения административного наказания начинает исчисляться со дня, следующего за днем истечения двухгодичного срока давности приведения постановления в исполнение. В данном случае необходимо учитывать установленную в ст. 31.6 КоАП РФ возможность его приостановления и перерыва. Таким образом, если постановление об административном наказании не было исполнено в течение двух лет, исполнение постановления не приостанавливалось, не прерывалось, лицо будет считаться подвергнутым административному наказанию в течение трех лет со дня вступления постановления в законную силу.

Надо иметь в виду, что согласно ст. 3.8. КоАП РФ лишение права управления транспортными средствами может быть назначено максимально на срок три года, и течение срока начинается с момента, когда удостоверение на право управления транспортным средством водитель сдал в течение трех дней с момента вступления в законную силу решения судьи о лишении его такого права. Если же водителем этого не сделано, то исполнение наказания прерывается до обнаружения или сдачи удостоверения. Если удостоверение было утеряно или похищено, то водитель должен обратиться с заявлением о его утрате, и течение срока начинается с момента поступления такого заявления.

В отличие от ст. 211.1 УК РСФСР 1961 года, предусматривавшей уголовную ответственность за повторное управление транспортным средством в состоянии опьянения в течение года, а так же совершенное лицом, ранее судимым за

такое же преступление, Федеральным законом от 31.12.2014 № 528-ФЗ предусмотрен еще один субъект данного преступления - лицо, имеющее судимость не только за совершение преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, но и за преступление, предусмотренное частями 2, 4 или 6 ст. 264 УК РФ. Лицо считается судимым со дня вступления обвинительного приговора в силу до момента погашения или снятия судимости. Сроки погашения судимости предусмотрены в ч.3 ст.86 УК РФ, требования которой надо учитывать при привлечении лица к уголовной ответственности.

Таким образом, для квалификации действий по ст. 264.1 УК РФ необходимо установить, что: лицо подвергалось административному наказанию за управление транспортным средством, а равно за отказ от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения, и вновь совершило любое из указанных двух правонарушений в течение срока погашения административного наказания; либо лицо имеет непогашенную судимость за преступление, предусмотренное частями 2, 4, 6 ст. 264 УК РФ, а также ст. 264.1 УК РФ, если оно совершило любое из административных правонарушений, то есть управляло транспортным средством в состоянии опьянения или отказалось от медицинского освидетельствования на состояние опьянения.

Федеральный закон Российской Федерации от 31.12.2014 № 528-ФЗ не дает разъяснений о том, следует или нет при решении вопроса об уголовной ответственности за повторное управление транспортным средством в состоянии опьянения учитывать административное наказание, которое было назначено лицу до 1 июля 2015 года. Надо полагать, что в данном случае речь не идет об обратной силе как административного, так и уголовного закона. Следует исходить из того, что при административной преюдиции лицо не осуждается повторно за предыдущее правонарушение, поскольку имеются два факта нарушения различных правовых норм - административных, наказывающих за административное правонарушение, и уголовных, наказывающих за преступление. Уголовное наказание назначается только за последнее правонарушение. Признаки первого административного правонарушения составляют лишь обязательное условие уголов-

ной ответственности. Таким образом, если на момент совершения нового административного правонарушения не истек срок со дня окончания исполнения постановления о назначении административного наказания, назначенного лицу до 1 июля 2015 года, это административное наказание также учитывается при определении субъекта данного преступления.

Субъектом административного правонарушения, предусмотренного главой 12 КоАП РФ, является лицо, управляющее автомобилем, либо другим механическим транспортным средством, достигшее возраста 16 лет. При этом не имеет значения, обучалось лицо управлению транспортными средствами или нет, имеется ли у него удостоверение на право управления транспортными средствами или нет. Лицо, обучающее вождению, так же является субъектом рассматриваемого административного правонарушения.

И еще одно, на первый взгляд, незначительное новшество ст.264.1 УК РФ, в связи с которым могут возникнуть некоторые вопросы при ее реализации. Санкцией рассматриваемой нормы в качестве дополнительного наказания предусмотрено «лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью». Однако, санкцией ст.264 УК РФ, а также санкцией ч. 1 ст. 12.8 и ч. 1 ст. 12.26 КоАП РФ в качестве дополнительного как уголовного, так и административного наказания, предусмотрено конкретно «лишение права управлять транспортным средством». Надо сказать, что санкции ст.211 и 211.1 УК РСФСР 1961 года также в качестве дополнительного наказания предусматривали «лишение права управлять транспортным средством».

Если с лишением права занимать определенные должности все ясно, то понятие «лишение права заниматься определенной деятельностью» требует разъяснения. Первым выделил понятие «деятельность» в особую, ни к каким другим формам жизни не сводимую категорию русский психолог М. Я. Басов¹. В разработанной им и принятой большинством ученых теории в структуру деятельности наряду с целями, мотивами включены способы и приемы. Особенно-

¹ Ярошевский М.Г., Сироткина И.Е., Даниличева Н.А. Пионер деятельностного подхода (к столетию со дня рождения М.Я. Басова) // Психологический журнал. 1993. Т. 14, № 1. С. 156–169

сти деятельности определяются содержанием целей, предметом, на который она направлена, средствами и способами, с помощью которых происходит ее осуществление, и результатами. Таким образом, деятельность представляет собой мотивированный процесс использования тех или иных средств для достижения цели, и лишение права управлять транспортным средством охватывается понятием «лишение права заниматься определенной деятельностью». В данном случае законодатель сформулировал дополнительное наказание в соответствии с положениями ст.47 Уголовного кодекса Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 30.03.2016). [Электронный ресурс] //Консультант-Плюс: справочно-правовая система.

2. Федеральный закон от 31.12.2014 № 528-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения». [Электронный ресурс] //Консультант-Плюс: справочно-правовая система.

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 05.04.2016). [Электронный ресурс] //Консультант-Плюс: справочно-правовая система.

4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 г. N 25 г. Москва «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения». "Российская газета" - Федеральный выпуск № 4822.

5. Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. (УК РСФСР) Вступил в силу с 01.01.1961. [Электронный ресурс] //Гарант: справочно-правовая система.

6. Ярошевский М.Г., Сироткина И.Е., Даниличева Н.А. Пионер деятельностного подхода (к столетию со дня рождения М.Я. Басова) // Психологический журнал. 1993. Т. 14, № 1. С. 156–169.

**К вопросу о способе совершения преступлений, связанных
с нарушением правил и требований безопасности
при выполнении работ и оказании услуг**

*Кравченко Роман Михайлович,
аспирант кафедры уголовного права,
криминологии и уголовно-
исполнительного права
Санкт-Петербургского юридического
института (филиала) Академии
Генеральной прокуратуры России,
г. Санкт-Петербург*

С принятием Уголовного кодекса РФ 1996 года некоторые сферы человеческой жизнедеятельности получили большее внимание в рамках уголовно-правовой охраны общественных отношений. Не стала исключением и сфера выполнения работ и оказания услуг. Законодатель, учитывая высокую необходимость правового регулирования общественных отношений в данной сфере, устанавливает обязательные правила и требования безопасности при выполнении соответствующей работы или оказании соответствующей услуги. Нарушения данных правил и требований достаточно часто приводят к серьезным авариям и несчастным случаям с весьма тяжкими последствиями в виде смерти людей, причинению материального ущерба организациям, негативному влиянию на экологию и т.д.

В связи с распространенностью случаев нарушений правил и требований безопасности при выполнении работ и оказании услуг, а также тяжестью наступающих последствий, соответствующая сфера общественных отношений требует и уголовно-правовой охраны, что нашло отражение в ряде статей действующего Уголовного кодекса РФ. В ходе анализа общественной опасности данных статей возникает необходимость конкретизации степени общественной опасности, которая, в частности, определяется с учетом способа совершения преступления.

Способ совершения преступления традиционно понимается как те приемы и методы, которое виновное лицо применяет в процессе совершения общественно опасного деяния.

Способ совершения преступления чаще всего трактуется как факультативный признак объективной стороны преступления, то есть играет роль в квалификации общественно опасного деяния при наличии прямого указания в статье на особенности приемов и методов совершения преступления. Кроме того, большинство ученых придерживаются позиции, что данный элемент объективной стороны состава преступления характерен лишь для умышленных преступлений, обосновывая это тем, что избирая определенный способ, виновный стремится достижению конкретной определенной цели.

Однако данный вопрос не является столь простым в рамках преступлений, связанных с нарушением правил и требований безопасности при выполнении работ и оказании услуг, ввиду особенностей юридических конструкций, используемых законодателем при формулировании норм статей об уголовной ответственности за совершение этих преступлений.

Точка зрения, согласно которой способ совершения преступления характерен лишь для умышленных преступлений, разделяется далеко не всеми представителями науки уголовного права. Так, например, Панов Н.И., ссылаясь на Дагеля П.С., обоснованно утверждает, что при неосторожности поведение субъекта носит осознанный, волевой характер. Причем здесь вредные последствия не были предметом воли лица, но они явились результатом волевого поведения. Осуществляя сознательную цель при неосторожной форме вины, субъект, по общему правилу, действует в состоянии ошибки, источником которой является взаимодействие личности и конкретной объективной обстановки, в которой выполняется действие¹.

Последнее осуществляется таким способом, при котором субъект либо не выполняет всего необходимого для достижения преследуемой им цели и предот-

¹ Дагель П. С. Неосторожность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы. — М.: Юрид. лит., 1977.— С. — 39.

вращения преступного результата (недовыполнение цели), либо выполняет такие действия, которые в данной конкретной обстановке оказались избыточными и обусловили причинение вреда (перевыполнение цели).

И в том, и в другом случае причинение вреда — результат противоречия между требованиями, предъявляемыми лицу объективной обстановкой, и поведением человека, особенно если такое поведение выражается в использовании транспортных средств, механизмов, технических приспособлений и др. В процессе целенаправленной деятельности по использованию этих средств они могут выйти из-под контроля человека, что и обуславливает возможность причинения общественно опасных последствий. Способ осуществления действия в данном случае либо не обеспечивает достижения цели, либо превосходит ее, что и предопределяет в конечном счете наступление общественно опасных последствий¹.

Таким образом, при совершении человеком неосторожного преступления также присутствует соответствующая цель и мотивация. Они не соответствуют содержанию своих уголовно-правовых «аналогов» и, соответственно, не имеют прямого влияния на определение формы вины виновного, квалификацию его деяния. В данном контексте понятия «цель» и «мотив» имеют именно психологическую природу, однако они не могут быть однозначно исключены из процесса юридической оценки общественно опасного деяния.

Как и понятия «цель» и «мотив» способ совершения преступления в неосторожных общественно опасных деяниях принимает своеобразное содержание. Так, для большинства неосторожных преступлений способ их совершения сводится к характеристике соответствующего поведения человека, то есть игнорирование им требований существующей в настоящий момент обстановки либо требований сферы его работы или жизнедеятельности.

Данное положение весьма характерно для нарушений правил и требований безопасности при выполнении работ и оказании услуг. Подобные преступления чаще всего совершаются ввиду либо недостаточной внимательности и предусмотрительности человека, либо ввиду его самонадеянного расчета на предот-

¹ Панов Н.И. Способ совершения преступления и уголовная ответственность. Харьков, 1982. С. – 82.

вращение негативных последствий его ненадлежащего отношения к соблюдению правил и требований безопасности.

Вместе с тем, в некоторых статьях Уголовного кодекса РФ содержится не прямое указание на способ совершения отдельных неосторожных преступлений, в частности, связанных с нарушением правил и требований безопасности при выполнении работ и оказании услуг.

Так, статья 216 Уголовного кодекса РФ устанавливает ответственность за нарушение правил безопасности при ведении горных, строительных или иных работ, если это повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека либо крупного ущерба. В диспозиции приведенной статьи отсутствует прямое указание на какие-либо признаки способа совершения преступления, имеющие квалификационное значение. Однако, проанализировав общественно опасные последствия, предусмотренные в качестве обязательного признака данного состава преступления, мы приходим к логичному выводу, что отнюдь не любое нарушение правил безопасности при ведении соответствующих работ будет «достаточным» для привлечения виновного лица к уголовной ответственности по данной статье. Наступление таких последствий, как причинение тяжкого вреда здоровью человека либо крупного ущерба, подразумевает, что при нарушении правил безопасности при ведении горных, строительных или иных работ виновное лицо должно совершить преступление на соответствующих участках производства, на которых недобросовестность может повлечь указанные последствия. Либо допущенное нарушение должно быть настолько серьезным и повлиять на процесс ведения работ таким образом, что в результате чрезвычайной ситуации на производстве причиняется тяжкий вред здоровью человека либо крупный ущерб.

Таким образом, указание на причинение тяжкого вреда здоровью человека либо крупного ущерба не только ограничивает сферу действия приведенной статьи, но также косвенно определяет те предметы и методы, которые виновное лицо использует в рамках совершения преступления, предусмотренного статьей 216 Уголовного кодекса РФ, то есть определяет способ его совершения.

Стоит отметить, что в соответствии с требованиями ст. 73 УПК РФ способ совершения преступления является одним из обстоятельств, подлежащих доказыванию по всем уголовным делам. В связи с этим, рассмотрение данной темы имеет не только сугубо доктринальный характер, но и серьезное практическое значение при решении вопроса о привлечении лица к уголовной ответственности за преступное нарушение правил и требований безопасности при выполнении работ и оказании услуг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. Закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: в ред. от 30.12.2015 № 441-ФЗ // Консультант-Плюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — [М., 2016].
2. Дагель П. С. Неосторожность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы. — М.: Юрид. лит., 1977.— 144 с.
3. Панов Н. И. Способ совершения преступления и уголовная ответственность / Панов Н. И. - Харьков: Вища шк. Изд-во при Харьк. ун-те, 1982. - 161 с.

Незаконный оборот древесины: вопросы криминализации и правоприменения

***Красильникова Елена Валерьевна,**
доцент Вологодского государственного
университета, канд. юрид. наук,
г. Вологда*

***Попаденко Елена Викторовна,** доцент
Вологодского государственного
университета, канд. юрид. наук, доцент,
г. Вологда*

В конце апреля 2016 года Россия подписала Парижское соглашение по борьбе с глобальным изменением климата¹, принятое 12 декабря 2015 года на 21-й сессии Конференции Сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата. В качестве программных целей документа, в частности, выступают повышение роли сохранения лесов, устойчивое управление ими и борьба за сокращение выбросов в результате обезлесения и деградации лесов². Каждая из присоединившихся к соглашению стран взяла на себя ряд обязательств, например, разработать долгосрочную стратегию «низкоуглеродного» развития на период до середины XXI века. Смягчить последствия глобальных климатических изменений призваны леса: об этой их способности заговорили еще в 70-е годы XX века³. Леса недаром называют зелёными лёгкими планеты. По оценкам ФАО ООН, запасы углерода в фитомассе лесов мира составляют около 360 млрд. тонн, из которых более 49 млрд. тонн сосредоточено в лесах России⁴.

Для Вологодской области лес имеет особое, можно сказать стратегическое, значение. Площадь лесов составляет 81% территории региона (11,7 млн. га) – 19 место в лесном фонде России. Общий запас насаждений – 1,6 млрд. куб. м

¹ См.: О подписании Парижского соглашения об изменении климата [Электронный ресурс] // URL: <http://government.ru/docs/22726>

² См.: Документ ООН FCCC/CP/2015/L.9

³ См. об этом подробнее: Русакова Е. Изменение климата и леса: перевод // <http://refdb.ru/download/50b1216068fc5cf3de8b/2937200.zip>

⁴ См.: Ежегодный доклад о состоянии и использовании лесов Российской Федерации за 2012 год [Электронный ресурс] // URL: <http://www.rosleshoz.gov.ru/docs/other/79>

(около 2% запасов Российской Федерации). Преобладающими видами пород лесного массива Вологодской области являются береза, ель, сосна, осина (см. рис. 1).

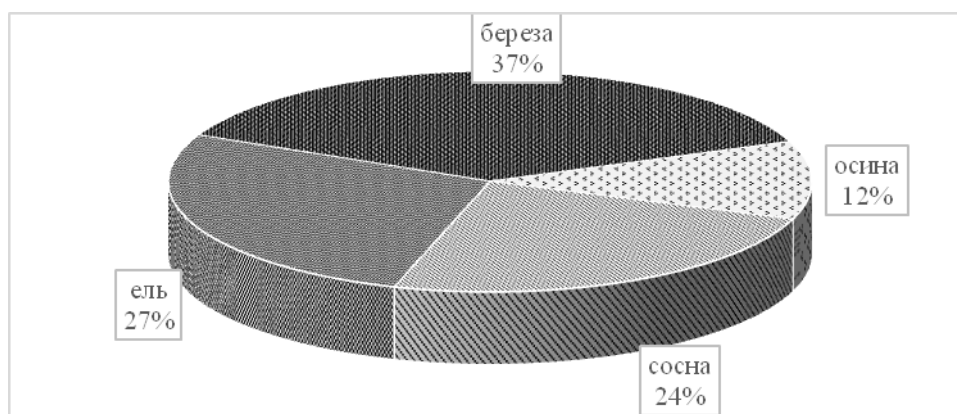

Рис. 1. Породный состав лесного фонда Вологодской области¹

Традиционными видами лесопользования на территории Вологодской области являются: охота, заготовка древесины, заготовка дикорастущих ягод, грибов, лекарственных трав и др. В последние годы в регионе сохраняются высокие темпы развития лесного комплекса. Так, общий объем заготовленной древесины в 2014 г. составил 14,5 млн. куб. м². Среди регионов России область занимает третье место по объемам заготовки древесины. Лесопромышленный комплекс Вологодской области включает не только заготовку, но и обработку древесины (см. рис. 2). В частности, область занимает второе место по производству необработанной древесины и древесностружечных плит.

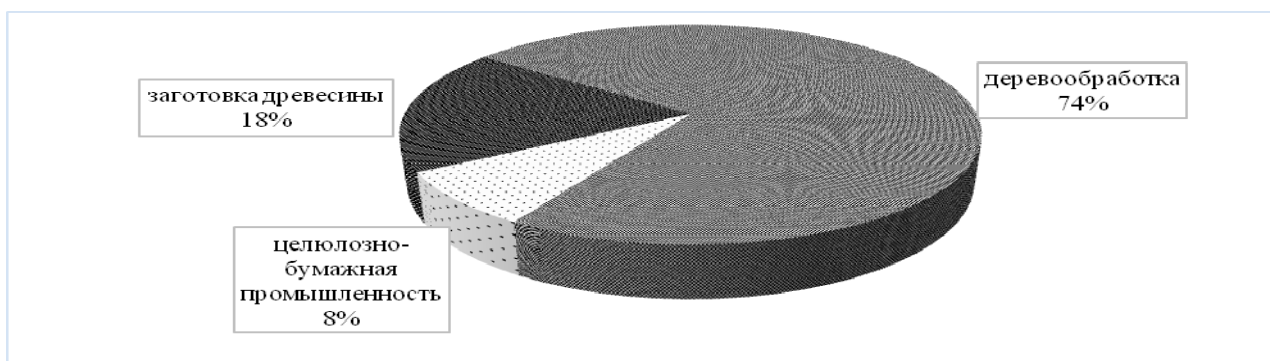

Рис. 2. Структура производства продукции предприятиями лесопромышленного комплекса Вологодской области в 2014 году³

¹ Диаграмма составлена на основе данных публичного доклада о результатах деятельности Департамента лесного комплекса Вологодской области за 2015 г.

² См.: Доклад о состоянии и охране окружающей среды Вологодской области в 2014 году [Электронный ресурс] // URL: <http://dpr.gov35.ru/deyatelnost/sostoyanie-okruzhayushhey-sredy/>

³ Диаграмма составлена на основе статистических данных об итогах работы лесопромышленного комплекса Вологодской области за 2014 год.

По данным Департамента стратегического планирования Вологодской области объем экспортируемой древесины и изделий из нее составляет 10,6% от общего объема внешнеторгового оборота региона¹. В стоимостном выражении на экспорт за 2014 год отгружено лесопродукции на сумму 374,6 млн. долларов США. По данным Федеральной таможенной службы крупнейшими потребителями лесопродукции Вологодской области являются Финляндия (стоимостной объем поставок в 2014 г. составил \$84,6 млн.), Эстония (объем поставок \$38,5 млн.), Германия (объем поставок \$27,1 млн.), Швеция (объем поставок \$21,2 млн.)².

Несмотря на определённые достижения в лесопромышленном комплексе Вологодской области нерешенными остаются проблемы незаконных рубок леса и оборота древесины. Так, по официальным данным в 2014 г. было возбуждено 365 уголовных дел за незаконную рубку леса³ (прирост составил 4,6%, по сравнению с данными 2013 г.). При этом в отдельных районах Вологодской области замечен существенный рост данного вида преступлений: Сокольский район (с 31 до 48), Кичменгско-Городецкий район (с 8 до 16), Междуреченский район (с 0 до 17).

Именно на 2014 год приходится новеллизация уголовного законодательства в сфере противодействия незаконному обороту древесины. Федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 277-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» УК РФ был дополнен ст. 191¹, установившей уголовную ответственность за приобретение, хранение, перевозку, переработку в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины⁴.

Устойчивый спрос на древесину является одной из основных причин незаконной рубки лесных насаждений. Значительное количество незаконно заготов-

¹ См.: Социально-экономическая ситуация в Вологодской области на 1 января 2015 года [Электронный ресурс] // URL: http://vologda-oblast.ru/vlast/ispolnitelnaya_vlast/departament_strategicheskogo_planirovaniya_vologodskoy_oblasti/makroekonomika_i_strategicheskoe_planirovanie/index.php?ELEMENT_ID=316347

² См.: Таможенная статистика внешней торговли [Электронный ресурс] // URL: <http://stat.customs.ru>

³ См.: Информационно-аналитическая записка о состоянии правопорядка на территории Вологодской области и итогах оперативно-служебной деятельности УМВД России по Вологодской области за 2014 год [Электронный ресурс] // URL: <https://35.mvd.ru/document/3146311>

⁴ См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 277-ФЗ // Собрание законодательства РФ - 2014. - № 30 (Часть I). - Ст. 4278

ленной древесины происходит за счет заготовки древесины вследствие рубок в объеме, превышающем расчетную лесосеку (т.е. допустимый объем изъятия древесины). Так, на территории Вологодской области в 2013 году было выявлено 455 случаев незаконной рубки, в 2014 году – 432, в 2015 году – 296 (см. рис. 3)

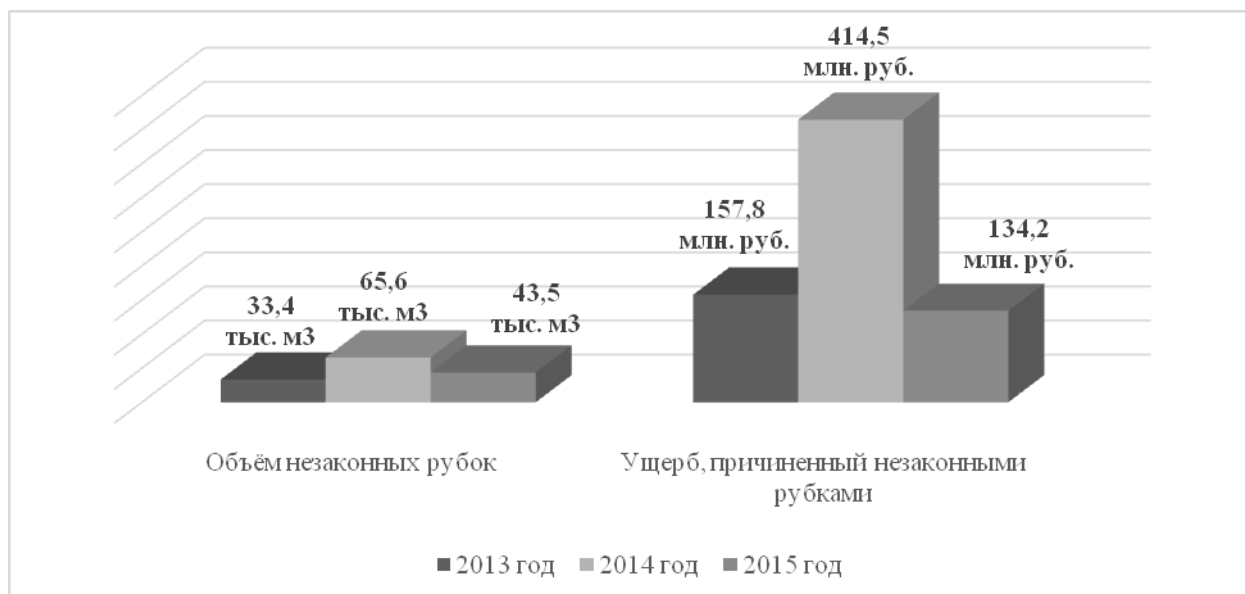

Рис. 3. Результаты проведения лесного надзора на территории лесного фонда Вологодской области¹

В связи с этим существование оборота незаконно заготовленной древесины уже состоявшийся факт. Отсюда перед законодателем встал вопрос о необходимости установления уголовной ответственности за оборот незаконно заготовленной древесины. Появление данной нормы стало результатом законодательной инициативы Правительства РФ в ответ на разработанный по предложению Губернатора Вологодской области проекта ФЗ о внесении изменений в Уголовный кодекс РФ в части ужесточения ответственности за незаконную рубку лесных насаждений².

Правоприменительная практика по данной категории уголовных дел находится пока в стадии становления (см. рис. 4). Это объясняется, во-первых, недо-

¹ Диаграмма составлена на основе данных деятельности Департамента лесного комплекса Вологодской области [Электронный ресурс] // <http://www.forestvologda.ru/page/kontrol>

² См.: В Госдуме поддержали предложение губернатора Вологодской области об ужесточении ответственности за незаконную рубку леса [Электронный ресурс] // URL: <http://www.cpv.ru/modules/news/article.php?storyid=54521>

статочным опытом судов по рассмотрению дел о «чёрных лесорубах»; во-вторых, сложностями, возникающими при квалификации подобных преступлений.

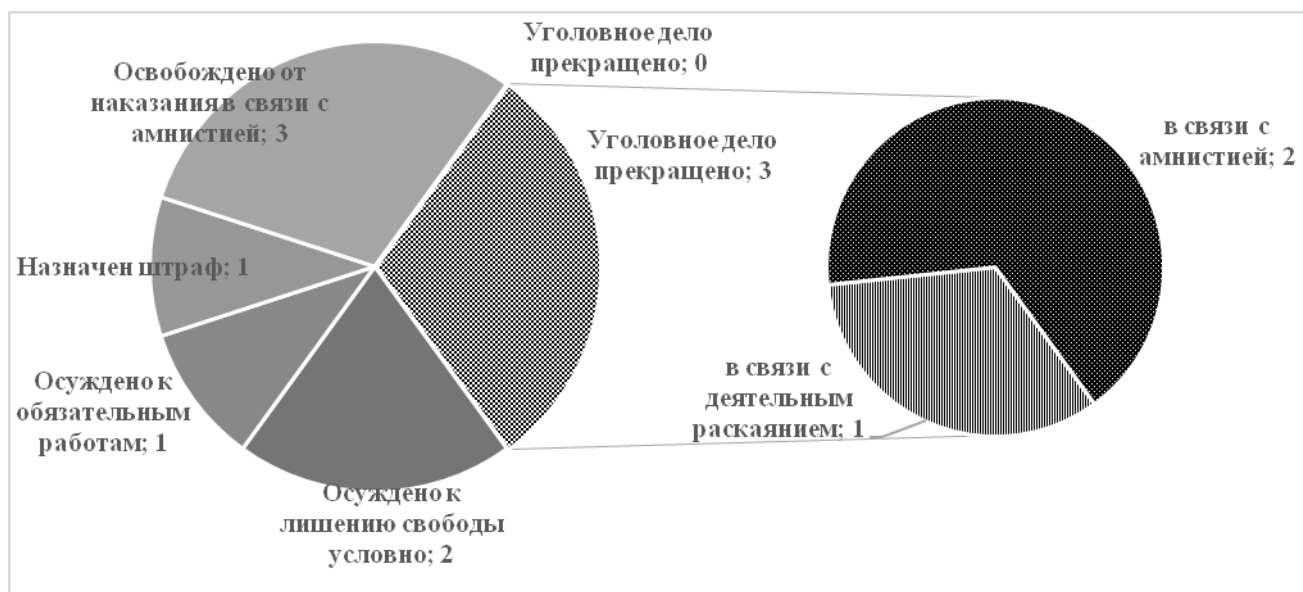

Рис. 4. Результаты рассмотрения судами России уголовных дел по ст. 191¹ УК РФ в 2015 году¹

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 191¹ УК РФ, описана пятью альтернативными общественно опасными деяниями: приобретение заведомо незаконно заготовленной древесины; хранение заведомо незаконно заготовленной древесины; перевозка заведомо незаконно заготовленной древесины; переработка заведомо незаконно заготовленной древесины; сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины. В случаях квалификации по ч. 1 деяния должны быть совершены в крупном размере, т.е. согласно примечанию, к ст. 191¹ стоимость незаконно заготовленной древесины, исчисленная по утвержденным Правительством РФ таксам, должна превышать 50 тыс. руб. Если стоимость незаконно заготовленной древесины превышает 150 тыс. руб., то деяния расцениваются как совершённые в особо крупном размере и квалифицируются по ч.3 ст. 191¹.

Время, прошедшее с момента введения законоположения в силу и складывающаяся сегодня правоприменительная практика позволяют нам сделать ряд важных замечаний:

¹ Диаграмма составлена на основе данных Отчета о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (Форма 10.3) Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации.

- диспозиция статьи имеет бланкетный характер и поэтому требует повышенного внимания в целях её дальнейшего совершенствования;
- данное нововведение затрагивает вопросы не только уголовного, но и смежных отраслей права: лесного, административного, экологического;
- требуется ревизия технико-юридических огрехов законодателя, прежде всего, относительно понятийного аппарата.

В частности, наименование статьи содержит понятие «древесина», но в диспозиции самой статьи оно не раскрывается. Не разъясняется данный термин и в других нормативных актах, хотя и постоянно используется законодателем. Определение древесины содержится в п. 2 Правил реализации древесины, которая получена при использовании лесов, расположенных на землях лесного фонда, в соответствии со статьями 43 – 46 Лесного кодекса Российской Федерации¹: «под древесиной в настоящих правилах понимается необработанные круглые лесоматериалы».

Закон Вологодской области «О регулировании отдельных отношений в сфере оборота древесины на территории Вологодской области» также определяет древесину как «лесоматериалы круглые»².

ГОСТ 17461-84³ и ГОСТ 17462-84⁴, устанавливающие применяемые в науке, технике и производстве термины и определения понятий, относящихся к лесозаготовительной промышленности, казалось бы, должны содержать данное определение, но в указанные документы оперируют термином «древесное сырьё».

Обратимся к толковому словарю русского языка. В нем содержится следующее определение древесины: 1) плотная ткань дерева между корой и сердце-

¹ Утверждены Постановлением Правительства Российской Федерации от 23.07. 2009 г. № 604 ((в ред. Постановления Правительства РФ от 22.10.2014 № 1090) [Электронный ресурс] // Консультант-Плюс: справочно-правовая система.

² См.: ст. 1 Закона Вологодской области от 03.10.2012 г. № 2859–ОЗ «О регулировании отдельных отношений в сфере оборота древесины на территории Вологодской области» [Электронный ресурс] // Консультант-Плюс: справочно-правовая система.

³ См.: ГОСТ 17461-84. Межгосударственный стандарт. Технология лесозаготовительной промышленности. Термины и определения [Электронный ресурс] //Консультант-Плюс: справочно-правовая система.

⁴ См.: ГОСТ 17462-84. Межгосударственный стандарт. Продукция лесозаготовительной промышленности. Термины и определения [Электронный ресурс] //Консультант-Плюс: справочно-правовая система.

виной; 2) брёвна, доски и другие лесоматериалы¹. Более конкретное определение древесины приводится в терминологическом словаре по лесному хозяйству, размещенном на сайте Федерального агентства лесного хозяйства: «древесина – основная масса ствола, ветвей и корней древесных растений, состоящая из тканей, выполняющих проводящие, механические и запасающие функции в дереве»². Похожее определение мы видим в ГОСТ 23431-79³: древесина – это совокупность вторичных тканей, расположенных в стволах, ветвях и корнях древесных растений между корой и сердцевиной.

Таким образом, существующий спектр определений «древесины» не вносит ясности в интересующий нас вопрос, а это в свою очередь неизбежно ведёт к проблемам применения ст. 191¹ УК РФ, например, в части уяснения предмета преступления.

В этой связи отметим, что и правоприменение испытывает определённые сложности. Например, имеющаяся в нашем распоряжении судебная практика показывает, что суды отождествляют понятия «заготовленная древесина» и «древесина на корню или лесные насаждения».

Так, у физического лица на основании договора купли-продажи лесных насаждений населению для собственных нужд, расположенных на землях, находящихся в государственной собственности, возникло право на вырубку деревьев породы сосна и берёза на территории лесничества общим объемом 50 м³. В силу ч. 1 ст. 75 Лесного кодекса РФ по договору купли-продажи лесных насаждений осуществляется продажа лесных насаждений, расположенных на землях, находящихся в государственной или муниципальной собственности.

А. незаконно за денежное вознаграждение в сумме 20 тыс. рублей приобрел у него право на вырубку (лесных насаждений – Е.К., Е.П.) и использование в личных целях древесины. Позже, на основании приобретенных документов используя бензопилы, с привлечением третьих лиц осуществил заведомо незакон-

¹ См.: Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. М.: Ридерз Дайджест, 2004. С. 175

² <http://www.rosleshoz.gov.ru/terminology>.

³ ГОСТ 23431-79. Древесина. Строение и физико-механические свойства. Термины и определения [Электронный ресурс] // Консультант-Плюс: справочно-правовая система.

ную заготовку древесины, произведя незаконную рубку до степени полного прекращения роста сырораствующих деревьев, принадлежащих ГБУ РБ «Белорецкое лесничество» на общую сумму более 143 тыс. руб.

В приведенном примере действия А. по приобретению права на рубку лесных насаждений на корню квалифицированы судом как приобретение незаконно заготовленной древесины¹ (курсив наш – Е.К., Е.П.), тогда как речь в данном случае идет именно о приобретении древесины на корню, предназначенной для дальнейшей заготовки. Данный вывод подтверждает и ч. 1 ст. 29 Лесного кодекса РФ, согласно которой заготовка древесины представляет собой предпринимательскую деятельность, связанную с рубкой лесных насаждений, а также с вывозом древесины из леса.

Не смотря на сложности правоприменения, криминализация ст. 191¹ явилась важным шагом в борьбе с незаконным оборотом древесины. Способствуют этому и нововведения в законодательстве Европейского союза. В октябре 2010 года Европейский союз принял законодательство по лесоматериалам и продукции из древесины², согласно которому с 3 марта 2013 года запрещается продажа древесины и лесобумажных материалов неподтвержденного происхождения на рынке Европейского Союза. В Вологодской области процесс добровольной лесной сертификации в последнее время развивается довольно активно. На 2015 год FSC-сертификат получили 18 предприятий лесопромышленного комплекса и сертифицировано 2,4 млн. га леса (7% от площади сертифицированных лесов РФ)³. Кроме того, в нашем регионе предпринимаются различные меры для искоренения незаконных рубок лесных насаждений – от установки постов на выезде из проблемных районов и обследование расположенных в них пилорам до внедрения в практику Единой государственной автоматизированной информационной системы учета древесины и сделок с ней. В 2015 году благодаря ЕГАИС бы-

¹ См.: Приговор Белорецкого районного суда Республики Башкортостан от 18.12.2014 г. № 1-189/2014 [Электронный ресурс] // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/67eqLHBwz461/>

² См.: Regulation (EU) № 995/2010 of the European Parliament and of Council of 20 October 2010 laying down the obligations of operators who place timber and timber products on the market // Official Journal of the European Union. L295. 12.11.2010. P. 23-34 [Электронный ресурс] / URL: <http://eur-lex.europa.eu>

³ См.: Корчагов С.А., Лупанова И.Н. Развитие лесной сертификации в Вологодской области и её роль в обеспечении легальности заготовки древесины // Известия вузов. Лесной журнал. – 2015. - № 2. – С. 34.

ло составлено 20 протоколов за перевозку древесины без сопроводительного документа и привлечено к ответственности 5 человек. Общая сумма штрафов составила 150 тысяч рублей¹. Наконец, именно Вологодским филиалом центра древесных экспертиз ООО «Здоровый лес» внедрен в практику новый вид исследований – дендрохронологические экспертизы, которые позволяют установить местность и условия произрастания срубленного дерева, определить дату последнего годичного кольца древесины и определить год порубки, идентифицировать целое по частям и многое другое, что создает прочную доказательственную базу по делам о незаконных рубках лесных насаждений и незаконном обороте древесины².

¹ См.: Количество незаконных рубок леса в Вологодской области снизилось на треть [Электронный ресурс] / URL: <http://www.severinform.ru/index.php?page=newsfull&date=09-02-2016&newsid=240163>

² См. об этом подробнее: Жаворонков Ю.М. Судебная дендрохронология на службе криминалистики XXI века // Лесной вестник. – 2014. - № 5. – С. 53 – 57; Годовые кольца - как отпечатки пальцев. Дендрологическая экспертиза позволяет доказать вину "черных лесорубов" // Российская лесная газета. – 2007. - № 44 [Электронный ресурс] / URL: http://www.wood.ru/ru/lg_2007_1862.html

20 лет Уголовному кодексу Российской Федерации – на страже интересов граждан и государства

*Ломакина Наталья Георгиевна,
прокурор Вожегодского района
Вологодской области, канд. юрид. наук,
почётный работник прокуратуры России,
старший советник юстиции,
пос. Вожега*

Вопрос юридических гарантий конституционных прав и свобод человека и гражданина — это, прежде всего, вопрос их охраны и защиты законными способами и средствами. Конституция РФ позиционирует особое место человека и гражданина в системе провозглашаемых ценностей, возлагая на государство прямую обязанность по защите прав и свобод человека и гражданина.

Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) — основной и единственный источник уголовного права, единственный нормативный акт, устанавливающий преступность и наказуемость деяний на территории Российской Федерации.

Уголовный кодекс Российской Федерации был принят Государственной Думой 24 мая 1996 года, одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года, подписан Президентом 13 июня 1996 года и вступил в силу с 1 января 1997 года, сменив Уголовный кодекс РСФСР 1960 года, применявшийся до тех пор. У действующего Уголовного кодекса РФ имеются определенные особенности, так или иначе, отражающие политику государства и его ценности.

Так, Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации открывается статьёй, карающей за совершение преступлений против личности. Следовательно, права личности для государства стоят на первом месте. В пользу этого говорит и тот факт, что в УК РФ существует отдельная глава, карающая за преступления против семьи и несовершеннолетних. Это абсолютно новый подход к ценности личности ребёнка.

Действующий УК РФ содержит понятие смертной казни, которая последний раз была применена в России в 1996 году. Согласно Конституции Российской Федерации, она установлена в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления. Но в той же Конституции сказано, что «если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора¹», а они в РФ применяются и запрещают смертную казнь.

В 2009 году Конституционный суд РФ окончательно признал невозможность назначения смертной казни, но норма об этом виде наказания осталась в национальном законодательстве, обладающем меньшей правовой силой, чем Конституция и международные договоры.

Самыми «популярными», судя по статистике, являются имущественные преступления, регулярно корректируемые законодателем, кроме того, в УК России имеется статья 166, которая предусматривает ответственность за «бескорыстный» угон автомобиля или неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (например, из хулиганских мотивов). Юридическая значимость данной статьи до сих пор является дискуссионной, и с различной периодичностью возникают вопросы о декриминализации данного уголовного состава.

Постулат о том, что закон обратной силы не имеет, на наш взгляд, противоречит статье 10 УК России — там сказано, что обратную силу имеет уголовный закон, устраняющий преступность деяния² (то есть признающий действие не преступным), смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление. Ни в каких других случаях обратная сила уголовному закону придаваться не может, это запрещено статьёй 54 Конституции

¹ "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993)(с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) "Собрании законодательства РФ", 04.08.2014, N 31, ст. 4398.

² "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ"Собрание законодательства РФ", 17.06.1996, N 25, ст. 2954

ции Российской Федерации¹. При этом не имеет обратной силы уголовный закон, устанавливающий преступность деяния, усиливающий наказание или иным образом ухудшающий положение лица.

С момента принятия в Уголовный кодекс Российской Федерации внесено множество изменений, ряд изменений привели к декриминализации преступлений, ряд деяний, наоборот, приобрели статус преступных. Все эти изменения достаточно актуальны.

Так, например, с 01 июля 2015 года вступил в силу Федеральный закон от 31.12.2014 №528-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения»².

Указанным Федеральным законом Уголовный кодекс Российской Федерации дополнен статьей 264.1, в соответствии с которой предусмотрена уголовная ответственность за управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, подвергнутым административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения или за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения либо имеющим судимость за совершение преступления, предусмотренного частями второй, четвертой или шестой статьи 264 Уголовного кодекса либо ст. 264.1 УК РФ.

С самого начала принятия Федерального закона от 31.12.2014 № 528-ФЗ среди юристов начались споры о порядке применения положений ст.264.1 УК РФ, а именно, поводом к обсуждению послужило наличие в Уголовном кодексе РФ уже упоминаемой нами выше статьи 10, согласно которой уголовный закон,

¹ "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993)(с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) "Собрание законодательства РФ", 04.08.2014, N 31, ст. 4398.

² Федеральный закон от 31.12.2014 N 528-ФЗ"О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения""Собрание законодательства РФ", 05.01.2015, N 1 (часть I), ст. 81.

устанавливающий преступность деяния, усиливающий наказание или иным образом ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет.

То есть, возник вопрос, следует ли учитывать для целей статьи 264.1 УК РФ административное наказание, назначенное лицу по статьям 12.8 и 12.26 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации до 1 июля 2015 года.

Ответ на данный вопрос был получен от Верховного Суда Российской Федерации 31 июля 2015 года.

Так, в «Ответах на вопросы судов, по применению положений статьи 159.4 в связи с постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 11 декабря 2014 года № 32-П и статьи 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации»¹, утвержденных Президиумом Верховного Суда Российской Федерации, указано, что такое административное наказание учитывается, если на момент совершения нового правонарушения не истек срок, установленный статьей 4.6 КоАП РФ, поскольку лицо, подвергнутое административному наказанию за указанное правонарушение до 1 июля 2015 года, совершая аналогичное правонарушение после 30 июня 2015 года, осознает, что совершает тем самым уголовно наказуемое деяние, запрещенное статьей 264.1 УК РФ».

Несмотря на это разъяснение и сложившуюся практику правоприменения, значительное число юристов продолжают считать, что такая практика не только невозможна, но и является незаконной, так как в этом случае нарушаются основополагающие принципы уголовного права.

Также в практике применения положений статьи 264.1 УК РФ возник и другой вопрос, а именно, в течение какого срока после первого привлечения к ответственности за управление в состоянии опьянения или за отказ от прохождения медицинского освидетельствования может наступить уголовная ответственность по данной статье.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 11 декабря 2014 г. № 32-П по делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа // СЗ РФ. 2014. № 52 (ч. I). Ст. 7784; Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению положений ст. 159.4 в связи с Постановлением Конституционного Суда РФ от 11 декабря 2014 г. № 32-П и ст. 264.1 Уголовного кодекса РФ, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 31 июля 2015 г.

Согласно статье 4.6 кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации лицо, которому назначено административное наказание за совершение административного правонарушения, считается подвергнутым данному наказанию со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления¹.

При этом, в случае назначения основного и дополнительного административных наказаний срок, по истечении которого лицо считается не подвергавшимся административному наказанию, согласно существующей судебной практике исчисляется со дня окончания исполнения того наказания, которое по времени было исполнено последним.

Таким образом, срок, в течение которого при повторном совершении одного из правонарушений, предусмотренных ст.12.8 или ст.12.26 кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, лицо подлежит привлечению к уголовной ответственности – 1 год с момента окончания исполнения наказания (последнего дня административного ареста, срока лишения права управления транспортным средством (который исчисляется с даты сдачи водительского удостоверения), выплаты административного штрафа).

Следующий вопрос, возникший при применении статьи 264.1 УК РФ – подлежит ли привлечению к уголовной ответственности лицо, управлявшее механическим транспортным средством в состоянии опьянения, в отношении которого ранее было принято решение о привлечении его к административной ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения либо за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения, но соответствующее постановление к этому времени в законную силу не вступило.

Исходя из прямого указания в диспозиции статьи 264.1 УК РФ, такое лицо привлечению к уголовной ответственности не подлежит.

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 26.04.2016) "Собрание законодательства РФ", 07.01.2002, № 1

Четвертый вопрос, представляющийся нам достаточно актуальным, но не получивший до настоящего времени законодательного разъяснения состоит в том, возможно ли рассматривать транспортное средство, на котором совершено преступление, как орудие преступления, к которому возможно применить конфискацию. Мы полагаем, что данная мера была бы весьма необходимой. Именно конфискация позволит решить задачи достижения целей уголовного наказания, которые являются одними из самых важных в Уголовном кодексе Российской Федерации.

Необходимая оборона и задержание: вопросы правомерности причинения вреда

*Никуленко Андрей Вячеславович,
заместитель начальника кафедры
уголовного права Санкт-Петербургского
университета МВД России, канд. юрид.
наук, доцент, полковник полиции,
г. Санкт-Петербург*

Необходимая оборона (ст. 37 УК РФ) и задержание лица, совершившего преступление (ст. 38 УК РФ) являются весьма сходными по своей социально-правовой сущности и к тому же наиболее эффективными средствами реализации права каждого гражданина на защиту своих прав и свобод и других правоохраняемых интересов. «Только то общество сильно, – писал Н.Д. Сергеевский, – только то общество может не бояться злоупотреблений ни со стороны частных лиц, ни со стороны органов власти, граждане которого всегда готовы стать лицом к лицу с опасностью и вступить в борьбу за право».¹

К разрешению рассматриваемой проблемы ученые того периода подходили весьма неоднозначно. Так, крупный научный авторитет А.А. Пионтковский писал: «Что касается принятия необходимых мер для задержания преступника непосредственно после совершения преступления, то целесообразно его рассматривать применительно к нормам, регулирующим институт необходимой обороны».²

У институтов необходимой обороны и задержания лица, совершившего преступление, которые относятся к обстоятельствам, исключающим преступность деяния, имеются сходные черты. Так, и необходимая оборона и причинение вреда при задержании преступника устраняют преступность деяния и делают его не просто правомерным, но и общественно полезным, целью их является

¹ Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Часть Общая. СПб., 1913. С. 251.

² Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961. С. 413; Курс советского уголовного права: В 6-ти т. / Под ред. А.А. Пионтковского, П.С. Ромашкина, В.М. Чхиквадзе. М., 1970. Т. 2. С. 344.

защита правоохраняемых благ, а сами действия, предпринятые при указанных обстоятельствах, являются в той или иной степени вынужденными. И, наконец, их обязательным признаком является причинение вреда охраняемым законом (естественно в иных, нежели названные, ситуациях) интересам.

Что касается института задержания, его законодательному закреплению в современном российском законодательстве мешало множество препонов. «Действия по причинению вреда при задержании лица, совершившего преступление, не являются необходимой обороной, но приравниваются к ней по своим юридическим последствиям».¹ Однако сторонники такой позиции сами признавали, что эти явления не могут быть равнозначны. А если это так, то различие в природе сравниваемых явлений не может не определять различия подхода к определению правомерности последствий.²

На наш взгляд, условий правомерности необходимой обороны всего четыре – два из них характеризуют посягательство, два – защиту от него.

Во-первых, посягательство должно быть **общественно опасным**. Если основанием задержания преступника является совершение им деяния, содержащего все признаки преступления, то для необходимой обороны достаточно объективно существующего общественно опасного посягательства, вне зависимости от его юридической квалификации. Поэтому, необходимая оборона возможна и от таких общественно опасных деяний, которые в силу различных причин не являются преступными. Прежде всего, это действия невменяемых, а также лиц, не достигших возраста уголовной ответственности.

Основанием возникновения права на необходимую оборону является наличная и действительная опасность причинения вреда конкретным государственным, общественным или индивидуальным интересам. При задержании эти интересы зачастую уже нарушены, а наступившие последствия – необратимы (исключением являются случаи задержания за приготовление и

¹ Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961. С. 492; См., также: Кириченко В.Ф. Необходимая оборона и задержание преступника // Советская милиция. 1966. № 11. С. 35-36; Тишкевич И.С. Оборона от общественно опасного посягательства и меры по задержанию преступника. Автореф. ... дисс. д.ю.н. Минск, 1969. С. 35.

² Бушуев Г.В. Социальная и уголовно-правовая оценка причинения вреда преступнику при задержании. Горький, 1976. С. 10.

неоконченное покушение).¹

Отметим, что законодатель в ст. 37 УК ввел именно понятие посягательства, которое означает «попытку (незаконную или осуждаемую) сделать что-нибудь, распорядиться чем-нибудь, получить что-нибудь, чью-нибудь свободу, самостоятельность, собственность». Такая трактовка, по мнению Э.Ф. Побегайло, более точно отражает то явление, против которого допустима оборона.² Данная проблема резко актуализировалась после криминологически необоснованной, на наш взгляд, декриминализации таких древнейших преступлений, как оскорбление и клевета (см. Федеральный закон 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ). Если необходимая оборона от таких посягательств все-таки будет возможна (несмотря на возражения некоторых теоретиков, отрицающих таковую от административных деликтов),³ то для задержания оскорбителей и клеветников теперь нет формально-юридического основания. Не случайно законодатель вскоре пошел на попятную, вновь криминализовав, правда, лишь клевету.⁴

Вторым условием необходимой обороны, характеризующим посягательство, выступает его **наличность**. Если при необходимой обороне общественно опасное посягательство является наличным, то есть грозит охраняемым законом благам или уже фактически совершается, но еще не окончено, то при задержании преступление уже фактически завершено или прервано на стадии приготовления или покушения.

Спорным в теории уголовного права является вопрос о том, в какой именно момент возникает право на задержание преступника. Существует ли такое право, в частности, во время приготовления к преступлению и покушения на него? И если существует, то не подпадает ли причинение вреда задерживаемому лицу в такой ситуации под действие норм о необходимой обороне?

Нам удалось в свое время познакомиться с проектом постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства, обеспечи-

¹ См.: Милоков С.Ф., Дронова Т.Н. Неоконченное преступление // Уголовное право России. Общая часть: учебник СПб., 2009. С. 315-361.

² Побегайло Э.Ф. Необходимая оборона // Энциклопедия уголовного права. СПб., 2007. С. 86.

³ См.: Попов А.Н. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. СПб., 1998. С. 20.

⁴ Федеральный закон от 28.07.2012 № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012.30.07. № 31. Ст. 4330.

вающего право на необходимую оборону и причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление».¹

Верховный Суд РФ признал, что «состояние необходимой обороны возникает не только с момента начала общественно опасного посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, но и при наличии реальной угрозы такого посягательства, то есть с того момента, когда посягающее лицо готово перейти к совершению соответствующего деяния». Поставлена точка и в другом вопросе: «задержание лица, совершившего преступление, может производиться и при отсутствии непосредственной опасности совершения задерживаемым лицом общественно опасного посягательства. При этом задержание такого лица осуществляется с целью доставить его в органы власти и тем самым пресечь возможность совершения им новых преступлений» (пункт 18).

Посягательством, дающим право на необходимую оборону, является, по мнению Верховного Суда России, «совершение и иных деяний (действий или бездействия), в том числе по неосторожности, предусмотренных Особенной частью Уголовного кодекса Российской Федерации, которые, хотя и не сопряжены с насилием, однако с учетом их содержания могут быть предотвращены или пресечены путем причинения посягающему вреда».

Поэтому нельзя согласиться с мнением Л.Н. Смирновой, которая считает, что «когда имеет место приготовление к тяжкому или особо тяжкому преступлению, неприменимо понятие «непосредственной опасности» посягательства и, следовательно, возможно применение правил задержания с причинением вреда, а не необходимой обороны».² Приготовительные действия к вооруженным убийствам, хулиганству, массовым беспорядкам или террористическим актам, разбою, бандитизму и другим преступлениям зачастую образуют самостоятельный

¹ Выглядит несколько странным, что ожидаемый всеми (правоприменителями, научными деятелями и, наконец, простыми гражданами) документ не получил широкого (да и узкого) распространения и не обсуждался всеми специалистами (в том числе практиками). В настоящее время постановление уже принято. См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // РГ. 2012. 3 окт.

² Смирнова Л.Н. Уголовно-правовое регулирование задержания лица, совершившего преступление. СПб., 2005. С. 103 и др.

оконченный состав преступления, предусмотренный, прежде всего, ст. 222 УК. Их общественная опасность непрерывно возрастает по мере реализации приготовительных действий. Поэтому силовое пресечение таковых действий следует рассматривать именно в рамках необходимой обороны, которая предоставляет больше прав лицу, осуществляющему общественно полезные действия, нежели преступнику.¹

К тому же надо учитывать, что приготовление, покушение и оконченное преступление могут разделять лишь минуты, а то и секунды времени. Например, вхождение террориста-смертника в здание аэропорта пока лишь приготовление, а производство взрыва спустя 1-2 минуты – уже оконченный теракт.

По вышеобрисованным причинам, длящиеся преступления (побег из-под стражи, уклонение от отбывания лишения свободы, незаконный оборот оружия, бандитизм, организация преступного сообщества, дезертирство и др.) порождают ситуацию необходимой обороны, а не задержания преступника. С нами согласился и Верховный Суд России, провозгласив, что «состояние необходимой обороны может быть вызвано и общественно опасным посягательством, носящим длящийся или продолжаемый характер (например, незаконное лишение свободы, захват заложников, истязание и т.п.). Право на необходимую оборону в этих случаях сохраняется до момента окончания такого посягательства» (п.п. 3, 5 постановления).

Обращает на себя внимание вопрос о допустимости защиты чести и достоинства лица путем необходимой обороны. Согласимся с мнением В.Ф. Кириченко, который еще в середине прошлого века говорил, что честь и достоинство следует защищать без каких-либо оговорок, поскольку в судебном порядке они могут быть восстановлены далеко не всегда.² Еще дальше идет Д.А. Гарбатович, определяя условия правомерности необходимой обороны при защите от посяга-

¹ См. подробнее: Милуков С.Ф., Никуленко А.В. Современные проблемы правового регулирования обстоятельств, исключаящих преступность деяния / Российский ежегодник уголовного права. № 2. 2007 / Под ред. Б.В. Волженкина. СПб., 2008. С. 767.

² Кириченко В.Ф. Основные вопросы учения о необходимой обороне в советском уголовном праве. М.-Л., 1948. С. 20.

тельств на честь или достоинство личности.¹ Для определения характера вреда, который возможен при защите чести и достоинства, он предлагает сравнивать санкции преступлений за умышленное причинение вреда здоровью и оскорбление, клевету, в том числе в отношении специальных потерпевших (судей, военнослужащих, представителей власти). Более того, по его мнению, соразмерным будет выглядеть при защите от таких преступлений причинение средней тяжести вреда здоровью, что, однако может повлечь за собой привлечение виновного к уголовной ответственности по ст. 112 УК РФ. В связи с этим, он предлагает предусмотреть в ч. 1 ст. 114 УК РФ ответственность за умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны.²

Подобные предложения, на наш взгляд, не только не уместны, но и противоречат криминологической картине современной преступности. Видимо автор в стремлении что-либо подкорректировать в законодательстве забывает об очевидных вещах.

Теперь следует перейти к условиям правомерности необходимой обороны, относящимся к защите. Первое заключается в том, что **вред причиняется лишь посягающему**, а не третьим лицам.

Учитывая современную криминологическую ситуацию целесообразно преодолевать возможное сопротивление преступников посредством передачи им информации об аресте (ликвидации) главарей, захвате мест базирования банды, транспортных средств, финансовых активов и т. д. Даже простая потеря связи между членами преступной группы может привести к их безоговорочной сдаче.³ В этой связи интересен п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ, декларирующий, что «в случае совершения преступления несколькими лицами причинение вреда возможно только в отношении тех соучастников, которых задержать иными средствами не представлялось возможным».

¹ См.: Гарбатович Д.А. Необходимая оборона при защите чести, достоинства, половой свободы, права собственности: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 5-31.

² Там же. С. 30.

³ См. об этом, напр.: Милюков С.Ф., Никуленко А.В. Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние. СПб.: Издательство «Юридический центр», 2015. С. 202 и др.

Затрагивая еще один дискуссионный вопрос, следует признать, что необходимая оборона возможна и против ненасильственного общественно опасного посягательства – например, кражи, уничтожения или повреждения чужого имущества и т. п. Поэтому целесообразно законодательно закрепить право граждан на установление устройств и приспособлений для защиты имущества, жилища.¹ Такие же устройства могут способствовать и задержанию (химические ловушки, блокираторы двигателей автомобилей и водных судов, автоматически срабатывающие замки и др.).²

Отметим явно прогрессивное положение пункта 17 постановления Пленума по интересующему нас вопросу: «правила о необходимой обороне распространяются на случаи применения не запрещенных законом автоматически срабатывающих или автономно действующих средств или приспособлений для защиты охраняемых уголовным законом интересов от общественно опасных посягательств. Если в указанных случаях причиненный посягавшему лицу вред явно не соответствовал характеру и опасности посягательства, содеянное следует оценивать как превышение пределов необходимой обороны. При срабатывании (приведении в действие) таких средств или приспособлений в условиях отсутствия общественно опасного посягательства содеянное подлежит квалификации на общих основаниях».³

Последнее условие правомерности необходимой обороны, вызывающее наибольшие трудности в следственной и судебной практике, состоит в том, что **защита не должна превышать пределов необходимости.**

Как уже отмечалось выше принципиально важно в практическом смысле правильно определить конкретную норму УК РФ, которая будет применяться в ситуациях причинения вреда преступнику. Точку в этом вопросе ставит п. 18 по-

¹ См.: Орехов В.В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния. СПб., 2003. С. 173.

² В связи с этим см.: Законопроект № 265537-6 «О внесении изменения в статью 37 Уголовного кодекса Российской Федерации», предлагающий изменение в виде дополнения указанной статьи пунктом 2² следующего содержания: «2². Не являются превышением пределов необходимой обороны действия лица, направленные на защиту себя и своей семьи от насилия или угрозы применения насилия либо на защиту своего имущества против лица, незаконно проникшего в его жилище» // www.duma.gov.ru.

³ См. подр. об этом: Есаков Г. Использование предохранительных устройств при защите имущества и необходимая оборона // Уголовное право. 2013. № 1. С. 17-23.

становления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 г.: «Если в процессе задержания задерживаемое лицо совершает общественно опасное посягательство, в том числе сопряженное с насилием, опасным для жизни задерживающего его лица или иных лиц, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, причинение вреда в отношении задерживаемого лица следует рассматривать по правилам о необходимой обороне (статья 37 УК РФ)».

На наш взгляд, нельзя игнорировать характеристику личности посягающего или задерживаемого лица. Легальный и фактический рецидив существенно повышают общественную опасность преступника и требует принятия более жестких мер при его задержании.

Поэтому по-прежнему актуальна рекомендация законодателю о включении характеристики личности в структуру ст. ст. 37 и 38 УК.¹

Таким образом, институты необходимой обороны и задержания имеют как значительные сходства, так и коренные отличия, представляя собой обширное поле для деятельности законодателя и правоприменителей.

¹ См. об этом: Никуленко А.В. Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2011. С. 11.

Влияние миграционных процессов на развитие уголовного законодательства

*Петрова Ирина Александровна,
заведующий кафедрой уголовного права и
криминологии Северо-Западного
института (филиала) Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА), канд. юрид.
наук, доцент, г. Вологда*

Возрастание мобильности населения характерно для современного периода. Межгосударственная миграция, приобретает характер универсального явления и все чаще рассматривается как «институционализированная форма социальной мобильности в современном обществе»¹. Такое явление оказывает негативное влияние на состояние правопорядка в нашем государстве. В 2015 г. иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории Российской Федерации совершено 46,4 тыс. преступлений, что на 4,4% больше, чем за январь - декабрь 2014 года, в том числе гражданами государств-участников СНГ – 40,3 тыс. преступлений².

В 2014 г. в Вологодской области на миграционный учет было поставлено 41892 иностранных граждан и лиц без гражданства. При этом, например, с целью трудоустройства в 2013 г. прибыло всего 3750, а в 2014 г. – 4026 иностранных граждан или лиц без гражданства, т.е. удельная доля легальной иностранной рабочей силы остается минимальной. Можно говорить о наличии в регионе достаточно высокого уровня нерегулируемой и неконтролируемой внешней миграции³.

В целях усиления уголовной ответственности за нарушение правил регистрационного учета граждан России по месту пребывания и по месту жительства

¹ Васильева Т.А. Миграционная политика, гражданство и статус иностранцев в странах западной демократии. М.: Институт права и публичной политики. 2010. С.4.

² Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации, в том числе в Крымском федеральном округе за январь - декабрь 2014 года (официальный сайт Министерства внутренних дел)// URL: <https://mvd.ru> (дата обращения: 05.05.2016 г.).

³ Статистическая информация УФМС России по Вологодской области за 12 мес. 2015 г.

в пределах Российской Федерации и миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в России Федеральным законом от 21 декабря 2013 г. № 376-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в Уголовный кодекс РФ дополнен ст. 322.2, которой введена уголовная ответственность за фиктивную регистрацию гражданина РФ по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в РФ и фиктивную регистрацию иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в РФ.

Кроме того, Уголовный кодекс РФ дополнен ст. 322.3, которой установлена уголовная ответственность за фиктивную постановку на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в жилом помещении в РФ¹.

Согласно Пояснительной записке к проекту Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» целью законопроекта является усиление ответственности за нарушение правил регистрационного учета граждан России по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации и миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации².

Федеральный закон от 18 июля 2006 года № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» определяет фиктивную регистрацию по месту жительства иностранного гражданина или лица без гражданства как регистрацию иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства на основании представления заведомо недостоверных сведений или документов для такой регистрации, либо их регистрация по месту жительства без их намерения проживать в соответствующем жилом помещении, либо их регистрация по месту жительства без намере-

¹ Федеральный закон от 21.12.2013 N 376-ФЗ (ред. от 31.12.2014) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» //СЗ РФ. 2013. № 51. Ст. 6696.

² Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 200753-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»//СПС «Консультант плюс»

ния нанимателя (собственника) соответствующего жилого помещения предоставить им это жилое помещение для проживания¹.

Фактически состав преступления, предусмотренный ст. 322.3 УК РФ, состоит в предоставлении в орган миграционного учета уведомления, содержащего заведомо недостоверные (ложные) сведения о вышеуказанных фактах.

По своей сути, содержание фиктивной постановки на учет аналогично фиктивной регистрации.

Новые уголовно-правовые нормы действуют уже чуть больше двух лет и на первый взгляд, не вызывают сложностей в их правоприменении и привлечении виновных к уголовной ответственности. Но пристальное изучение содержания ст.322.2 и ст.322.3 УК РФ, их понимание правоохранительными и судебными органами выявили ряд теоретических и практических проблем.

Во-первых, с нашей точки зрения, характер и степень общественной опасности последствий фиктивной регистрации и фиктивной постановки на учет не свидетельствуют о необходимости установления за них уголовной ответственности и это средство борьбы с данными деяниями является избыточным. Считаем правильной позицию Филиппова П., который отмечает, что можно было бы согласиться с введением уголовной ответственности за фиктивную регистрацию, если бы обязательным признаком данных составов была, например, системность действий или иные признаки, указывающие на то, что лицо занимается такой регистрацией на постоянной основе и извлекает из этого прибыль или доход в крупном размере².

В оценке степени тяжести преступлений, предусмотренных ст.ст. 322.2 и 322.3 УК РФ, установленной законодателем, расходится и судебная практика. Из материалов всех изученных нами уголовных дел следует, что суды в 79% случаев назначают наказание за данные преступления в виде штрафа. Причем в 95% дел, по которым назначено наказание в виде штрафа, суды с применением ст.64

¹Федеральный закон от 18 июля 2006 года № 109-ФЗ (ред. от 22.12.2014) «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 30. Ст. 3285.

² Филиппов П. Организация незаконной миграции: практика применения ст. 322.1 УК РФ и новеллы законодательства //Уголовное право. 2014. № 3. С. 90.

УК РФ устанавливают его размер значительно ниже минимального размера штрафа, установленного в санкциях ст.ст.332.2.и 332.3 УК РФ. Так, Шпаковским районным судом Ставропольского края Манукян А.П., признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ст. 322.3 УК РФ и ей назначено наказание в виде штрафа в размере 5400 рублей ¹(при минимальном размере штрафа в сто тысяч рублей).

В 21 % случаев суд назначал наказание в виде лишения свободы с максимальным сроком один год 6 месяцев. Из данной категории дел только в одном уголовном деле суд приговорил виновного к реальному отбыванию лишения свободы.

Поэтому, санкции, предусмотренные в этой статье, являются не востребуемыми судебной практикой и представляются достаточно строгими.

Во-вторых, по конструкции объективной стороны, анализируемые нами составы преступлений, относятся к преступлениям с формальным составом. Они окончены с момента совершения деяния, т.е. с даты регистрации месту пребывания или по месту жительства и или даты постановки на учет по месту пребывания иностранного гражданина или лица без гражданства. Таким образом, и временем совершения указанных преступлений являются эти даты.

Как известно, уголовный закон обратной силы не имеет, вопрос о возбуждении уголовных дел по фактам фиктивной регистрации иностранцев, выявленным до 1 января 2014 г. не должен был подниматься. Тем не менее, нами выявлены случаи осуждения за действия (подписание фиктивных уведомлений о пребывании у них иностранных граждан), которые были совершены задолго до 21 декабря 2013 г., т.е. появления в УК соответствующих статей.

Так, приговором суда Коризно А.С. признан виновным в совершении фиктивной постановки на учет иностранных граждан по месту пребывания в жилом помещении в Российской Федерации (шесть преступлений). Коризно А.С., являясь гражданином Российской Федерации, обладая информацией о необходимо-

¹ Приговор Шпаковского районного суда Ставропольского края от 05 ноября 2014 года по делу № 10-39/14 в отношении Манукян.

сти с целью соблюдения установленного порядка регистрации, передвижения и выбора места жительства иностранным гражданам уведомлять органы миграционного контроля об их месте пребывания и понимая, что без данного уведомления их пребывание на территории РФ незаконно, и, не имея намерения предоставить место пребывания иностранным гражданам, действуя во исполнение своего преступного умысла, в период времени с 11 января 2013 года по 17 февраля 2013 года в дневное время, находясь в ФГУП «Почта России», расположенного по адресу: г. Москва, ***, действуя умышленно, заполнил уведомления о прибытии иностранных граждан, являющихся гражданами Республики *****, которые заверил своей подписью, с указанием места их регистрации по адресу: ***, где он, Коризно А.С. постоянно зарегистрирован и фактически проживает.

Судом также установлено, что аналогичные действия Коризно А.С. совершил 14 мая 2013 г., в период времени с 20 июня 2013 г. по 24 июня 2013 г., с 18 июля 2013 г. по 31 июля 2013 г., с 29 августа 2013 г. по 19 сентября 2013 г., с 01 октября 2013 г. по 22 октября 2013 г.¹

В другом деле, Луконин П.В. также признан виновным в совершении фиктивной постановки на учет иностранных граждан по месту пребывания в жилом помещении в Российской Федерации. Судом установлено, что он, не предоставляя места пребывания иностранным гражданам, имея умысел на постановку на учет иностранных граждан по месту пребывания в жилом помещении, без намерения предоставить им это помещение для пребывания (проживания), действуя во исполнение своего преступного умысла, 13 сентября 2013 года действуя умышленно и из корыстных побуждений, заполнил заявление соответствующего образца и направил в ОУФМС России по району Богородское г. Москвы уведомления о прибытии иностранных граждан, являющихся гражданами Республики Молдова:***, с указанием места их регистрации по адресу: г. Москва, ***, где он – Луконин П.В. постоянно зарегистрирован и фактически проживает. При

¹Приговор Мирового судьи судебного участка № 113 района Преображенское г. Москвы от 18 февраля 2014 г. по делу № 01-0007-110-2014 в отношении Коризно А.С.

этом он (Луконин П.В.) достоверно знал, что вышеуказанные иностранные граждане пребывать по данному адресу не будут, поскольку фактически жилое помещение по указанному адресу иностранным гражданам не предоставлялось¹.

Таким образом, из представленных решений следует, что суды либо признают исследуемые составы преступлений делящимися преступлениями, что, по нашему мнению, не соответствует букве закона, либо не замечают требований норм Конституции РФ, Уголовного кодекса РФ о действии уголовного закона во времени и выносят приговоры, придавая обратную силу закону, впервые устанавливающему уголовную ответственность за деяние.

В-третьих, в ст.ст. 322.2 и 322.3 УК РФ недостаточно чётко указан субъект преступления, точнее, законодателем не установлены дополнительные его признаки, из чего следует, что субъектом этих преступлений является общий субъект. Однако характер преступления говорит о том, что его субъектом может быть лишь лицо, обладающее полномочиями по осуществлению регистрации либо по постановке на учет иностранных граждан или лиц без гражданства. Ведь регистрация – это фиксация органом регистрационного учета сведений о месте пребывания гражданина и о его нахождении в данном месте пребывания. То есть действие под названием «регистрация» осуществляет «орган регистрационного учёта».

Органами регистрационного учета административно-территориальных образований, в которых имеются территориальные органы Федеральной миграционной службы, являются эти территориальные органы, в остальных населенных пунктах - органы местного самоуправления. Соответственно, должностные лица этих органов, обладающие правом регистрации граждан, и будут субъектами преступления, предусмотренного ст. 322.2 УК РФ.

Полномочия и обязанность по постановке на учет иностранных граждан или лиц без гражданства по месту пребывания в жилых помещениях в Россий-

¹Приговор Мирового судьи судебного участка № 113 района Преображенское г. Москвы от 18 февраля 2014 г. по делу № 01-0008-110-2014 в отношении Луконина П.В.

ской Федерации возложены на органы миграционного учета, которые и будут субъектами ст.322.3 УК РФ.

Следует заметить, что и санкции исследуемых статей УК РФ подтверждают наши предположения. В качестве дополнительного вида наказания обе санкции содержат наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Вряд ли этот вид наказания необходимо применять к обычным гражданам, фиктивно предоставившим жилое помещение для регистрации или постановки на учет иностранца или лица без гражданства. В исследуемых нами материалах уголовных дел не выявлено ни одного случая назначения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Конечно, выглядит абсурдной ситуация, при которой закон предписывает наказывать за фиктивную регистрацию именно работника ФМС, в случае если у иностранного гражданина или лица без гражданства нет намерения проживать по месту пребывания в жилых помещениях.

Отсюда следует, что законодатель нечетко сформулировал и характер совершаемых деяний, и меры государственного принуждения, применяемые за их совершение.

Правоприменительная практика пошла по логически верному пути. Во всех изученных нами уголовных делах, к уголовной ответственности за фиктивную регистрацию и фиктивную постановку на учет иностранных граждан и лиц без гражданства были привлечены собственники жилых помещений, которые имели умысел на фиктивную регистрацию или фиктивную постановку на учет иностранных граждан по месту пребывания в жилом помещении, без намерения предоставить им это помещение для пребывания (проживания) путем предоставления в орган миграционного учета уведомления, содержащего заведомо недостоверные (ложные) сведения о вышеуказанных фактах.

Хотелось бы отметить, что в настоящей статье мы не ставили перед собой задачу в полном объеме проанализировать проблемы, касающиеся вопросов уго-

ловной ответственности за фиктивную регистрацию и фиктивную постановку на учет иностранных граждан и лиц без гражданства, затронули лишь часть из них.

К вопросу об уголовно-правовой коллизии декриминализации

*Пименова Зоя Ивановна,
мировой судья Промышленного
судебного участка г. Сосногорска
Республики Коми, канд. юрид. наук,
г. Сосногорск*

Декриминализация – выведение какого-либо деяния из числа таких, которые могут квалифицироваться как уголовно-наказуемые¹.

В современном уголовном праве Российской Федерации декриминализация применима, и кроме того, получает дальнейшее развитие. Чем же характерны причины, её вызвавшие и правовые последствия?

На определенном этапе развития нашего правового государства возникает потребность к отказу от определенной уголовно-правовой нормы и переводе преступного деяния в разряд административного правонарушения.

Рассмотрим лишь данное основание декриминализации на примере декриминализации преступления, предусмотренного ст. 130 УК РФ, поскольку коллизия права, которая выявляется в результате декриминализации, характерна по всем остальным декриминализованным составам, перешедшим в разряд административных правонарушений.

08.12.2011 года вступил в силу Федеральный закон № 420-ФЗ от 07.12.2011 года «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Указанным законом ряд статей УК РФ признаны утратившими силу, в том числе и ст. 130 УК РФ.

В связи с вышеуказанным законом преступность и наказуемость деяния, предусмотренного ст. 130 УК РФ, устранена. При этом за действия, ранее подпадавшие под квалификацию по ст. 130 УК РФ, предусмотрена административная ответственность за оскорбление, т.е. по ст. 5.61 кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

¹ Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. - 1-е изд. - СПб.: Норинт, 1998.

В соответствии с ч. 2 ст. 24 УПК РФ уголовное дело, возбужденное по ст. 130 УК РФ, подлежит прекращению по основанию, предусмотренному п.2 части первой настоящей статьи – ввиду отсутствия в деянии состава преступления, в случае, когда до вступления приговора в законную силу преступность и наказуемость этого деяния были устранены новым уголовным законом.

Таким образом, суд обязан вынести постановление о прекращении уголовного дела в отношении привлекаемого лица на основании ст.10 УК РФ, ст.ст. 24 ч.2, 254 УПК РФ. При этом частному обвинителю разъясняется, что он вправе обратиться к прокурору с заявлением о привлечении лица к административной ответственности, в соответствии с ч.1 ст. 28.4 КоАП РФ, поскольку дела об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 5.61 КоАП РФ, в соответствии с ч.1 ст. 28.4 КоАП РФ возбуждаются прокурором.

Каковы действия прокурора в этой ситуации? Если на момент обращения потерпевшего в прокуратуру истекли сроки давности привлечения лица к административной ответственности, то прокурор вынесет определение об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении в связи с истечением сроков давности привлечения лица к административной ответственности.

Таким образом, вопрос о виновности либо невиновности лица, обвиняемого сперва в совершении уголовно-наказуемого деяния, а затем в связи с декриминализацией, перешедшего в административное правонарушение, остаётся не решённым по существу.

Казалось бы, не привлекли к уголовной ответственности и ладно. А если лицо не совершало преступления, предусмотренного ст. 130 УК РФ? Представляется, что если лицо не признавало себя виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 130 УК РФ, а затем в его отношении отказано за истечением сроков давности в возбуждении административного правонарушения, то следует, что это лицо лишено права на судебную защиту. А какие последствия испытает это лицо в дальнейшем при решении вопроса о трудоустройстве в дошкольные и школьные учреждения, не говоря уже о том, если оно изъявит желание поступить на службу в правоохранительные и судебные органы? Данный вопрос от-

рицательно повлияет и на решение вопроса в отношении его близких родственников, круг которых определен законом. Но не это главное, самое важное то, что лицо лишено права, предусмотренного Конституцией Российской Федерации, права на судебную защиту, предусмотренного ч.1 ст.46 Конституции РФ.

Данная коллизия закона не разрешена, более того, по данному аспекту нет дискуссий в научной литературе, а соответственно еще достаточно долго люди, попавшие в вышеуказанные ситуации, будут лишены права на судебную защиту, что представляется недопустимым в обществе, провозгласившем правовое государство.

Проблемы применения уголовно-правового понятия «преступление против половой неприкосновенности» в уголовном процессе

*Рыжов Эдуард Валерьевич,
старший помощник руководителя
следственного управления Следственного
комитета Российской Федерации
по Вологодской области (по кадрам),
подполковник юстиции, г. Вологда*

В отечественной науке уголовного права распространенной является точка зрения о том, что соотношение уголовного и уголовно-процессуального права проявляется в первую очередь в том, что уголовное право определяет те правовые категории, которые составляют предмет доказывания в уголовном процессе, то есть содержание правоотношений, а уголовный процесс – их форму¹.

Связь уголовного права и уголовного процесса состоит в том, что уголовный процесс является формой реализации уголовно-правовых норм, иными словами уголовно-процессуальное право играет по отношению к уголовному праву служебную роль.

Данная точка зрения представляется совершенно справедливой, но существует и взаимосвязь другого рода.

Применение уголовно-процессуального закона, как правило, не зависит от классификации преступлений. Однако, в декабре 2013 года Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации был дополнен нормой, предполагающей возможность участия представителя несовершеннолетнего потерпевшего на стороне обвинения в особых случаях – в зависимости от объекта преступного посягательства.

Так, в целях создания дополнительных гарантий защиты прав несовершеннолетнего потерпевшего Федеральным законом от 28.12.2013 №432-ФЗ "О вне-

¹ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник для вузов (под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой) – М.: "Статут", 2012 – с.10

сении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве" предусмотрено оказание несовершеннолетнему квалифицированной юридической помощи – услуг адвоката за счет государства¹.

В соответствии с частью 2.1 статьи 45 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации допускается участие в уголовном процессе адвоката в качестве представителя по ходатайству законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста шестнадцати лет, в отношении которого совершено преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего. Участие адвоката в этом случае обеспечивается дознавателем, следователем или судом, а расходы на оплату труда адвоката компенсируются за счет средств федерального бюджета².

Дополнение уголовно-процессуального законодательства данной нормой, на наш взгляд, свидетельствует о признании законодателем проблемы в обеспечении защиты прав несовершеннолетних потерпевших. Решение данной проблемы законодатель определил посредством предоставления дополнительных процессуальных гарантий реализации прав несовершеннолетнего потерпевшего.

Несмотря на это, данная норма не позволяет в полной мере обеспечить эффективную защиту прав несовершеннолетних потерпевших, поскольку при реализации указанной нормы у правоприменителя возникает проблема определения перечня преступлений, в случае совершения которых несовершеннолетнему потерпевшему может быть предоставлен адвокат. Так, глава 18 Уголовного кодекса Российской Федерации «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности» содержит пять составов преступлений (статьи 131 – 135 УК РФ), при этом, Уголовный кодекс Российской Федерации не содержит ни определений «преступление против половой неприкосновенности» и «преступление против половой свободы», ни критериев их разграничения.

¹ Федеральный закон от 28.12.2013 №432-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве" // Справочная правовая система Консультант-плюс.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ // Справочная правовая система Консультант-плюс.

Для решения этой задачи требуется обращаться к научным работам по уголовному праву.

Так, по мнению Котельниковой Е.А. под половой свободой следует понимать добровольность выбора полового партнера, места, времени и способа совершения полового сношения, т.е. свободу половых связей личности. В соответствии с законом половой свободой обладают лица старше 16 лет. Обязательным также является признак вменяемости. К указанному возрасту человек достигает половой зрелости и способен в полной мере осуществлять права и свободы, которыми он наделен.

Антиподом половой свободы выступает половая неприкосновенность. Она означает абсолютный правовой запрет на половые контакты, распространяемый в отношении определенного круга лиц. К лицам, обладающим половой неприкосновенностью, относят малолетних, несовершеннолетних и иных лиц, неспособных в силу психических или физических недостатков выразить свою волю. В большинстве случаев половой неприкосновенностью обладают лица, находящиеся в состоянии беспомощности¹.

В то же время, как справедливо отмечает А.В. Бриллиантова, деление половых преступлений по объекту посягательства на две группы: преступления против половой свободы и преступления против половой неприкосновенности является условным. Условность подобного деления состоит в том, что преступления против половой свободы нередко одновременно посягают и на половую неприкосновенность. Так, все насильственные преступления, совершаемые путем применения физического или психического насилия (ст. ст. 131, 132, 133 УК РФ), в тех случаях, когда они совершаются в отношении лиц, не достигших шестнадцати лет, посягают и на половую свободу и на половую неприкосновенность. В тех же случаях, когда потерпевшая (потерпевший) достигла шестнадцати лет, нарушаются только права, связанные со свободой поведения в половых

¹ Котельникова Е.А. Насильственные преступления против половой неприкосновенности и половой свободы: виктимологический аспект [Электронный ресурс] // http://www.rusnauka.com/16_ADEN_2011/Pravo/5_88989.doc.htm.

отношениях. Преступления, совершаемые без применения насилия (ст. ст. 134, 135 УК РФ), причиняют вред половой неприкосновенности¹.

При таких обстоятельствах, в условиях отсутствия четкой правовой определенности, существенно возрастает вероятность ошибок при расследовании конкретных уголовных дел.

Представляется, что данная проблема в большей степени относится к сфере уголовно-процессуального законодательства и её решением могло бы стать указание в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации конкретных статей Уголовного кодекса Российской Федерации, применение которых возможно для целей, указанных в части 2.1 статьи 45 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

¹ Уголовное право России. Части Общая и Особенная: Учебник (2-е издание, переработанное и дополненное) (под ред. А.В. Бриллиантова) – М.: "Проспект", 2015. – с.248

20 лет Уголовному кодексу Российской Федерации: критический анализ законоотворчества

*Силкин Вячеслав Петрович, заведующий
кафедрой уголовного права Вологодского
государственного университета, канд.
юрид. наук, г. Вологда*

В преддверии 20-летия со дня принятия УК РФ, подводя определённые итоги, представляется необходимым высказать критические замечания относительно содержания данного важнейшего законодательного акта, а также практики внесения в него изменений и дополнений.

Назовём только некоторые дискуссионные моменты действующего уголовного закона.

1. Отсутствие надлежащей системности и последовательности при построении структуры Особенной части кодекса. Законодателю не удалось выдержать логическое расположение разделов и глав относительно друг друга, и статей внутри глав, по принципу единообразия, например, по мере убывания характера и степени тяжести преступлений.

К примеру, если внутри главы 16 УК РФ составы преступлений логично сгруппированы по объекту (жизнь, затем здоровье) и расположены по принципу от наиболее тяжкого деяния к наименее тяжкому, то не все главы Особенной части выдержаны в этом же порядке. Так, глава 21 УК РФ начинается с преступления небольшой тяжести – кража, затем в кодекс помещены мошенничество, присвоение или растрата, только после них следуют грабёж, разбой, вымогательство, хищение предметов, имеющих особую ценность, которые при отягчающих обстоятельствах являются особо тяжкими.

По поводу расположения разделов и глав относительно друг друга существуют мнения¹, что посвященный уголовно-правовой охране мира и безопасности человечества раздел XII необходимо переместить с последнего места на более значимое, отвечающее важности охраняемых объектов.

2.Отсутствие единообразия в применении квалифицирующих признаков деяний.

Так, в составы преступлений против личности (ст.105, 111, 131 УК РФ и др.), наряду с квалифицирующим признаком «группой лиц по предварительному сговору» обоснованно включен признак совершения этих же преступлений «группой лиц». Однако законодатель по непонятной причине не сделал этого в составах преступлений против собственности, хотя очевидно, что такие преступления, как грабёж, разбой или вымогательство, спонтанно совершённые группой лиц, обладают значительно более высокой степенью общественной опасности, чем совершённые в одиночку. В таких опасных преступлениях, как торговля людьми и использование рабского труда повышенная ответственность за преступление в соучастии наступает только после создания организованной группы.

3.Многочисленные огрехи законодательной техники.

Например, ч.1 ст.256 и ч.1 ст.258 УК РФ сконструированы как квалифицированные составы, фактически не являясь таковыми.

4. Необоснованные виды и размеры наказаний во многих санкциях статей Особенной части УК РФ, не отвечающие их характеру и степени общественной опасности, и по этой причине в ряде случаев – необоснованное отнесение преступлений к категории менее опасных.

Например, за такое опаснейшее, по нашему мнению, преступление, как умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, даже если это совершено путем поджога или взрыва и повлекло по неосторожности смерть

¹ См. например: Чучаев А.И. Понятие, система и значение Особенной части уголовного права / Российское уголовное право: учеб.: в 2 т. Т.2. Особенная часть / Г.Н. Борзенков, Л.В. Иногамова-Хегай, В.С. Комиссаров [и др.]; под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – С. 7.

человека (ч.2 ст.167 УК РФ), максимум наказания, предусмотренный в санкции статьи – до 5 лет лишения свободы. То есть, даже если виновный из мести, зависти или хулиганских побуждений подожжет дом соседа и вместе с домом ввиду «непредвидения последствий в виде смерти людей» погибнет семья соседа из нескольких человек, то наш «герой» совершит не более чем преступление средней тяжести¹.

В санкции ч. 1 ст.171¹ УК РФ за производство, приобретение, хранение, перевозку или сбыт немаркированных товаров и продукции, совершённые в крупном размере (свыше 1,5 млн. рублей), предусмотрено (в альтернативе) наказание в виде штрафа в размере до 200 тыс. рублей, в санкции части 2 этой же статьи – за те же действия, совершённые **организованной группой** и в особо крупном размере (свыше 6 млн. рублей) – наказание в виде штрафа в размере от 100 тыс. до 300 тыс. рублей, то есть даже максимальный размер штрафа в 20 раз меньше, чем причинённый ущерб или извлечённый доход! То же самое – по ст.ст.171, 171² и практически по всем статьям главы 22 УК РФ.

Представляется, что размер уголовного наказания в виде штрафа не должен быть менее размера полученного от данного преступления дохода, иначе заведомо не достигается превентивная цель наказания, поскольку совершать это преступление становится выгодно.

5.Отсутствие системности и согласованности (следовательно – справедливости) санкций друг с другом как внутри одной главы кодекса, так и с санкциями других глав.

Так, если сравнить ту же санкцию ч.2 ст.167 УК РФ с санкцией ч.3 ст.158 УК РФ, увидим, что кражу одной тысячи рублей из квартиры соседа законодатель считает преступлением тяжким, то есть более опасным, чем уничтожение соседского жилья путём поджога.

Непонятно, почему незаконное предпринимательство, сопряженное с извлечением дохода в крупном размере, законодатель, судя по санкциям, призна-

¹ См. об этом подробнее: Силкин В.П. Проблемные вопросы системы уголовных наказаний и уголовно-правовых санкций // Российское законодательство: стратегия развития в XXI веке: Материалы I Всероссийской научно-практической конференции, 5 – 6 декабря 2013 года /Отв. ред Т.Н. Пономарева. – Вологда, 2013. – С.175 – 180.

ёт преступлением более опасным, чем легализация денежных средств или иного имущества, приобретённых преступным путём, также совершённые в крупном размере. В частности, максимальный размер штрафа по ч.1 ст.171 УК РФ составляет 300 тыс. рублей, а по ч.2 ст.174, ч.2 ст.174¹ УК РФ – только 200 тыс. рублей. При этом легализация денежных средств, приобретённых преступным путём, объективно представляется более общественно опасной, нежели незаконное предпринимательство. Данный вывод следует хотя бы из того факта, что легализацию преступных доходов законодатель считает понятием близким к финансированию терроризма, объединив данные вопросы в одном Федеральном законе «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём и финансированию терроризма».

Если сравнить санкции статей за преступления в сфере экономической деятельности и за преступления против собственности, расположенные в этом же разделе УК РФ, также увидим отсутствие согласованности санкций.

Так, размер штрафа, предусмотренного в альтернативных санкциях в качестве основного наказания, за кражу, совершенную, например, с незаконным проникновением в жилище, составляет **от 100 до 500 тысяч рублей** (ч.3 ст.158). Вместе с тем, размер штрафа за такие преступления, как: производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт немаркированных товаров и продукции, совершённые организованной группой или в особо крупном размере (ч.2 ст.171¹), незаконная банковская деятельность, причинившая крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо сопряжённая с извлечением дохода в крупном размере (ч.1 ст.172), незаконное получение государственного целевого кредита, причинившее крупный ущерб гражданам, организациям или государству (ч.2 ст.176) и т.д. – составляет всего **от 100 до 300 тысяч рублей**. Эти примеры многочисленны.

Тем самым, преступления, причиняющие гражданам, организациям, государству, действительно, колоссальный ущерб, являющиеся экономической базой самого опасного вида преступности – организованной преступности, законодателем оценены как менее опасные, по сравнению с «банальной» кражей.

6. Самым главным недостатком Уголовного кодекса, на наш взгляд, является отсутствие каких-либо научных обоснований при внесении в него изменений и дополнений, что влечёт во многих случаях необоснованную криминализацию и декриминализацию деяний.

Гарантиями реализации продекларированных в первых статьях кодекса принципов законности, справедливости и гуманизма являются, среди прочего, системность, непротиворечивость и единообразное применение уголовного закона, отсутствие в нём как пробелов, так и излишнего регулирования. С этой целью законодателем должна быть обеспечена стабильность Уголовного кодекса, внесение изменений после тщательной их проработки и общественного обсуждения. Не случайно профессор С.П. Мокринский ещё на заре 20 века справедливо заметил: «Из двух путей, приблизительно равно ведущих к цели, - старого и нового – осторожный политик охотнее избирает первый, предпочитая умелое использование существующего или исторически испытанного рискованным опытам оригинального творчества в чисто рационалистическом духе»¹.

Если обратиться к действующей редакции Уголовного кодекса Российской Федерации, увидим, что в течение 20 лет с момента вступления его в силу законодателем принято почти 200 федеральных законов о внесении изменений и дополнений в УК РФ, то есть приблизительно 10 федеральных законов в год. Так или иначе, изменена первоначальная редакция практически всех статей Особенной части (как диспозиции, так и санкции) и большинства статей Общей части кодекса. Только в 2015 году законодателем принято 19 федеральных законов о внесении изменений в Уголовный кодекс.

При этом во многих случаях изменения в уголовный закон вносятся поспешно и непродуманно, не только без проведения криминологической экспертизы, о необходимости которой давно говорят криминологи, но и без каких-либо серьёзных исследований и обсуждений законопроекта среди учёных и практикующих юристов. В результате в Уголовный кодекс часто вносятся противоречивые изменения.

¹ Мокринский С.П. Наказание, его цели и предположения. М., 1902. С.18 – 19.

Например, Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ была декриминализована клевета (ст.129 УК РФ), а спустя несколько месяцев Федеральным законом от 28.07.2012 № 141-ФЗ статья о клевете вновь введена в Уголовный кодекс, но уже под другим номером, что также не прибавило закону системности.

Совершенно необъяснимо изменение законодателем санкций ст.111 УК РФ Федеральным законом от 07.03.2011 № 26-ФЗ.

В частности, санкция ч.4 ст.111 УК РФ, вместо предусмотренного ранее в ней адекватного наказания в виде лишения свободы на срок от 5 до 15 лет, за **умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего**, с 2011 года стала содержать наказание в виде лишения свободы на срок до 15 лет (то есть **от 2 месяцев до 15 лет**) с ограничением свободы на срок до 2 лет либо без такового. Это **при любых отягчающих обстоятельствах**, предусмотренных частями 2 и 3 данной статьи, например таких, как совершение этого деяния общеопасным способом, организованной группой, в отношении двух или более лиц и т.д.

В результате этого непродуманного законодательного решения, в настоящее время преступление, предусмотренное ч.4 ст.111 УК РФ, и близкое ему простое убийство (ч.1 ст.105 УК РФ), отличающиеся друг от друга лишь формой вины по отношению к последствиям в виде смерти потерпевшего (а этот субъективный критерий нередко зависит только от показаний обвиняемого), абсолютно по-разному наказываются.

При этом следует иметь в виду, что на практике, когда орган предварительного следствия не вполне уверен в достаточности собранных доказательств, несмотря на очевидные признаки убийства при отягчающих обстоятельствах, встречаются случаи необоснованной квалификации преступления по ч.4 ст.111 УК РФ с целью избежать рассмотрения уголовного дела судом с участием присяжных заседателей. Кроме того, необходимо отметить, что чрезмерная для судебного усмотрения «вилка» наказания в виде лишения свободы на срок от 2 месяцев до 15 лет за особо тяжкое преступление содержит в себе так называемый «коррупциогенный фактор», превращая относительно-

определённую санкцию практически в абсолютно-неопределённую. Это же актуально и для санкций частей первой, второй и третьей ст.111 УК РФ.

Среди наиболее спорных, на наш взгляд, законов о внесении изменений в Уголовный кодекс, можно назвать № 162-ФЗ от 08.12.2003, которым были декриминализованы многие составы преступлений, в том числе неосторожные деяния, причиняющие вред здоровью средней тяжести, такие как нарушение требований охраны труда (ст.143 УК РФ), нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст.264 УК РФ) и другие. В результате отсутствует состав преступления в действиях, например, нетрезвого водителя, по вине которого под колёса автомобиля попал пешеход, и у последнего по счастливой случайности не наступил тяжкий вред здоровью, а он «отделался» только длительным расстройством здоровья или значительной стойкой утратой трудоспособности на 30%.

Вместе с тем, спустя 11 лет законодатель объявляет преступным повторное управление транспортным средством в состоянии опьянения (ст.264.1 УК РФ), которое вообще осталось без каких-либо последствий.

Таким образом, с одной стороны законодатель декриминализирует преступные деяния, характер общественной опасности которых вполне позволяет считать их преступными¹, с другой стороны – криминализирует деяния, ранее являвшиеся административными правонарушениями, которым, по нашему мнению можно успешно противодействовать и административно-правовыми мерами, в том числе административным арестом.

По этой же причине не вполне обоснованной выглядит криминализация в 2014 году неоднократного нарушения установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия либо пикетирования (ст.212¹ УК РФ). Это деяние объявлено даже не преступлением небольшой, а средней тяжести. Видимо не случайно представители оппозиции говорят о политической составляющей данного решения.

¹ С.П. Донец, например, признаком, позволяющим отграничивать преступное деяние от непроступного, то есть криминализирующим фактором, называет характер общественной опасности – См.: Донец С.П. Квалифицирующие и привилегирующие составы преступлений в системе уголовно-правового воздействия. – М.: Юрлитинформ, 2015. – С.142.

В этот же ряд парадоксальных законодательных решений попадёт, в случае принятия, законопроект Верховного Суда Российской Федерации, направленный на декриминализацию ряда преступлений небольшой тяжести, который 26 февраля 2016 г. принят Государственной Думой в первом чтении¹.

По отечественной традиции данные изменения не проходили скольконбудь серьёзного общественного обсуждения, из чего следует логичный вывод, что очередной законопроект подготовлен кулуарно.

Научных, криминологических обоснований² законодательной инициативы в пояснительной записке к законопроекту не содержится. Среди основных обоснований предложенных изменений указывается то, что исключение из числа преступлений побоев, угрозы убийством, злостного уклонения от уплаты алиментов и использования заведомо подложного документа (ч.1 ст.116, ч.1 ст.119, ст.157 и ч.3 ст.327 УК РФ) значительно сократит объём работы органов предварительного расследования (по данным составам преступлений осуждается в год 130-140 тыс. человек), что, якобы «предоставит возможность органам предварительного расследования сосредоточить свои кадровые, технические и иные ресурсы на расследовании опасных преступлений»³. Ещё около 100 тысяч человек, по мнению авторов законопроекта, может быть выведено из-под действия уголовного закона в результате повышения планки уголовно-наказуемой кражи без отягчающих обстоятельств с 1 до 5 тыс. рублей и повышения значительного размера преступлений против собственности с 2,5 до 10 тыс. рублей⁴.

¹ Госдума приняла законопроект о декриминализации ряда статей УК РФ // Российская газета. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2016/02/26/gosduma-priniala-zakonoproekt-o-dekriminalizacii-riada-statej-uk-rf.html>

² См. об этом, например: *В.Н. Кудрявцев, В.Е. Эминов. Причины преступности // Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2009. С.131 – 141; Они же. Декриминализация (социально-правовой аспект) // Научные труды МГЮА. 2005. № 2. С.326 – 332.*

³ Пункт 1 Пояснительной записки к проекту Федерального закона. / Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 июля 2015 года №37 "О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проектов федеральных законов "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности" и "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности". [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ппвс.пф/2015/postanovlenie-plenuma-vs-rf/N37-ot-31.07.2015.html>.

⁴ Там же. Пункт 2.

Данные доводы не выдерживают критики и представляются весьма сомнительными по следующим причинам.

Во-первых, основанием декриминализации деяний не может являться довод о необходимости уменьшения работы органов предварительного расследования и суда. Следуя этой логике, можно исключить из уголовного закона половину составов преступлений, оставив только самые опасные, и высвободив тем самым силы и средства правоохранительных органов для их расследования. Почему бы законодателю в таком случае не декриминализировать, например, получение и дачу взятки размером до 5 (или до 100) тысяч рублей, что также высвободит ресурсы органов предварительного следствия для расследования более опасных коррупционных преступлений. Ведь не секрет, что в настоящее время большинство случаев привлечения к уголовной ответственности за взятничество – это взятки размером в 1 – 5 тысяч рублей, которые получают, например, сотрудники ГИБДД. Одновременно можно таким образом частично «победить» коррупцию, легализовав её.

Во-вторых, практика работы правоохранительных органов показывает, что уменьшение количества их работы, к сожалению, не приводит к повышению её качества. Единственное, на наш взгляд, к чему это способно привести – к ещё большей латентности преступлений, поскольку сотрудники органов внутренних дел и до настоящего времени по надуманным основаниям укрывали хищения, а теперь по большинству преступлений против собственности получают возможность на законных основаниях выносить постановления об отказе в возбуждении уголовного дела.

Заодно МВД России отчитается в статистических отчётах и в докладах Президенту России и населению страны о снижении числа краж «в сравнении с аналогичным периодом прошлого года», отнеся уменьшение цифровых показателей к результатам своей активной профилактической деятельности, как это было, например, в случае с частичной декриминализацией хулиганства или нарушений правил дорожного движения.

Далее, из пояснительной записки к законопроекту также следует, что он «направлен на дальнейшую гуманизацию и либерализацию уголовного законодательства Российской Федерации»¹.

Между тем известно, что принцип гуманизма, декларируемый в ст.7 УК РФ, имеет две стороны, и главная из них – «обеспечение безопасности человека» означает гуманизм по отношению к законопослушным членам общества, ограждение их от противоправных посягательств², а уже вторая сторона этого принципа обращена к лицам, совершившим преступления, которым государство гарантирует гуманное обращение. Законопроект же в очередной раз производит впечатление об однобоком понимании гуманизма его авторами, в частности – только по отношению к лицам, совершившим преступления. Интересы лиц, потерпевших от преступных действий, в очередной раз оказались неучтёнными. Данный вывод следует, во-первых, из того, что переводя большинство краж в число административных правонарушений, авторы законопроекта не учитывают, что в реальных условиях нашего государства с правоохранительных органов никто не спрашивает, и не будет спрашивать за раскрываемость административных правонарушений, в отличие от преступлений. Это приведёт к тому, что потерпевшие от преступлений против собственности не получат реальной правовой защиты.

Во-вторых, ещё больше вопросов с точки зрения соблюдения принципа гуманизма по отношению к потерпевшему вызывает декриминализация такого, на наш взгляд, опасного преступления, как угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. Ведь не случайно данное деяние в настоящее время является преступным только тогда, когда имеются основания опасаться осуществления угрозы.

На практике уголовные дела по ст.119 УК РФ возбуждаются, как правило, когда субъект не просто высказывает словесные угрозы расправой, а подкреп-

¹ Там же.

² См. например: *Тяжкова И.М.* Понятие, система и задачи уголовного права //Российское уголовное право: учеб. в 2 т. Т.1. Общая часть / Г.Н. Борзенков, Л.В. Иногамова-Хегай, В.С. Комиссаров [и др.]; под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – С.19-20.

ляет их конкретными действиями – замахивается на потерпевшего ножом, топором и тому подобными орудиями, а в некоторых случаях, подносит их, например, к горлу потерпевшего, или наносит удар. Такие обстоятельства свидетельствуют не только о психическом насилии над потерпевшим (которое способно привести к серьёзным последствиям для его душевного здоровья), но и, как правило, о сложившейся противоправной личности преступника, для которого от угрозы убийством до её реализации – один шаг. В ряде случаев осуждение лица по ст.119 УК РФ – это недоказанное покушение на убийство.

С декриминализацией побоев также не всё понятно. Не «развяжет» ли это руки семейным дебоширам-насильникам, которые периодически избивают своих жён и детей? Совершенно необъяснимо правилами логики, почему предлагается оставить в числе преступных побоев, совершённых лицом, имеющим судимость только за преступления, предусмотренные статьями 105, 106, 110–112, 115–117 УК РФ. А субъект, имеющий судимость, к примеру, по ст.131, 132, 162 и т.п. УК РФ, уже не так опасен?

Ещё более странной кажется ситуация с декриминализацией ст.157 УК РФ. Злостные неплательщики алиментов, которых сегодня и угрозой привлечения к уголовной ответственности далеко не всегда можно заставить содержать своих несовершеннолетних детей, теперь и вовсе могут «вздыхнуть свободно» - ведь административной ответственностью их тем более не испугаешь.

Не выдерживают критики доводы авторов законопроекта о том, что все преступления, о которых идёт речь – преступления небольшой тяжести и им можно эффективно противодействовать мерами административной ответственности. В таком случае, почему недостаточно административной ответственности за деяния, предусмотренные, например, в главе 19 УК РФ? Или за упоминавшееся, недавно введённое в уголовный закон, управление транспортным средством в состоянии опьянения повторно?

Во многих случаях законодатель, нарушая системность уголовного закона, вносит в него изменения частного, можно сказать – казуистического характера, вводя специальные составы преступлений, которые начинают конкурировать

вать с общей нормой. Ярким примером этого является шесть недавно введённых специальных составов мошенничества. Если идти по этому пути, Уголовный кодекс может распухать до бесконечности.

Немало у законодателя новшеств, в том числе и непродуманных, и по внесению изменений в Общую часть Уголовного кодекса.

Так, имея в перечне наказаний (ст.44 УК РФ) несколько абсолютно неработающих видов наказаний (арест, смертная казнь), и ряд наказаний, назначение и исполнение которых затруднено (штраф, лишение права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью, обязательные и исправительные работы), законодатель Федеральным законом от 07.12.2011 №420-ФЗ, ввёл в кодекс наказание в виде принудительных работ. Предлогом введения данного наказания указано в ст.53¹ УК РФ то, что оно является альтернативой лишению свободы (словно все другие наказания из перечня альтернативой не являются).

Со дня введения в уголовный закон (почти 5 лет) наказание в виде принудительных работ не применяется, ввиду отсутствия специальных учреждений для его исполнения, как и средств для строительства этих учреждений. Ранее по аналогичной причине более 10 лет не применялось наказание в виде ограничения свободы, содержание которого впоследствии было существенно изменено и в нынешнем виде оно практически не отличается от такой меры уголовно-правового воздействия как условное осуждение, с подобными правоограничениями. Встаёт закономерный вопрос: не мог ли законодатель, до того, как вводить новые виды наказаний, подсчитать экономическую возможность этого шага? Кроме того, само наименование наказаний в виде обязательных работ, исправительных работ (в двух видах – для работающих на момент осуждения и неработающих) и принудительных работ способно запутать не только студентов юридических ВУЗов, но и правоприменителей.

Упомянутым законом № 162-ФЗ от 08.12.2003 законодатель исключил из арсенала средств противодействия преступности, в том числе коррупционной, наказание в виде конфискации имущества (ст.52 УК РФ). Спустя 3 неполных

года конфискация имущества вновь включена в Уголовный кодекс, но уже в объёме целой главы 15¹ и в виде «иной меры уголовно-правового характера». В новом виде конфискация имущества получилась «беззубой» и всё чаще раздаются голоса учёных и практиков о возвращении конфискации в прежнем её виде, особенно в сфере противодействия коррупции.

Подводя итог анализу практики внесения изменений в УК РФ, следует сделать вывод о том, что какая-либо внятная уголовно-правовая политика у российского законодателя отсутствует, поскольку нельзя признать таковой хаотичное, поспешное, непродуманное, бессистемное внесение в уголовный закон изменений и дополнений, связанных с криминализацией и декриминализацией, пенализацией и депенализацией деяний.

В настоящее время не только обывателю, но и юристу невозможно понять, какими критериями при этом руководствуется законодатель, и даже – в каком направлении движется: по пути гуманизации либо ужесточения уголовной репрессии. На что в подобной ситуации следует ориентироваться юристам-практикам – судьям, прокурорам, следователям? При таких условиях сложно ожидать от населения уважения к закону.

На основании изложенного, резюмируем, что по нашему мнению, в настоящее время необходимо не просто совершенствование уголовного закона, а принятие нового Уголовного кодекса Российской Федерации.

Не допустить ужесточение репрессивной политики под лозунгом стремления к справедливости

*Тимошенко Андрей Анатольевич,
профессор Академии Генеральной
прокуратуры Российской Федерации,
канд. юрид. наук, доцент, заместитель
главного редактора «Российского
журнала правовых исследований»,
г. Москва*

Уголовный закон может быть применен только в рамках особой процедуры – уголовного судопроизводства, которое только тогда будет обеспечивать реализацию основных принципов права (в том числе уголовного), когда будет соответствовать требованию справедливости. Ибо при желании можно придумать упрощенную процессуальную форму и не проводить практически в 99 % случаев полноценное судебное разбирательство¹, однако тогда могут возникнуть претензии к легитимности избранной формы процесса. Однако всегда ли наличие полноценного справедливого судопроизводства гарантирует от произвола судебных или следственных чиновников?

Право любого гражданина и подданного стран-участниц Совета Европы на справедливое судебное разбирательство по уголовным делам закреплено в ст. 6 Европейской конвенции «О защите прав человека и основных свобод»² (далее – Конвенция) и сводится, если коротко, к следующим положениям: 1) правосудие вправе осуществлять лишь беспристрастный и независимый суд; 2) должен соблюдаться принцип презумпции невиновности; 3) обеспечивается право на защиту в самом широком смысле слова (своевременная информированность относительно обвинения, доступ к квалифицированному защитнику, равноправие и состязательность сторон в процессе и т.д.); 4) возможность осуществления проверки собранных доказательств стороной защиты посредством

¹ С подобной ситуацией мы сталкиваемся в США.

² Заключена в г. Риме 04.11.1950 // СПС Консультант Плюс.

допроса показывающих против лица свидетелей; 5) право воспользоваться помощью переводчика.

Конечно же практика Европейского Суда по правам человека в целях обеспечения принципа эффективности применения Конвенции значительно расширяет содержание этих гарантий в зависимости от конкретных социально-экономических условий правоприменения в той или иной стране¹, однако сами нормы-принципы в любом случае признаются приоритетными в силу прямого упоминания в общепризнанном международном договоре.

Надо сказать, что неопределенность с единообразным толкованием Конвенции стала причиной принятия 14.07.2015 Конституционным Судом Российской Федерации знакового постановления, которым в законодательство введен механизм противодействия «творческому переложению» норм Конвенции Европейским судом по правам человека². Теперь Конституционный Суд вправе по результатам рассмотрения обращений судов вывести свои собственные меры индивидуального и общего характера, направленные на прямое применение Конвенции видимо в соответствии с буквальным смыслом содержащихся в ней положений.

Надо сказать, что орган конституционного надзора уже в 2013 году в принципе прорабатывал свое отношение к проблеме в таком же ключе³.

Если вести речь о рассматриваемом нами праве на справедливое судебное разбирательство, то его основные положения в буквальном смысле закреплены в действующем российском уголовно-процессуальном законодательстве.

¹ См. подробнее Виткаускас Д., Диков Г. Защита права на справедливое судебное разбирательство в рамках Европейской конвенции о защите прав человека. Страсбург: Совет Европы, 2012. С. 9 – 15.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней", пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации", частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы».

³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 06.12.2013 № 27-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 11 и пунктов 3 и 4 части четвертой статьи 392 ГПК РФ в связи с запросом президиума Ленинградского окружного военного суда» // СПС Консультант Плюс.

1. Статья 8.1 УПК РФ провозглашает принцип независимости судей и подчинения их только Конституции Российской Федерации и федеральному закону. Информация о внепроцессуальных обращениях кого бы то ни было в суд размещается в сети «Интернет» и не является основанием для проведения процессуальных действий или принятия процессуальных решений по уголовным делам. Создание квазисудебных органов действующим законодательством не допускается. В соответствии со ст. 15 УПК РФ функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга.

2. Презумпция невиновности также закреплена в ст. 14 УПК РФ.

3. Закон настаивает на необходимости обеспечения самого широкого права подозреваемого, обвиняемого на защиту (ст. 16 УПК РФ). Как известно, адвокатом может стать только лицо, сдавшее квалификационный экзамен.

4. Системный анализ ст.ст. 17, 240, 276, 281 УПК РФ приводит к выводу о наличии в российском законодательстве правила об обязательном допросе свидетелей и потерпевших в судебном заседании с участием обвиняемых перед вынесением решения суда (судьи) по существу дела.

5. И, наконец, ст. 18 УПК РФ гарантирует каждому не владеющему русским языком или языком Республики в составе Российской Федерации, право воспользоваться помощью переводчика.

Отметим, что правовые механизмы обеспечения права на справедливое судебное разбирательство обвиняемых и подозреваемых в совершении преступлений задуманы и реализованы на законодательном уровне в нашей стране достаточно давно.

Так, УПК РСФСР 1960 года в момент своего принятия содержал соответствующие положения¹:

- статья 286 позволяла оглашать показания свидетеля только в случае его неявки в суд по исключительным причинам или ввиду наличия противоречий

¹ Демократические принципы уголовного, практически полностью повторяющие рассматриваемые положения ст. 6 Европейской конвенции были включены еще в 1958 году в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик.

между показаниями в суде и содержанием протокола допроса лица в качестве свидетеля;

- статья 47 по общему правилу допускала защитника к обвиняемому с момента предъявления всех материалов уголовного дела, а по ряду категорий уголовных дел (например, в отношении несовершеннолетних) – с момента предъявления обвинения;

- в статье 13 провозглашалось, что правосудие осуществляется только судом, при этом согласно ст. 16 судьи признавались независимыми и подчинялись только закону;

- статьей 17 гарантировалось право участвующим в деле лицам пользоваться в процессе судопроизводства родным языком.

Однако по-видимому некорректная практическая реализация достаточно широких возможностей для защиты прав личности, привлекаемой к уголовной ответственности, в 1991 году привела к принятию Концепция судебной реформы¹, которая полна обличительных высказываний относительно действовавшего в советский период развития страны процессуального законодательства и всей правоохранительной системы: «государство перестает быть инструментом насилия в руках тоталитарного режима»², «на арену общественной жизни выходит независимый, свободный от корыстных интересов, политических симпатий и идеологических предубеждений суд», «какое безжалостное и чуждое интересам людей правосудие получили мы в наследство от тоталитарного режима» и т.д.

Аналогичным образом достаточно широкие процессуальные полномочия для лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, прописывались УПК РСФСР 1923 года, действовавшем в период сталинских репрессий: рассмотрение уголовных дел только беспристрастным судом (ст. 30), допуск к подсудимому защитника, состоящего в коллегии (ст. 268_, пользование родным языком в ходе судопроизводства (ст. 22), допрос обвиняемым свидетелей обви-

¹ Постановление ВС РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // СПС Консультант Плюс.

² Имеется ввиду начало демократических преобразований в жизни государства.

нения (ст. 277). Более того, Конституция СССР 1936 года и Закон СССР от 16.08.1938 «О судеустройстве СССР, союзных и автономных республик»¹ провозглашали принципы гласности судопроизводства, независимости судей и подчинении их только закону, обеспечения обвиняемому права на защиту.

И хотя принцип состязательности не был закреплен в УПК РСФСР, одним из виднейших представителей науки уголовного процесса он успешно обоснован в докторской диссертации и одноименной монографии².

Надо сказать, что рассматриваемые гарантии сложились в России постепенно и во многом являлись не следствием простого заимствования западных образцов, а результатом кропотливой работы сотен специалистов в области права. Советские процессуальные законы многое восприняли из дореволюционного законодательства.

Со времен Русской Правды отечественному уголовному процессу было свойственно стремление к справедливости (по крайней мере в том виде как ее понимал обыватель того времени), что подтверждается долгим упоминанием в различных правовых памятниках, вплоть до Судебника 1497 года, поединка, как одного из способов разрешения спора. Ведь большинство рассматриваемых гарантий судопроизводства ориентированы на состязательный процесс (в противовес инквизиционному, розыскному судопроизводству, окончательно насажденным на русскую почву Петром I).

В свою очередь, создание независимого суда происходило постепенно по мере формирования для этого соответствующих социально-экономических условий. Уже при Петре I были сформированы относительно самостоятельные от администрации судебные органы. В последующем в том же направлении развивалось и законодательство при Екатерине II.

Несомненно, апогеем реализации буржуазных ценностей независимого и беспристрастного суда в Российской Империи стало принятие Устава уголов-

¹ СПС Консультант Плюс.

² Строгович М.С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. М.: Изд-во НКЮ СССР, 1939.

ного судопроизводства от 20.11.1864¹. Гарантии справедливости судебного разбирательства главным образом за счет введения в процесс сильной фигуры присяжного поверенного (защитника), а также распространения суда присяжных заседателей, где ценен не «административный ресурс», а красноречие, были реализованы в законодательстве и судебной практике. Однако последующая контрреформа 1870-х годов за счет введения чрезвычайных судов, наделения судебными полномочиями представителей административной власти снизила эффект от нововведений.

Также и массовые репрессии 1930-х годов стали возможны не благодаря применению такого в общем-то гуманного законодательства, а вопреки ему. Центральный исполнительный комитет СССР 01 декабря 1934 года принял Постановление «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик»², по которому по делам о террористических организациях и террористических актах надлежало следствие заканчивать в срок не более 10 дней, обвинительное заключение вручать обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дела в суде, дела слушать без участия сторон, кассационного обжалования приговоров, как и подачу ходатайств о помиловании, не допускать, приговор к высшей мере наказания приводить в исполнение немедленно по вынесении приговора. Для расширения репрессий впоследствии, как известно, стала распространена внесудебная расправа.

В этой связи задачей современного законодателя в целях учета ошибок прошлого является отказ от излишней дифференциации формы уголовного судопроизводства, исключения поддержки законодательных инициатив, направленных на создание чрезвычайных судов.

Сохранение и реальное обеспечение реализации права на справедливое судебное разбирательство уже сейчас возможно в полном объеме. Все необходимые юридические условия для этого созданы.

¹ СПС Гарант.

² СПС Консультант Плюс.

Изучение данных судебной статистики все же свидетельствует об имеющихся сейчас вопросах в целом к системе правосудия в связи с низким процентом оправдательных приговоров (по ряду преступлений он не превышает 1%¹). Однако данная проблема нивелируется частым использованием механизмов освобождения от уголовной ответственности судами. Например в 2014 году: при более чем 740 тысяч осужденных 23% (или 230 тысяч человек) освобождены от уголовной ответственности². Отметим лишь, что освобождение от уголовной ответственности, в том числе от наказания, возможно и по нереабилитирующим основаниям.

Вместе с тем, еще классик науки уголовного процесса М.С. Строгович высказывался за недопустимость обвинительного приговора как стопроцентного результата уголовно-процессуальной деятельности³.

Отсюда справедливость правосудия сводится не к буквальному соблюдению закона всеми должностными лицами - носителями функций обвинения и разрешения дела, а в способности государства создать условия для нормальной деятельности защитника в уголовном процессе, как изначально наиболее слабой фигуры среди профессиональных участников уголовного судопроизводства. Немаловажно также обеспечить права потерпевших, ведь глобальная задача уголовного процесса видится в обеспечении адекватной реакции общества на «осквернение» его наиболее значимых устоев.

Тем самым, критерием справедливого применения уголовного закона, его реализации в конкретных процессуальных формах является реальное обеспечение гарантированных российским законом прав стороны защиты, а также иных вовлеченных в уголовно-процессуальную деятельность лиц.

¹ Подробнее см.: Тимошенко А.А. Разумность как средство от формализма в науке и практике (уголовно-процессуальный аспект) // Российский журнал правовых исследований. 2014. № 4. С. 165.

² Варывдин М. Доступ к правосудию должен быть абсолютным, а порядок рассмотрения дел – простым и понятным (интервью с Председателем Верховного Суда Российской Федерации В. Лебедевым). // Коммерсантъ. 2015. 10 февр.

³ Строгович М. С. Социалистическая демократия, укрепление законности и борьба с преступностью // Вопросы философии. 1984. № 3. С. 17.

К вопросу о моменте окончания уголовно-наказуемой добычи водных биологических ресурсов (ст. 256 УК РФ)

*Тимошенко Юлия Александровна,
старший прокурор Главного уголовно-
судебного управления Генеральной
прокуратуры Российской Федерации,
канд. юрид. наук, доцент,
г. Москва*

Установление момента окончания совершения преступления¹ имеет принципиальное значение для квалификации действий виновных лиц. Однако в ряде случаев конструкция уголовно-правовой нормы, не позволяет однозначно ответить на вопрос о том, когда преступление может быть признано оконченным. В такой ситуации требуется системное толкование уголовно-правового предписания.

Уголовная ответственность за незаконную добычу (вылов) водных биологических ресурсов предусмотрена в ст. 256 УК РФ. При описании в диспозиции данной статьи общественно опасного деяния законодатель использовал отглагольное существительное «добыча». При этом, как справедливо отмечает Э.С. Тенчов, остается не ясным, идет ли речь о процессе или о его логическом результате².

В научной литературе высказывается мнение о том, что если существительное происходит от глагола совершенного вида, это означает доведение деяния субъекта до логического конца, включая и эвентуальное причинение вреда объекту. Если же существительное, дающее характеристику деянию виновного, имеет происхождение от глагола несовершенного вида, то подразумевается непосредственно процесс совершения этого деяния, не доведенный до логического результата, ради достижения которого как раз и совершалось деяние. Во-

¹ В данном случае имеется в виду юридический а на фактический момент окончания совершения преступления.

² Тенчов Э.С. Язык уголовного закона // Проблемы юридической техники: Сб. статей / Под ред. В.М. Баранова. - Нижний Новгород, 2000. С. 580.

прос о конечных границах деяния решается просто в случаях, когда состав преступления сконструирован по типу материального. Если состав является формальным, преступление считается оконченным с момента совершения деяний, независимо от наступления или ненаступления вредных последствий¹.

Так, Н.Л. Романова считает, что «добыча» в отличии, например, от «охоты», о которой идет речь в ст. 258 УК РФ, отличается тем, что подразумевает уже результат и является существительным, образованным от глагола совершенного вида. Тогда как существительное, образованное от глагола несовершенного вида, - «добывание» характеризует, по мнению ученого, процесс².

Не соглашаясь с указанными позициями, С.Е. Каленов обратился к словарю русского языка С.И. Ожегова, где первое значение слова «добыча» дается со ссылкой на глагол «добыть», имеющий несовершенный вид – «добывать»³. Таким образом, термин «добыча» может быть использован и как процесс (равнозначно добыванию), и как результат этого процесса, деятельности. Точный смысл в таком случае должен выясняться исходя из общего контекста. В связи с этим, по мнению С.Е. Каленова, «употребление термина «добыча» с иными существительными в родительном падеже абсолютно ясно свидетельствует о том, что речь идет о процессе добычи, но никак не о результате этой деятельности⁴.

Согласно п. 8 ст. 1 Федерального закона «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» от 20.12.2004 № 166-ФЗ добыча (вылов) водных биоресурсов представляет собой изъятие водных биоресурсов из среды их обитания.

С учетом этого, можно сделать вывод о том, что применительно к добыче речь должна идти о процессе осуществления деяния, имеющем: 1. протяжен-

¹ Воскресенский К.А. Юридическая техника: частные вопросы совершенствования уголовного закона : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2008. С. 75.

² Романова Н.Л. Понятие и система экологических преступлений: Дисс. ... канд.юрид.наук. М., 2001. С. 156. Аналогичного мнения придерживался и Ю.Демидов (Подробнее об этом см.: Демидов Ю. Понятие оконченного преступления // Советская юстиция. 1966. № 18. С. 21-23).

³ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1995. С. 145.

⁴ Каленов С.Е. Уголовно-правовая охрана водных биологических ресурсов (по материалам Дальневосточного федерального округа): дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2003. С. 106.

ность во времени; 2. незавершенный или завершенный характер; 3. а при завершении – как успешный, так и безуспешный, неудачный итог¹.

В ранее действовавшем постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 14 от 05.11.1998 «О практике применения судами законодательства об ответственности за экологические правонарушения» (п. 17)² было обращено внимание судов на то, что преступления, предусмотренные ст. 256 УК РФ, считаются оконченными «с момента начала добычи, выслеживания, преследования, ловли независимо от того, были ли фактически добыты водные животные и растения, рыба».

Такой подход в свое время был вполне справедливо воспринят судебной практикой.

Например, мировым судьей уголовное дело в отношении М. прекращено в связи с деятельным раскаянием. Органами дознания М. обвинялся в том, что он, реализуя свой преступный умысел, направленный на совершение незаконной добычи рыбы, не менее 10 раз устанавливал в воду р. Преголя, по которой пролегают миграционные пути весенне-нерестующих видов рыб, запрещенное орудие лова — подъемную сеть «паук» размером сетного полотна 1,3 x 1,3 м, шагом ячеи 20 мм и извлекал ее из воды с целью проверки улова. В процессе незаконной добычи М. рыбы выловлено не было. Органами дознания действия М. квалифицированы по пп. «б», «в» ч. 1 ст. 256 УК РФ как незаконная добыча водных биологических ресурсов с применением иных способов массового истребления, совершенная на миграционных путях к местам нереста.³

По другому делу Ковровским городским судом Владимирской области С.Н.А, С.С.Н. и Г.С.В. признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 256 УК РФ, т.е. незаконной добыче (вылове) водных биологических ресурсов, совершенной на особо охраняемой природной территории, группой лиц по предварительному сговору.

¹ Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб., 2005. С. 74.

² Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1999. № 1.

³ Архив 1-го судебного участка Гвардейского района Калининградской области за 2009 год.

С.С.Н., С.Н.А. и Г.С.В., действуя согласно предварительной договоренности, приехали на озеро Смехоровское, находящееся в государственном природном заказнике федерального значения «Клязьменский», взяв с собой резиновую лодку, сети-жабровки в количестве 3 штук, длиной 30 метров каждая, размер ячеи первой 30х30 мм, второй 35х35 мм, третьей 40х40 мм, предназначенные для лова рыбы. В продолжение своих преступных намерений С.Н.А. удерживал сеть на берегу за один конец и расправлял ее, а находившиеся в лодке С.С.Н., держащий в руках второй конец сети, и Г.С.В., управлявший лодкой, отплыли от берега, тем самым устанавливая сеть в воду. Всего таким способом было установлено три сети-жабровки, после чего С.С.Н. и Г.С.В. подплыли к находившемуся на берегу С.Н.А., где были задержаны сотрудниками правоохранительных органов¹.

Однако приведенное выше положение, содержащееся в п. 17, с принятием постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» утратило силу.

При этом в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.11.2010 № 26 «О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (часть 2 статьи 253, статьи 256, 258.1 УК РФ)» указано, что если действия лица, непосредственно направленные на незаконную добычу водных биологических ресурсов (например, начало установки орудий лова, непосредственная подготовка к применению для вылова рыбы и других водных биологических ресурсов взрывчатых или химических веществ, электротока), были пресечены в установленном законом порядке, содеянное им надлежит квалифицировать по ч. 3 ст. 30 УК РФ и соответствующей части ст. 256 УК РФ.

Может ли это означать, что подход к пониманию «незаконной добычи водных биоресурсов» у Верховного Суда Российской Федерации изменился? Представляется, что нет. Положение о том, что преступление считается окон-

¹ Архив Ковровского городского суда Владимирской области за 2010 год.

ченными с момента начала добычи (лова) независимо от того, были ли фактически добыты водные биологические ресурсы актуально и сейчас. Все зависит от правильного установления стадии совершения преступления. Для этого необходимо определить момент начала выполнения объективной стороны, который в каждом конкретном случае будет зависеть, в частности, от способа незаконной добычи водных биоресурсов.

Как справедливо указано в пункте 10 постановления, сама по себе подготовка сети, приискание орудий совершения лова – это приготовление к совершению преступления. Данная стадия реализации преступного умысла будет существенно отличаться от той, в ходе которой, например, сеть или иные орудия лова лица начинают устанавливаться в воду. В этом случае они приступили к выполнению объективной стороны состава преступления¹, однако преступление еще не завершено, в связи с чем может иметь место покушение на совершение незаконной добычи водных биологических ресурсов.

Спасским районным судом Нижегородской области Ш. и К. признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 256 УК РФ.

Как установлено судом, Ш. и К., действуя совместно и согласованно, по предварительному сговору между собой, с целью реализации преступного умысла на незаконную добычу рыбы путем ее массового истребления, взяв рыболовную сеть, и отплыв на расстояние 10 метров от берега на резиновой лодке, незаконно Ш. стал опускать в воду озера рыболовную сеть длиной 30 метров, высотой 1,5 метра, с ячеей сетного полотна 30x30 мм.

В ходе установки рыболовной сети Ш. и К. были обнаружены и задержаны сотрудниками правоохранительных органов. Свой преступный умысел Ш. и К. не довели до конца по независящим от них обстоятельствам.

Судом действия Ш. и К. квалифицированы как покушение на незаконную добычу (вылов) водных биологических ресурсов, совершенную с применением

¹ Речь в данном случае идет именно о формальных составах, закрепленных в ст. 256 УК РФ.

способов массового истребления, в местах нереста и на миграционных путях к ним, группой лиц по предварительному сговору¹.

По другому делу Черныярским районным судом Астраханской области Н. и Ш. осуждены по ч. 3 ст. 30 ч. 3 ст. 256 УК РФ за совершение преступления при следующих обстоятельствах.

Н. по предварительному сговору с Ш. с целью незаконной добычи рыбы, находясь на участке реки Волга, являющемся местом нереста и миграционным путем к местам нереста, с применением самоходного транспортного плавающего средства резиновой лодки под руль мотором начали устанавливать в воду рыболовную сеть, относящуюся к незаконному способу массового истребления водных животных, являющуюся запрещенным орудием лова, однако преступление не было доведено до конца по независящим от них обстоятельствам, ввиду задержания их сотрудниками полиции.

Судом действия Н. и Ш. квалифицированы по ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 256 УК РФ, как покушение на незаконную добычу (вылов) водных биологических ресурсов, совершенная с применением самоходного транспортного плавающего средства и способов массового истребления, в местах нереста и на миграционных путях к ним, группой лиц по предварительному сговору².

При квалификации действий виновных лиц, совершивших покушение на незаконную добычу водных биологических ресурсов, необходимо учитывать, что составы преступлений, предусмотренных пп. «б-г» ч. 1 ст. 258 УК РФ, относятся к формальным, поэтому преступления признаются оконченными вне зависимости от наступления общественно опасных последствий, в частности, в виде причинного ущерба.

В связи с этим, вряд ли, на наш взгляд, можно согласиться с решением, принятым по следующему уголовному делу.

¹ Архив Спасского районного суда Нижегородской области за 2015 год.

² Архив Черныярского районного суда Астраханской области за 2012 год.

Кандалакшским районным судом Мурманской области А. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 256 УК РФ.

Реализуя преступный умысел, направленный на незаконный вылов рыбы, А. совместно с лицом, уголовное дело в отношении которого прекращено на основании ст.28 УПК РФ, находясь на берегу реки, не имея разрешения на добычу (вылов) водных биоресурсов, используя запрещенное орудие лова, заведомо зная о том, что данная река является миграционным путём к местам нереста и местом нереста ценных лососевых пород рыб: горбуша, кумжа и сёмга, в связи с чем, сетной лов на данном водоёме запрещён, путем установки ставной рыболовной сети намеревался добыть ценные породы рыб. А. запрещенным орудием лова полностью перегородил русло реки, создав тем самым условия, которые могли повлечь массовую гибель водных биологических ресурсов.

Суд указал, что А., действуя в составе группы лиц по предварительному сговору с лицом, уголовное дело в отношении которого прекращено, используя способ массового истребления водных животных - ставную рыболовную сеть, осуществил попытку лова ценных пород рыб, но довести свой умысел, направленный на незаконный вылов массового количества водных биоресурсов, до конца не смог, по независящим от него обстоятельствам, так как был задержан сотрудниками правоохранительных органов. В связи с этим, было принято решение квалифицировать действия А. по ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 256 УК РФ, как покушение на незаконную добычу (вылов) водных биологических ресурсов, с применением способа массового истребления водных животных, в местах нереста или на миграционных путях к ним, совершенную группой лиц по предварительному сговору¹.

Между тем, как следует из описания обстоятельств совершенного преступления, на момент задержания, А. и лицом, уголовное дело в отношении которого прекращено, сети уже были установлены в водоем, таким образом, они уже приступили к незаконной добыче рыбы. При таких обстоятельствах в их действиях,

¹ Архив Кандалакшского районного суда Мурманской области за 2015 год.

на наш взгляд, усматриваются признаки оконченного преступления, а не покушения на его совершение.

Таким образом, преступление, предусмотренное ст. 256 УК РФ, может быть признано оконченным с момента начала расстановки орудий лова. При этом в каждом конкретном случае подлежат учету как способ незаконной добычи водных биоресурсов, так и иные обстоятельства содеянного, позволяющие сделать вывод о том, что лицо приступило к выполнению объективной стороны состава преступления.

О некоторых проблемах соотношения административной и уголовной ответственности по делам об автотранспортных преступлениях

*Уланова Юлия Юрьевна,
судья Судебной коллегии по уголовным
делам Псковского областного суда,
канд. юрид. наук, г. Псков*

Как разъяснено в пункте 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 N 25 "О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения", уголовная ответственность за преступление, предусмотренное статьей 264 УК РФ, может иметь место лишь при условии наступления последствий, указанных в этой статье, и если эти последствия находятся в причинной связи с допущенными лицом нарушениями правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств.

Уголовная ответственность наступает только в том случае, если лицо нарушило Правила дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, что повлекло ДТП с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего и (или) смерть одного либо двух лиц и более.

Отсутствие последствий, предусмотренных ст. 264 УК РФ, если было допущено нарушение Правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, в некоторых, прямо предусмотренных в законе случаях влечет административную ответственность.

Как показало изучение уголовных дел, рассмотренных судами Псковской области, в ряде случаев осужденным по ст. 264 УК РФ вменялись нарушения нескольких пунктов Правил дорожного движения, за нарушение которых предусмотрена также и административная ответственность.

Например, в отношении С., признанного виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 264 УК РФ, суд, излагая обстоятельства совер-

шенного им преступления, установил следующие нарушения им Правил дорожного движения.

С., являясь водителем, в нарушение требований пунктов 1.3, 1.5, 2.1.1, 2.7 Правил дорожного движения, будучи обязанным знать и соблюдать относящиеся к нему требования Правил, а также действовать таким образом, чтобы не создавать опасности для движения и не причинить вреда, не имея водительского удостоверения на право управления транспортными средствами, находясь в состоянии алкогольного опьянения, управлял принадлежащим ему технически исправным автомобилем «VOLKSWAGEN PASSAT», двигаясь по проезжей части Рижского проспекта города Пскова со стороны д. Уграда Псковского района в направлении ул. Рокоссовского г. Пскова. В салоне автомобиля находился пассажир Н.

Приближаясь к дому 79 по Рижскому проспекту, С. отвлекся от управления транспортным средством, переключая радиоприемник, потерял из видимости проезжую часть дороги, в нарушение пунктов 9.1, 9.10, 10.1 ПДД РФ, вел автомобиль со скоростью, не обеспечивающий возможность постоянного контроля за дорогой, несвоевременно обнаружил остановившийся на его полосе автомобиль «Опель», перестроился в правую полосу, не обеспечив безопасный боковой интервал, допустил занос, потеряв управление, пересек сплошную линию разметки, в нарушение п. 1.4 ПДД РФ выехал на полосу встречного движения, где совершил столкновение с движущимся во встречном направлении автомобилем «АУДИ А6» под управлением водителя М.

В результате ДТП пассажиру автомобиля «VOLKSWAGEN PASSAT» – Н. был причинен тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни¹.

Таким образом, среди нарушений Правил дорожного движения, которые суд посчитал состоящими в причинной связи с наступившими последствиями, С. было вменено и управление транспортного средства без водительского удостоверения, административная ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 12.7 КоАП.

¹ Приговор Псковского городского суда от 19 февраля 2015 года, уголовное дело № 1-97/2015; рассмотрено в особом порядке, в апелляционном порядке не обжаловано.

В целом проблем отграничения административной ответственности от уголовной не возникает, поскольку в этой части законодатель недвусмысленно разграничил эти виды ответственности в зависимости от наступивших последствий, в отличие от некоторых иных преступлений¹.

Однако для судебной практики рассмотрения дел о преступлениях, предусмотренных ст. 264 УК РФ, имеет значение ситуации, когда лицо по одному и тому же ДТП одновременно привлекалось и к административной, и к уголовной ответственности.

Такие ситуации могут иметь место, когда:

а) нарушение отдельных пунктов Правил дорожного движения не находится в причинной связи с последствиями, предусмотренными ст. 264 УК РФ.

Например, по уголовному делу в отношении Ш., осужденного по ч. 4 ст. 264 УК РФ, было установлено, что он, управляя принадлежащим ему автомобилем ВАЗ -2106, совершил наезд на пешехода, стоявшего на краю проезжей части по ходу его движения, причинив повреждения, повлекшие смерть потерпевшего.

Как установил суд, Ш. нарушил пункты 2.1.1, 2.7 и 10.1 Правил дорожного движения, то есть управлял автомобилем: не имея водительского удостоверения, находясь в состоянии алкогольного опьянения; при возникновении опасности для движения, которую был в состоянии обнаружить, не принял возможные меры к снижению скорости вплоть до остановки транспортного средства.

Кроме того, как следует из материалов уголовного дела, по этому же факту ДТП Ш. сразу был привлечен и к административной ответственности по ст. 12.27 ч. 2 КоАП РФ за оставление места дорожно – транспортного происшествия и по ст. 12.37 ч. 2 КоАП РФ (неисполнение владельцем транспортного средства установленной федеральным законом обязанности по страхованию своей гражданской ответственности, а равно управление транспортным средством, если такое обязательное страхование заведомо отсутствует)².

¹ Например, в научной литературе отмечается идентичность норм и отсутствие критериев разграничения ст. 327 УК РФ и ст. 19.23 КоАП РФ. Незнамова З.А. Судебное толкование как способ преодоления коллизий уголовно-правовых норм //Российский юридический журнал, 2012, N 5.

² Приговор Бежаницкого районного суда от 30 сентября 2015 года; уголовное дело № 1- 31/2015; рассмотрено в особом порядке.

Таким образом, выявленные в ходе проверки по факту дорожно – транспортного происшествия разные нарушения пунктов правил дорожного движения не все состояли в причинной связи с наступившими последствиями.

Также, например, возможно привлечение лица по ст. 12.27 ч. 3 КоАП и по ч.ч. 2, 4 или ч. 6 ст. 264 УК РФ, если по делу будет установлено, что водитель, совершивший ДТП, употреблял алкогольные напитки как до, так и после дорожно – транспортного происшествия.

Следовательно, совокупность административной и уголовной ответственности по факту ДТП возможна, если нарушения правил дорожного движения составляют разные действия по объективной стороне, не состоящие в прямой причинной связи с дорожно – транспортным происшествием.

б) в тех случаях, когда лицо одновременно привлекается к административной и уголовной ответственности за одни и те же действия, состоящие в причинной связи с наступившими последствиями, указанными в статье 264 УК РФ, производство по делу об административном правонарушении подлежит прекращению на основании п. 7 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ.

Прямо об этом разъяснено в обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2013 года¹.

На вопрос о том, подлежит ли прекращению на основании п. 7 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ производство по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч.ч. 1, 3 и 4 ст. 12.8 КоАП РФ, возбужденному в отношении водителя, управлявшего транспортным средством в состоянии опьянения при наличии постановления о возбуждении уголовного дела в отношении того же лица по признакам преступлений, предусмотренных ч.ч. 2, 4, 6 ст. 264 УК РФ, Верховный Суд Российской Федерации разъяснил следующее.

В соответствии со ст. 4 Протокола N 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод никакое лицо не должно быть повторно судимо или наказано в

¹ Утвержден постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации 3 июля 2013 года// Бюллетень Верховного Суда РФ, N 10, октябрь, 2013.

уголовном порядке в рамках юрисдикции одного и того же государства за преступление, за которое это лицо уже было окончательно оправдано или осуждено в соответствии с законом и уголовно-процессуальными нормами этого государства.

Как следует из позиции Европейского Суда по правам человека, выраженной в постановлении по делу "Сергей Золотухин против Российской Федерации" (Страсбург, 10 февраля 2009 года), положения данной статьи подлежат применению как в уголовном производстве, так и в производстве по делам об административных правонарушениях; ст. 4 Протокола N 7 к Конвенции должна толковаться как запрещающая преследование или предание суду за второе преступление (правонарушение), **"если они вытекают из идентичных фактов или фактов, которые в значительной степени являются теми же"**.

С указанными выше положениями корреспондирует п. 7 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ, в соответствии с которым производство по делу об административном правонарушении не может быть начато, а начатое производство подлежит прекращению при наличии по тому же факту постановления о возбуждении уголовного дела. Поэтому привлечение такого лица одновременно к административной ответственности по ч.ч. 1, 3, 4 ст. 12.8 КоАП РФ и к уголовной ответственности по ч.ч. 2, 4, 6 ст. 264 УК РФ недопустимо.

В таких случаях производство по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч.ч. 1, 3, 4 ст. 12.8 КоАП РФ, подлежит прекращению на основании п. 7 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ.

Указанным разъяснениям не противоречит содержание пункта 12.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 N 25 "О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения", введенного в действие 23 декабря 2010 года.

Как указано в этом пункте, при постановлении обвинительного приговора по части 2, 4 или части 6 статьи 264 УК РФ, назначение виновному дополнительного наказания в виде лишения права управлять транспортным средством является обязательным. Если в ходе судебного разбирательства будет установлено, что подсу-

димый в связи с этим дорожно-транспортным происшествием был лишен права управления транспортным средством в порядке статьи 12.8 КоАП РФ за сам факт управления транспортным средством в состоянии опьянения, то отбытый им срок лишения права управления транспортным средством засчитывается в срок назначенного по уголовному делу дополнительного наказания в виде лишения права управлять транспортным средством с приведением оснований принятого решения.

Данное разъяснение, как представляется, сохраняет свое значение и имеет в виду, что если виновному по ст. 12.8 КоАП РФ уже назначалось наказание в виде лишения права управлять транспортным средством, которое было обращено к исполнению, то в дальнейшем при отмене постановления о привлечении к административной ответственности с привлечением к уголовной ответственности по ч.ч. 2, 4 и 6 ст. 264 УК РФ и осуждением лица за это преступление, административное наказание должно быть зачтено.

Следует отметить нестабильную позицию Верховного Суда РФ по этому вопросу. Так, ранее в одном из обзоров указывалось, что прекращение производства по делу об административном правонарушении в связи с тем, что в действиях лица имеются признаки преступления по тому же деянию ухудшает положение лица, которое было привлечено к административной ответственности, а потому является недопустимым¹.

В другом обзоре судебной практики разъяснялось, что в силу п. 7 ст. 24.5 КоАП РФ начатое производство по делу об административном правонарушении подлежит прекращению при наличии постановления о возбуждении уголовного дела по основаниям, по которым лицо привлечено к административной ответственности².

¹ Ответы на вопросы о практике применения судами Кодекса РФ об административных правонарушениях, жилищного и земельного законодательства, иных Федеральных законов. Утверждены Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 23 ноября 2005 года // Бюллетень ВС РФ, N 3, 2006.

² Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за второй квартал 2004 года// Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. N 1. С. 22.

В настоящее время такую практику следует признать устоявшейся.

Такой подход основан на положениях ч. 1 ст. 50 Конституции РФ, согласно которым никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление ("non bis in idem - не дважды за одно и то же").

Из указанного решения Европейского суда по правам человека следует, что по факту одного и того же неправомерного деяния может быть возбуждено только одно процессуальное (процедурное) производство¹.

При этом условием прекращения производства по делу об административном правонарушении на основании п. 7 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ являются совпадающие с обвинением по статье 264 УК РФ фактические обстоятельства противоправного деяния. Иначе говоря, правоприменитель до принятия решения о прекращении административного производства обязан установить совпадающие объективные признаки административного правонарушения и преступления. Представляется, что принятие такого решения должно иметь место в ходе расследования, в любом случае – до постановления судом приговора.

Подобные решения уже принимаются в порядке, предусмотренном главой 30 КоАП РФ судами иных регионов (на уровне председателей и заместителей областных и приравненных к ним судов²), либо на их решения – Верховным Судом Российской Федерации³ а также имеются в практике Псковского областного суда.⁴

¹ Постановление Европейского суда по правам человека от 10 февраля 2009 г. "Дело "Сергей Золотухин (Sergey Zolotukhin) против Российской Федерации" // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2010. N 1. С. 49 - 69.

² Например, постановление заместителя председателя Санкт-Петербургского городского суда от 1 февраля 2016 года N 4а-64/2016 в отношении Р.А.П., привлеченного к административной ответственности по ст. 12.8 КоАП РФ, на следующий день в отношении Р.А.П. возбуждено уголовное дело по ч. 4 ст. 264 УК РФ по тем же событиям ДТП; дело № 5-350/2015-15// СПС Консультант Плюс.

³ Постановление судьи Верховного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2013 г. N 15-АД13-3 по делу Караченкова В.В., привлеченного по ч. 2 ст. 12.24 КоАП РФ и ч. 3 ст. 264 УК РФ// СПС Консультант Плюс.

⁴ Например, постановление и.о. председателя Псковского областного суда от 30 октября 2014 года в отношении Ж., привлеченного по ст. 19.3 ч. 1 КоАП РФ (неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудника полиции) и по ст. 318 ч. 1 УК РФ (угроза применения насилия в отношении представителя власти). Дело № 7-109/2014 год. Несмотря на то, что такие решения принимались по делам иной категории, изложенный принцип ответственности носит универсальный характер.

Эволюция норм об уголовной ответственности за кражу

*Фомин Виталий Леонидович,
прокурор Верховажского района
Вологодской области,
старший советник юстиции,
пос. Верховажье*

Самым распространенным корыстным преступлением является кража. Законодатель определил понятие данного уголовно-наказуемого деяния как тайное хищение чужого имущества.

За почти двадцатилетнюю правоприменительную практику применения статьи 158 УК РФ диспозиция части первой, в отличие от квалифицирующих признаков, не претерпела изменения. Остановимся подробно на анализируемом составе преступления.

Что же понимает законодатель под хищением? Известно, что под хищением понимаются совершенные с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества.

В законе (примечание к ст.158 УК РФ), теории и правоприменительной практике выделяются следующие признаки хищения:

1) изъятие и (или) обращение в пользу виновного или других лиц – предполагает извлечение чужого имущества из владения собственника или иного владельца и перевод данного имущества в обладание виновного лица;

2) противоправность изъятия и (или) обращения чужого имущества в пользу виновного или других лиц при хищении: заключается в совершении этих действий, во-первых, в нарушение действующего законодательства, предусматривающего порядок распределения материальных благ в государстве, и, во-вторых, в предусмотренных законом формах (кража, мошенничество, присвоение, растрата, грабеж и разбой);

3) безвозмездность характеризует хищение как изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц без возмещения его экви-

валента и при отсутствии у лица намерения осуществить такое возмещение в будущем. Сам факт, что изъятие происходит безвозмездно, говорит о том, что собственнику или иному лицу (например, пользователю имущества) наносится имущественный ущерб. В уголовно-правовой науке господствующей можно назвать точку зрения, согласно которой при хищении ущербом является «стоимость изъятого преступником имущества», т.е. реальный ущерб, упущенная выгода не учитывается;

4) наличие прямого умысла, направленного на преступное завладение чужим имуществом с целью обращения его в свою пользу или передачу с корыстной целью другим лицам. Виновный всегда осознает не только общественную опасность своих действий, но и то, что имущество чужое. Он предвидит обязательное наступление материального ущерба для собственника или иного владельца имущества и желает этого.

Предмет хищения – чужое имущество, которое может быть недвижимым и движимым. Под имуществом понимаются вещи, в создание которых вложен общественно полезный труд человека, обособляющий их от природного состояния.

При этом у многих правоприменителей возникают вопросы. Так, например, подлежит ли уголовной ответственности за кражу лицо, осуществившее незаконную рубку лесных насаждений, либо он должен привлекаться к уголовной ответственности только за экологическое преступление, предусмотренное ст. 260 УК РФ?

До настоящего времени дискуссии по этому вопросу продолжают оставаться актуальными. В подавляющем большинстве случаев лицо, осуществляющее незаконную рубку деревьев в лесу, преследует корыстную цель незаконного обогащения от реализации древесины. И получает соответствующее обогащение. При этом избегает уголовной ответственности за совершенное преступление против собственности.

Между тем, согласно ч.2 ст. 214 Гражданского кодекса РФ, а так же ст. 5 Лесного кодекса РФ лес (древесина), поскольку может находиться в собственно-

сти, является имуществом и, следовательно – самостоятельным предметом преступления.

Представляется, что совершая незаконную рубку деревьев с корыстной целью, лицо совершает два преступления – за одно из которых предусмотрена уголовная ответственность по ст. 260 УК РФ (окончено в момент отделения дерева от корня, повреждения его до степени прекращения роста), а за второе – по ст. 158 УК РФ (обращение в собственность незаконно заготовленной древесины). В данном случае содеянное следовало бы рассматривать как совокупность преступлений, предусмотренную ст. 17 Уголовного кодекса РФ.

Вместе с тем, до настоящего времени, практика привлечения виновных лиц за совокупность указанных преступлений отсутствует, а полемика продолжается.

Рассмотрим, что является объектом кражи. Объект преступления — это совокупность общественных отношений, прав и свобод, благ, интересов, охраняемых нормами уголовного закона. В ст. 158 УК объектом преступления выступают отношения собственности.

Предмет преступления не всегда видоизменяется (уничтожается, изменяет свои свойства и т.п.), порою он сохраняется. Объект всегда терпит определенный ущерб или имеет место реальная угроза причинения вреда объекту.

Уголовный кодекс, вступивший в действие с 1 января 1997 г., предусматривал (п. «б» ч.2 ст. 158 УК РФ) более строгую, по сравнению с частью первой данной статьи ответственность за кражу чужого имущества, совершенную неоднократно. При этом в соответствии с п.3 Примечания к ст. 158 УК РФ, неоднократно признавалось совершение преступления, если ему предшествовало совершение одного или более преступлений, предусмотренных ст. 158-166 УК РФ, а также статьями 209, 221, 226 и 229 настоящего кодекса.

Максимальное наказание в данном случае предусматривалось до 6 лет лишения свободы со штрафом. Согласно статье 15 УК РФ, данное преступление относилось к категории тяжких. При этом не имело значения – два преступления указанной категории совершил виновный, либо их число перевалило за десяток. Ответственность наступала в пределах указанной санкции. Дополнительной ква-

лификации по ст. 158 УК РФ в случаях совершения ряда краж чужого имущества лишь по данному квалифицирующему признаку не требовалось.

Как показала правоприменительная практика, виновный, совершивший два, казалось бы, чрезвычайно схожих между собой преступления - неквалифицированных кражи, являющихся преступлениями небольшой тяжести, привлекался к гораздо более строгой ответственности за совершение тяжкого преступления, чем лицо, совершившее аналогичные деяния после внесения изменений в данную статью УК РФ, исключившую понятие неоднократности.

В то же время представляется, что внесение указанного изменения в Уголовный кодекс РФ и исключение квалифицирующего признака «неоднократности» способствовало реализации принципов индивидуализации и дифференциации наказания за совершенные преступления.

Но не только неоднократность являлась основанием наступления более строгой ответственности. Принимая новый Уголовный кодекс РФ, законодатель хотя и ушел от понятия «рецидивист», но во многом фактически предусмотрел более строгую ответственность за совершение кражи лицом, ранее судимым за совершение хищений. Так, например, п. «в» ч.3 ст. 158 Уголовного кодекса РФ (в первой редакции от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ) предусматривал в качестве квалифицирующего признака кражи ее совершение лицом, ранее два или более раз судимым за хищение либо вымогательство.

Санкция ч.3 ст. 158 Уголовного кодекса РФ в указанной редакции предусматривала наказание в виде лишения свободы на срок от пяти до десяти лет с конфискацией имущества или без таковой. При этом не учитывались погашенные и снятые судимости, судимости за преступления, совершенные в несовершеннолетнем возрасте, а так же судимости за преступления, совершенные до вынесения приговора по другому уголовному делу.

На практике применение указанного квалифицирующего признака влекло назначение виновным более строгого наказания. Так, например, гражданин Л., ранее дважды судимый за совершение краж, тайно совершил хищение двух за-

навесок из зала столовой, в связи с чем был осужден к наказанию в виде 5 лет лишения свободы. Подобные случаи, увы, не являлись единичными.

Исключение данного квалифицирующего признака, безусловно, так же способствовало реализации принципа справедливости наказания, его соразмерности по отношению к содеянному.

Немаловажные изменения внес законодатель и при редактировании п. «в» ч.2 ст. 158 Уголовного кодекса РФ (в первой редакции от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ). Так, данный квалифицирующий признак предусматривал наступление одинаковой уголовной ответственности в отношении лиц, совершивших кражи из жилища, помещения либо иного хранилища.

Фактически защита жилища, его неприкосновенность, гарантированные Конституцией РФ, приравнивались к общему понятию защиты права собственности. Не учитывалась большая общественная опасность совершения преступных посягательств при проникновении в жилище граждан.

Безусловно, преступник, планирующий совершение квартирной либо домово-кражи, подбирающий способ проникновения, изучающий образ жизни хозяев, их привычки, укрепленность строения, наличие запорных устройств и способов их преодоления, наличия материальных ценностей и способах их завладения и реализации опасен для общества. Он подлежит более строгому наказанию в сравнении с лицом, совершающим кражу из объекта, не приспособленного для проживания людей, порой, не имеющего значительной укрепленности и охраны.

Принятие изменений законодательства, смягчение наказания в отношении лиц, совершивших хищения из помещений и хранилищ, перевод данных преступлений в категорию средней тяжести и неизменное отнесение хищения из жилища к категории тяжких преступлений, представляется более верным, доказанным правоприменительной практикой.

Примечательным и неизменным для совершения кражи остается квалифицирующий признак причинения значительного ущерба гражданину.

Уголовный кодекс РФ (в первой редакции от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ) не давал конкретного ответа, что следует понимать под значительностью ущерба. Примечания к ст. 158 УК РФ по данному вопросу так же отсутствовали.

Лишь правоприменительная практика, прежний опыт, основанные на них разъяснения Пленума Верховного Суда РФ способствовали в дальнейшем разработке и принятию п.2 Примечаний к ст. 158 УК РФ, согласно которому значительный ущерб гражданину определяется с учетом его имущественного положения, но не может составлять менее двух тысяч пятисот рублей.

Немаловажным является и принятие квалифицирующего признака совершения кражи «из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем», который отсутствовал в первой редакции Уголовного кодекса РФ.

Его выделение, предусматривающее более строгое наказание по отношению к ч.1 ст. 158 УК РФ обусловлено так же правоприменительной практикой. Фактически законодатель предусмотрел более строгую ответственность для определенных «профессий» воровского мира, общее количество которых составляет свыше двух десятков: «щипачей», «кротов», «майданщиков», «ширмачей» и других. Данные лица, сделавшие совершение краж своего рода «профессией», представляют повышенную общественную опасность, а их выявление и привлечение к уголовной ответственности – значительную сложность для сотрудников правоохранительных органов.

Таким образом, эволюция ст. 158 УК РФ идёт по пути дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности за кражи, основана не только на теоретических позициях, но и на правоприменительной практике.

Конфискация в уголовном праве

*Цепляева Галина Ивановна,
заведующий кафедрой уголовного права
и процесса юридического факультета
Петрозаводского государственного
университета, канд. юрид. наук, доцент,
г. Петрозаводск*

Исключение из Уголовного кодекса Российской Федерации в 2003 году конфискации имущества породило множество проблем научного и практического характера. Одной из проблем явилось то, что конфискация осталась предусмотренной в ряде законов, исполнять которые оказалась невозможным из-за отсутствия правового регулирования конфискационного механизма. Одним из основополагающих законов на момент отмены конфискации оставался Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»¹. В Законе изложены нормы о взаимодействии и сотрудничестве с иностранными государствами в плане обмена информацией и оказании правовой помощи по выявлению, изъятию и конфискации доходов, полученных преступным путем. Закреплено положение о том, что в Российской Федерации в соответствии с международными договорами Российской Федерации и федеральными законами исполняются вынесенные судами иностранных государств приговоры (решения) о конфискации находящихся на территории Российской Федерации доходов, полученных преступным путем, или эквивалентного имущества; конфискованные доходы, полученные преступным путем, или эквивалентное им имущество могут быть переданы полностью или частично иностранному государству, судом которого вынесено решение о конфискации. Отдельными положениями предписывалось приведение нормативных правовых актов в соответствие с Законом. На этом следует остановиться подробнее.

¹ Российская газета, № 138-139, 30.07.2002; (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.03.2016) //Электронный ресурс: система Консультант-Плюс, дата обращения 06.05.2016.

Парадоксально, но факт, что через два года после принятия Закона о противодействии легализации, основным механизмом которого являлась конфискация, уголовное законодательство «рассталось» с конфискацией.

После отмены конфискации на страницах периодической печати и научных источников развернулось обсуждение проблемы возвращения конфискации имущества в уголовное законодательство. Можно утверждать, что восстановление конфискации в уголовном праве поддержали все ученые, занимающиеся данной проблемой, и только мнения о том, в каком виде и какими функциями наделить конфискацию, разделились. Возвращение конфискации состоялось в качестве иных мер уголовно-правового характера. Законодательное решение было встречено неоднозначно. И. Звечаровский высказал категоричное мнение о том, что несмотря на формальную «прописку» в уголовном законе, по нормативному описанию она выглядит как специальная конфискация, место которой в УПК¹. Н. А. Лопашенко столь же категорично заявила, что теперь вся конфискация уголовно-правовая². Последняя точка зрения постепенно закрепились в науке права. Мы склонны согласиться с таким подходом к проблеме. Полагаем, что конфискация имущества, место которой нашлось среди уголовно-правовых норм, должна быть определена как уголовно-правовая категория, но это не означает, что не имеется проблем «роста».

Одновременно в науке возник спор относительно вопроса о том, является ли конфискация имущества формой реализации уголовной ответственности? И здесь мнения ученых выглядят диаметрально противоположными. Так, Н. А. Лопашенко утверждает, что конфискация – это предусмотренное материальным законом негативное последствие для лица, совершившего преступление³. Полагаем, что эта формула верна лишь для случаев, предусмотренных пунктом «г» части первой статьи 104.1 УК РФ, а именно, для случаев конфискации орудий, оборудования или иных средств совершения преступления, принадлежащих обвиняемому. Во всех других пунктах той же части первой нет прямых указаний о

¹ И. Звечаровский. Понятие мер уголовно-правового характера // Законность, 2007. № 1. С. 19-21.

² Н. Лопашенко. Уголовно-правовая и уголовно-процессуальная конфискация (анализ соотношения на основе судебной практики) // Уголовное право, 2011. № 5. С. 124-125.

³ Там же. С. 125.

принадлежности обвиняемому имуществу, полученного в результате совершения преступления. Это не случайно, поскольку обвиняемому оно не может принадлежать по праву (основаниям получения), да и находиться такое имущество может где и у кого угодно (у других лиц, в банке, в ведении учреждения, организации, предприятия, общественной, религиозной организации и т. п.). Кроме того, конфискация имущества не является наказанием, следовательно, не содержит элементов кары, а только кара является негативным последствием для лица, совершившего преступление.

Сторонники теории, согласно которой иные меры уголовно-правового характера являются, наряду с наказанием, формой реализации уголовной ответственности, находят общие с наказанием признаки. Но главными являются отличия: сущность иных мер уголовно-правового характера связана не с карой, а с государственным принуждением в целях защиты общества и частного предупреждения; не предусмотрены в санкциях, а назначаются на основании норм Общей части; не влекут состояние судимости.

В свое время П. П. Осипов утверждал, что уголовная ответственность реализуется только в наказании, и ни в чем ином она реализована быть не может. П. С. Яни доказывает, что установление уголовно-правовых оснований применения норм о конфискации связано с дискуссией о том, являются ли иные меры уголовно-правового характера видом уголовной ответственности; конфискация действительно является реакцией государства на совершение преступления, носит принудительный характер, однако конфискацию как иную меру уголовно-правового характера нельзя признать видом уголовной ответственности, исходя опять же из определения этой ответственности, поскольку конфискация предусматривает изъятие у виновного имущества (и доходов от такого имущества), которыми он владеет не по праву¹.

Действительно, лицо подлежит уголовной ответственности при условии, если оно совершило деяние, предусмотренное уголовным законом. Уголовная ответственность реализуется в применении к виновному уголовно-правовых санкций,

¹ П. С. Яни. Конфискация имущества и уголовная ответственность // Уголовное право, 2006. № 6. С. 32.

то есть в наказании. Вопрос состоит в том, что иные меры уголовно-правового характера, по определению, не суть наказание. Принудительные меры медицинского характера, применяемые к лицу, совершившему деяние в состоянии невменяемости, к примеру, не являются наказанием, следовательно, не имеется оснований утверждать, что такие меры являются формой реализации уголовной ответственности. Они имеют самостоятельное значение и применяются вне связи с наказанием. Принудительные меры медицинского характера к другим лицам, нуждающимся в лечении, также нельзя назвать формой реализации уголовной ответственности. Такое же положение занимают меры конфискационного характера. Вопрос в том и состоит, что конфискация имущества, заняв место в главе об иных мерах уголовно-правового характера, создала непримиримое противоречие в деталях.

Вполне закономерным, на наш взгляд, представляется позиция, согласно которой конфискационные меры, указанные в части первой статьи 104.1 УК РФ, следует рассматривать как уголовно-правовое последствие совершенного лицом преступления (также как принудительная мера медицинского характера, которая является уголовно-правовым последствием совершенного лицом в состоянии невменяемости общественно опасного деяния), то есть конфискация, занимая соответствующее место, отведенное ей законодателем, принуждена быть иной формой реакции государства на преступление, отличной от наказания, поскольку она имеет иную функциональную нагрузку, которой наказание не обладает.

Если же мы будем рассматривать конфискацию как форму реализации уголовной ответственности, то конфискация есть не что иное, как дополнительная мера репрессивного характера, то есть фактически это есть дополнительное наказание. Но так быть не должно. Противоречие не устранено. Более того, оно неизмеримо глубже, чем это можно представить на первый взгляд.

Зададимся вопросом, который можно встретить в научных публикациях на данную тему: с какой целью применяется конфискация? И почему в уголовном законе применительно к конфискации не указаны цели? И еще: является ли конфискация мерой, ведь в каждой мере есть размер, величина меры. И соответ-

ственно этому меру можно увеличить, либо уменьшить. Можно ли конфисковать не все, а часть имущества, нажитого преступлением? Нельзя. Конфискации подлежит все преступно нажитое. В ином случае она являлась бы мерой относительной, сравнимой с общественной опасностью преступного деяния. Но общественная опасность преступлений, перечисленных в статье 104.1 УК РФ, разная. И этому признаку – общественной опасности - закон не следует. Об этом написано в исследованиях ученых. Тогда, может быть, конфискацию нельзя назвать мерой, хотя и имеющей уголовно-правовой характер? Можно ли измерить ее глубину, дать ей математический расчет, как в наказании? В наказании есть соразмерность деянию, а в конфискации можно ли определить соразмерность содеянному? Вот принудительные меры медицинского характера в виде принудительного лечения с помещением в психиатрический стационар зависят от общественной опасности деяния и тяжести заболевания. Меры являются избирательными: менее строгий или более строгий режим лечения и контроля. В конфискации такое измерение отсутствует.

Из этого следует, что помещение конфискации в главу об иных мерах уголовно-правового характера явилось ошибкой. Как было бы ошибочным по вышеприведенным соображениям возвращение конфискации в институт наказания. Раньше конфискация имущества была наказанием, поскольку можно было конфисковать либо полностью, либо частично имущество, лично принадлежащее осужденному. Статус современной конфискации иной. Конфискуемое имущество не является личной собственностью осужденного, поскольку приобретено оно иным, преступным путем.

В наследство от конфискации имущества как дополнительного наказания современной конфискации «достался» предмет: имущество. Между тем в нормах международного права не встречается такое словосочетание. Поскольку «конфискация имущества» ассоциируется с отнятием имущества у осужденного, имущества, ему принадлежащего по праву. Конфискация в нормах международного права рассматривается как процессуальное действие, прием, при помощи которого у лица, совершившего преступление, отнимается только вещи, ценно-

сти, доходы, полученные в результате совершения преступления. Поэтому следует признать, что по своей юридической природе конфискация является более сложной правовой категорией, является мерой уголовно-процессуального принуждения, основанной на требованиях материального права.

И последнее. В научных работах о конфискации нередко предлагается дополнить статью 104.1 УК РФ той или иной статьей Особенной части. С некоторыми предложениями согласился законодатель, поскольку перечень статей расширяется. Обоснование тех или иных включений не является темой настоящей работы и вышло бы за ее рамки. Перечень статей, перечисленных в пункте «а» части первой статьи 104 УК РФ, дающих основание для конфискации, в 2013 году был дополнен статьями 174 и 174.1 о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных в результате совершения преступления. Следует приветствовать такое решение. Для такой оценки имеется положительная судебная практика. В целом следует отметить, что конфискация, вне всяких сомнений, переживет еще немало «потрясений» правового характера, но важно одно: она способна выполнить важнейшую охранительную функцию государства.

Сущность и функции административной преюдиции

*Эргашева Зарина Эркиновна,
аспирант кафедры уголовного права,
криминологии и уголовно-исполнительного
права Санкт-Петербургского
юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации,
г. Санкт-Петербург*

В свете реализуемой уголовно-правовой российской политики большой интерес приобретают вопросы, связанные с расширением круга преступлений, сущность которых заключается в повторном совершении определенных административных правонарушений. Например, 31 декабря 2015 года законодатель криминализировал незаконное проникновение на охраняемый объект лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, что предусмотрено статьей 215.4 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Среди ученых нет единого мнения о сущности административной преюдиции, целесообразности и возможности применения данной юридической категории в действующем уголовном законодательстве.

К основным аргументам «против» чаще всего относят:

- несоответствие этой юридической категории положениям ч. 1 ст. 50 Конституции Российской Федерации, запрещающей дважды осуждать за одно и то же преступление¹;
- недопустимость признания опасных свойств личности основанием уголовной ответственности²;
- отсутствие у административного правонарушения материального признака преступления – общественной опасности³.

¹Чикин Д. С. Преступление с административной преюдицией как вид сложного единичного преступления // Российский криминологический взгляд. 2012. № 2. С. 403.

²Лопашенко Н. А. Административной преюдиции в уголовном праве — нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3. С. 69.

³Тарбагаев А. Н. Административная ответственность в уголовном праве // Правоведение. 1992. № 2. С. 63.

Действительно, ч. 1 ст. 50 Конституции Российской Федерации провозглашает: «Никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление». Однако при административной преюдиции за совершение первого правонарушения лицо привлекается не к уголовной, а к административной ответственности. Основанием же уголовной ответственности здесь является деяние со сложным составом, включающим два или более последовательно совершенных правонарушения. Оно представляет собой новое по своей правовой природе деяние, не совпадающее по степени общественной опасности с первым из них, за которое применялись меры административного воздействия.

В данном случае общественная опасность преступного поведения складывается не только из опасности самого деяния, но и опасности личности субъекта. Как справедливо указывал А.Н. Трайнин, субъект преступления – не придаток преступления, а одно из центральных понятий уголовного права¹.

При этом опасные свойства личности субъекта не являются основанием уголовной ответственности, а лишь свидетельствуют о необходимости применения к нему иных мер воздействия.

Так, когда принятые меры административного воздействия оказываются безрезультатными, на помощь должен прийти более суровый вид ответственности. Административная преюдиция призвана обеспечить справедливый переход от административных мер принуждения к уголовному наказанию. В этом видят положительную роль административной преюдиции, Н.И. Пикуров², В.И. Радченко³ и другие ученые.

Совершение административного правонарушения, входящего в объективную сторону преступления с административной преюдицией, приближает возможность применения уголовного наказания, и если этот факт осознает правонарушитель, можно смело утверждать, что административная преюдиция выполняет важную превентивную функцию.

¹Трайнин А.Н. Учение о составе преступления. М.: Юриздат, 1956. С. 95.

² Актуальные проблемы уголовного права: курс лекций / [П.В.Агапов и др.; под ред. О.С. Капинус; рук. ант. кол.

К.В.Ображиев]; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М. 2015. С. 13-23.

³ Радченко В.И. Хорошо сидим // Рос. газета. 2008. № 4741.

А. Г. Кибальник, подвергая критике возврат к административной преюдиции, скептически высказался о предупредительной роли административной преюдиции: «Лично мне стало интересно, стали ли меньше продавать несовершеннолетним спиртных напитков после введения в УК ст. 151.1? К сожалению, я, как ни старался, найти внятный ответ на этот вопрос не смог»¹.

Мы постарались найти ответ на вышеуказанный вопрос, обратившись к статистике органов внутренних дел. Согласно официальным данным, размещенным на сайте Министерства внутренних дел Российской Федерации, до введения и вступления в силу ст. 151.1 УК РФ количество несовершеннолетних, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения, достигало 908 человек². По состоянию на январь 2016 года их количество снизилось вдвое – 447 человек³. Полагаем, что представленные статистические данные, если не прямо, то косвенно свидетельствуют об эффективности установления уголовной ответственности за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции и внедрения административной преюдиции.

Еще одна функция административной преюдиции заключается в том, что она способствует обеспечению соответствия действующего уголовного законодательства таким принципам, как экономия уголовной репрессии, что позволяет сократить численность лиц, осужденных к лишению свободы.

Как отметила В. И. Колосова, введение административной диспозиции наряду с сужением сферы уголовной ответственности за отдельные правонарушения невысокой степени общественной опасности, ограничение уголовной репрессии только злостными случаями является важным направлением борьбы с преступностью⁴.

Так, административная преюдиция позволяет частично декриминализировать преступления, обладающие небольшой общественной опасностью. Ведь

¹Кибальник А.Г. Недопустимость административной преюдиции в уголовном законодательстве // Библиотека криминалиста. 2013. № 2. С. 124.

²Состояние преступности - январь 2008 год // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL : <https://mvd.ru/folder/101762/item/209663/> (дата обращения: 10.05.2016).

³Состояние преступности - январь 2016 год // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL : <https://media.mvd.ru/files/embed/755446/> (дата обращения: 10.05.2016).

⁴Колосова В.И. Административная преюдиция как средство предупреждения и совершенствования уголовного законодательства // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 5 (1). С. 252.

уголовно-правовой запрет представляет собой так называемый последний довод (*ultima ratio*) в инструментарии законодателя¹. Деяния, за совершение которых возможно применить административные взыскания, должны влечь за собой соответственно административную ответственность.

Кроме того, административную преюдицию возможно использовать в качестве инструмента криминализации тех деяний, установлению уголовной ответственности за совершение которых препятствовала высокая степень их распространенности.

Например, считалась трудно осуществимой идея ввести уголовную ответственность за управление транспортным средством в состоянии опьянения. Формула административной преюдиции позволила вывести из сферы действия уголовного закона основную массу нарушений определенного вида, оставив в секторе административно-правовой ответственности большую их часть².

Однако несмотря на позитивную роль и востребованность административной преюдиции в уголовном праве, имеющийся законодательный опыт заставляет критически оценить реализованные конструкции подобных норм.

В первую очередь, это касается количества административных правонарушений, лежащих в основе уголовной ответственности. Так, в примечании к ст. 151.1 УК РФ речь идет о наступлении уголовной ответственности за повторное совершение деяния, в примечаниях к ст.ст. 212.1 и 314.1 УК РФ – за совершение трехактного деяния. Преюдициальные сроки, в течение которого данные правонарушения сохраняют свою юридическую силу в качестве средства криминализации, также неодинаковы. В ст. 151.1 УК РФ указывается на срок в размере ста восьмидесяти дней с момента первичного привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние, а, например, в ст. 314.1 УК РФ – один год.

Помимо отсутствия единообразного подхода к пониманию конструктивных признаков составов преступлений с административной преюдицией, суще-

¹Елинский А. В. Конституционное измерение уголовного права // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 3. С. 163.

²Актуальные проблемы уголовного права: курс лекций / [П.В. Агапов и др.; под ред. О.С. Капинус; рук. авт. кол. К.В. Ображиев]; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М. 2015. С. 22.

ствует также иные негативные аспекты, связанные с применением административной преюдиции.

К их числу можно отнести несовершенную процедуру привлечения виновных лиц к административной ответственности, а также отсутствие должного контроля за правонарушителями.

Таким образом, административная преюдиция имеет ряд положительных функций, благодаря которым профессор В. П. Малков назвал ее «удачной находкой законодательной техники»¹. Вместе с тем внедрение данного юридического средства с целью эффективного его применения требуют тщательной доработки.

¹Малков В.П. Административная и дисциплинарная преюдиция как средства декриминализации и криминализации в уголовном праве // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 2. С. 196.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Авдеенко Н.А.</i> О проступке в уголовном праве	3
<i>Азимов Э.М.</i> Проблемы разграничения мотивов в преступлениях экстремистской направленности.....	8
<i>Андреева Л.А., Овчинникова Г.В.</i> Уголовный кодекс нуждается в усовершенствовании.....	13
<i>Боровиков С.А.</i> К вопросу о конструировании норм, предусмотренных статьи 285 и 286 Уголовного кодекса Российской Федерации.....	19
<i>Донец С.П.</i> Особенности учета смягчающих и отягчающих обстоятельств при различных комбинациях: теория и судебная практика.....	25
<i>Ефремова Н.М.</i> Проблемы назначения и применения уголовного наказания лицам, страдающим наркоманией.....	35
<i>Зимирева Л.А.</i> Осознание причинной связи и форма вины в преступлениях против жизни: корреляционная зависимость.....	42
<i>Кирюшин В.В.</i> Некоторые особенности практической реализации статьи 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации.....	49
<i>Кравченко Р.М.</i> К вопросу о способе совершения преступлений, связанных с нарушением правил и требований безопасности при выполнении работ и оказании услуг.....	56
<i>Красильникова Е.В., Попаденко Е.В.</i> Незаконный оборот древесины: вопросы криминализации и правоприменения.....	61
<i>Ломакина Н.Г.</i> 20 лет Уголовному кодексу Российской Федерации – на страже интересов граждан и государства.....	70
<i>Никуленко А.В.</i> Необходимая оборона и задержание: вопросы правомерности причинения вреда.....	76

Петрова И.А. Влияние миграционных процессов на развитие уголовного законодательства.....	84
Пименова З.И. К вопросу об уголовно-правовой коллизии декриминализации.....	91
Рыжов Э.В. Проблемы применения уголовно-правового понятия «преступление против половой неприкосновенности» в уголовном процессе.....	94
Силкин В.П. 20 лет Уголовному кодексу Российской Федерации: критический анализ законотворчества.....	98
Тимошенко А.А. Не допустить ужесточение репрессивной политики под лозунгом стремления к справедливости.....	111
Тимошенко Ю.А. К вопросу о моменте окончания уголовно- наказуемой добычи водных биологических ресурсов (ст. 256 УК РФ).....	118
Уланова Ю.Ю. О некоторых проблемах соотношения административной и уголовной ответственности по делам об автотранспортных преступлениях.....	126
Фомин В.Л. Эволюция норм об уголовной ответственности за кражу.....	133
Цепляева Г.И. Конфискация в уголовном праве	139
Эргашева З.Э. Сущность и функции административной преюдиции.....	145

Научное издание

20 ЛЕТ УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.
ИТОГИ ПРИМЕНЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

*Материалы Всероссийской
научно-практической конференции,
г. Вологда, 10 июня 2016 года*

Вологодский государственный университет

Подписано в печать 07.06. 2016. Тираж 500 экз. Формат 60x84/16.
Бумага офсетная. Печать цифровая. уч.- изд. л. Заказ №

ООО «Издательство «Сад-огород», 160033, г. Вологда, ул. Текстильщиков, 20-а,
Тел: 8 (8172) 73-12-22, e-mail: vologdapost@yandex.ru

ISBN 978-5-906850-14-0

9 785906 850140